Лорд планеты Земл

Сергей Лукьяненко

21 мая 2005 г.

Оглавление

Часть I

ПРИНЦЕССА СТОИТ СМЕРТИ

Глава 1

«ОБРУЧЕНИЕ»

— В тебя можно влюбиться?

Я не сразу расслышал вопрос. Занятый очень сложной попыткой подняться с земли, не опираясь на разбитые в кровь кулаки, я почти забыл про девчонку. Такое часто случается в очень жестоких драках — к их концу успевает забыться причина ссоры.

— В тебя можно влюбиться?

Мне наконец-то, удалось встать. Сильнее всего болели руки, и это было неплохо. Выходит, большую часть ударов я сблокировал. Если бы не прямой в лицо, на последних секундах, победа оказалась бы идеальной. И бескровной; для меня, конечно...

— В тебя можно влюбиться?

Голос девчонки был настойчивым и спокойным. Словно не ее, отчаянно и неумело отбивавшуюся, тащили недавно к скамейке трое здоровенных ублюдков. Будто и не было короткой, беспощадной драки, к концу которой я впервые перешел незримую грань — начал бить на поражение. Насмерть. Потому что иначе могли убить меня.

Я как будто увидел себя со стороны. Высокий, мускулистый, в разорванной рубашке, с залитым кровью лицом. Кастет у них был, что ли? Супермен-любитель, нетвердо стоящий в окружении трех поверженных врагов и спасенной девушки. Можно ли в такого влюбиться?

— Да, конечно, — вполголоса, не осознав еще нелепости вопроса, сказал я. — Можно...

И посмотрел на девчонку.

Господи, и чего они к ней привязались? Совсем еще малолетка, лет тринадцати-четырнадцати. Красивая, правда...

Очень красивая.

Мягкие каштановые волосы, свободно падающие на тонкие плечи. Стройные ноги, длинные, но без подростковой несоразмерности. Фигурка, правильная до идеальности, до классических пропорций греческих скульптур. Большие темно-синие глаза на тревожном, и от этого еще более красивом лице. Значит, все-таки испугалась... Лишь голос остался спокойным, сдержанным.

Я смотрел на девчонку, не в силах оторвать взгляда. Она и одета была удивительно: в коротких, облегающих шортах, маечке-топике из глянцевитой багрово-красной ткани, таких же вишневых кроссовках, бледно-розовых носочках, валиками скатившихся на щиколотках. Красивую тонкую шейку дважды обвивала золотистая цепочка, такая массивная, что у меня мелькнула мысль — подделка. И вдруг я понял, что это не так. На девчонке не было ничего бутафорского. Цепь — золотая, стоящая уйму денег.

Господи, и как на нее не напали раньше?

— Тебе очень больно? — тихо спросила девчонка.

Я покачал головой. Больно, конечно, но тебе не стоит об этом думать. Тебе надо поскорее попасть домой. И не бродить по ночам в самом заброшенном городском парке, где полно обкуренных анашой юнцов и напившихся до одури пьянчуг.

— Сейчас все пройдет, — твердо, уверенно сказала девчонка. И протянула ко мне руку.

Теплые, нежные пальцы коснулись моего лица. Она словно не видела липкой крови, запекшейся на коже. Или — не боялась до нее дотронуться.

Боль прошла.

Меня словно обдало холодным ветром. Сознание обретало ясность. Тело вздрогнуло, я напрягся, готовый снова кинуться в драку. Готовый умереть из-за незнакомой девчонки. Готовый убить любого, кто посмеет ее обидеть.

А боль исчезла.

— Я очень рада, — продолжала девчонка. — Ты красивый, хоть это и не важно. Ты сильный, но и это не самое главное. Ты смелый.

На секунду она замолчала. Ее пальцы скользили по моему лицу, и где-то в глубине кожи рождался легкий холодок. Странно, ведь ладонь такая теплая...

— А самое главное — в тебя можно влюбиться.

Я кивнул. Теперь уже — вполне сознательно. Я хочу, чтобы ты в меня влюбилась, странная девчонка.

Потому что я уже люблю тебя.

— Ты будешь ждать, пока я вырасту?

Она улыбнулась, и огромные синие глаза вспыхнули. Девчонка спрашивала уже зная ответ. Словно исполняя скучный, но обязательный ритуал.

— Да...

— Тогда дай мне руку.

Что-то тяжелое и маленькое легло в мою ладонь. Пальцы сжались сами собой, пряча неожиданный подарок.

— Ты должен носить его, пока не передумаешь. Пока не устанешь ждать. А мне пора.

Девчонка шагнула назад. В темноту, в сплетение деревьев, в неизвестность.

— Постой... — я подался к ней. — Я провожу...

И снова улыбка — смеющиеся глаза на лице юной богини.

— Меня проводят. Это слишком далекий путь... для тебя. Я рада, что мы обручились. Прощай.

Меня охватило непонятное оцепенение. Я видел как она уходит, и каждая клеточка тела, каждый мускул, каждый нерв тянулся вслед. Надо было идти за ней, надо было проводить девчонку домой...

Но я не мог сдвинуться с места. Я лишь смотрел на нее. А потом разжал ладонь. И увидел кольцо из тяжелого желтого металла.

...Сегодня вечером мы тусовались на хате у Крола. Какое место он занимает в нашей конторе понятно, я думаю, по прозвищу. Лопоухий, с вечно красными, слезящимися глазами, не по делу суетливый. Зато с родителями-геологами, подолгу пропадающими в командировках, и вполне приличным штатовским видиком.

На тусовку я пришел уже разогретым. Состояние было странным — обычно я или совсем не пью, или довожу себя до полного кайфа. Сейчас мне пить не хотелось абсолютно.

В комнате у Крола было темно, работал видеомагнитофон, на широкой разболтанной кровати сидело человек семь-восемь. Кто-то громко позвал:

— Серж, приземляйся!

И потише, но куда более властным голосом:

— Эй, место Сержу...

Я вяло взмахнул рукой, одновременно и здороваясь, и объясняя, что не собираюсь садиться. Постоял минуту, привалившись к косяку, глядя на экран, где шла очередная серия «Кошмаров на улице Вязов». Неистребимый Фредди Крюгер молотил пальцами-бритвами тощего очкастого парня. Кровь хлестала фонтаном. Очкарик, с обреченным видом, словно понимая бесплодность своей затеи, палил во Фредди из двух огромных револьверов. Клочья полосатой рубахи и куски гнилого мяса вылетали из Крюгера не менее эффектными гейзерами.

Развернувшись, я побрел к ванной. Вслед мне несся восторженный голос гундосого переводчика: «А теперь, ребята, я займусь вами по-настоящему...»

В ванной комнате готовилась к любви незнакомая парочка. Девчонка уже разделась, парень стягивал брюки. На меня они уставились так ошалело, что я немного протрезвел. Даже дошло в чем дело — дверь была заперта на довольно массивную щеколду. Не рассчитал усилия, что поделаешь.

— Я быстро, — объяснил я, включая холодную воду. — Чувствую потребность умыться...

Ледяная струя хлестнула по затылку, потекла за шиворот. Я помотал головой, постанывая от наслаждения. Так, что мне еще нужно? Сигарету...

Девчонка стояла смирно, прикрывшись полотенцем. Парень медленно багровел от злости. Крутя головой под струей воды, я краем глаза наблюдал за ним и пытался предугадать дальнейшую реакцию. Если он меня знает, то выждет минуту, приладит задвижку на двери, и спокойно...

Так, значит, не знает. Я дернулся, уходя от удара. Парень саданул ребром ладони по чугунному краю ванны и взвыл. Не давая ему опомниться, я ударил в плечо. Несильно, просто разворачивая в удобную позицию... И влепил ногой в живот — на этот раз покрепче. Парень согнулся и сел на пол.

— Еще полезешь — ударю пониже, — наставительно произнес я. — Будешь неработоспособен.

Поискал глазами полотенце, не нашел. Улыбнулся девушке:

— Мне бы вытереться.

Она быстро протянула полотенце, которое держала перед собой на манер ширмы. Я осторожно взял махровое полотнище за уголки и, продолжая занавешивать девушку, промокнул лицо, кивнул и вышел в коридор.

Поиски сигареты привели меня на кухню. Будь моей целью введение в легкие никотина, этого посещения оказалось бы вполне достаточно. Несмотря на открытое окно и небольшое количество народа — трое парней да целующаяся парочка, воздух казался настоем кислорода на табачном дыме.

Устроившись на подоконнике рядом с Графом и Досом, я не глядя протянул руку. Граф вложил вложил в нее новенькую, только распечатанную пачку: мягкая желтая обертка с пасущимся на фоне минарета верблюдом. Явно не турецкие, для продажи «за пределами США».

— Ого. . .

Я подцепил короткую «кэмелину», а пачку опустил в карман.

— Ты мне даришь, идет?

Граф поморщился, но возражать не стал. Поднес зажигалку, тоже фирменную, на этот раз предусмотрительно не выпуская из рук.

Затянувшись, я блаженно улыбнулся и расслабленно откинулся назад. Прямо в проем открытого окна.

Девчонка, не прекращая целоваться, завизжала. Я перегнулся через карниз, замер, разглядывая с высоты девятого этажа ночную Алма-Ату. Ровные, как линеечкой вычерченные, обозначенные пунктиром фонарей, улицы. Пятна цветного света на площадях. Машины, ползущие по улицам, некогда носившим имена Пастера и Горького, а ныне — кого-то труднозапоминаемого. Окутанное мягким светом здание высотной гостиницы с окруженной красными огоньками «коронкой» на крыше.

Ногами я надежно зацепился за чугунные ребра батареи. Дос похлопал меня по животу: хватит дурить, навернешься вниз. . .

Я распрямился, снова усаживаясь на подоконник. Граф молча кивнул на стол, где в окружении стопок и нарезанной ломтями колбасы скучала ополовиненная бутылка водки «Жыбек-жолы». Две ее пустые сестры лежали под столом. Я помотал головой. Нет, не хочу. Не знаю почему, но не тянет. . .

В прихожей хлопнула дверь. Через минуту, заполненную шорохом снимаемой обуви и тихим разговором, в кухню вошел Ромик. За ним — незнакомая девчонка.

Голова закружилась. Я вдруг почувствовал, что трезвею. Синие глаза из-под каштановой челки, стройная фигурка, джинсовые шортики. Девчонка была красивая. И казалась до боли знакомой.

Я смотрел как Ромик с подружкой приближаются к нам. А в глубине души звучал вкрадчивый шепоток рассудка. «Успокойся. Опомнись, Сергей. Прошло пять лет. Почти пять. . . Можно влюбиться в семнадцать лет, но глупо вспоминать в двадцать два детскую любовь. Она просто похожа.»

Очень похожа.

Я пожал Ромкину ладонь. И почему у него вечно влажные руки? Граф бесцеремонно спросил:

— Ты с новой подружкой?

Ромик покосился на девушку, уклончиво сказал:

— Как видишь. . .

— Я пока не твоя подружка, — рассматривая нас, сказала девушка. — Ты меня представишь?

— Знакомьтесь, это Ада. С биофака. . . — начал Ромик.

— В начале представляют мужчин, — брезгливо произнесла Ада. Она оценивающе смотрела на меня. Так изучают манекен на витрине.

Подвинув плечом Доса, я взял Аду за руку. Потянул к себе.

— Садись.

Она молча села.

— Меня зовут Серж. Будешь моей подружкой?

Ада пожала плечами. Взглянула на Ромика. Тот косо улыбнулся.

— Не беспокойся, он разрешит, — объяснил я. — На той неделе я ему уступил свою девчонку, так что за ним должок. Верно, Ромик?

— Серж, ты оборзел, — тихо сказал Ромик.

— Исчезни, — коротко приказал я.

Ромик взял со стола полную стопку. Залпом выпил. Бросил на меня ненавидящий взгляд. И вышел.

Он меня знал.

Я прикрыл глаза, затянулся, глотая сладковатый дым, услышал голос Графа:

— Поговорить с ним, Серж?

Я покачал головой.

— Он в своем праве, Граф. А я и верно оборзел. Сам разберусь.

Сигарета дотлела почти до фильтра. С каждой затяжкой табак казался все крепче.

— Мне не нравится, что ты куришь, — негромко сказала Ада.

Я кивнул, доставая из кармана пачку. Перебросил ее через плечо, в темный провал окна, сплюнул на пол окурок. Граф тоскливо посмотрел в окно. Сказал ни к кому не обращаясь:

— В валютном брал...

— За мной, — успокоил я его. — Граф, мне нужна пустая комната.

Граф кивнул. Подхватил Доса, потянул из кухни. Парочка и третий парнишка смылись еще раньше.

— И что это значит? — отстранившись от меня спросила Ада.

Я жадно разглядывал ее. Похожа. Но той девчонке сейчас лет восемнадцать. Ада старше.

— В тебя можно влюбиться? — выделяя каждое слово спросил я.

Ада пожала плечами.

— Это твое дело. Рискни...

...И что-то словно раскололось. Похожие черты стерлись. Обаяние исчезло. Рядом сидела обыкновенная двадцатилетняя девушка, в меру красивая, в меру наглая. С крашенными в модный цвет волосами. В сексопильных шортиках, сооруженных из старых джинсов.

Та девчонка ответила бы по другому. Не знаю как, но не так деланно-небрежно, с видом роковой женщины, прошедшей огонь, воду и медные трубы.

— Пить ты мне разрешаешь? — грубо спросил я, и потянулся за бутылкой. Ада кивнула. Я глотал водку прямо из горлышка, не чувствуя струи обжигающего пламени на губах.

— Оставь, — попросила Ада.

Я протянул ей бутылку с плещущей на донышке водкой. Вдохнул полной грудью. Рот, горло, пищевод — все словно загорелось, налилось жгучей тяжестью. В сознании мелькнула четкая, предупреждающая мысль: «через полчаса я отключусь».

Я посмотрел на Аду. Она допила водку так же я — из горлышка. И ничего, сидела спокойно, заложив ногу за ногу. Я вдруг заметил, что ноги покрыты редкими волосиками. Несильно, да еще и старательно обесцвеченными, но...

«Что может быть страшнее волосатых женских ног? Волосатая женская грудь.»

С грудью мы разобраться успеем.

— Ты про меня слыхала? — спросил я, чувствуя, что язык повинуется с некоторым трудом.

Ада кивнула.

— Да. Ты Сергей-Серж. Держишь весь район, а мог бы держать и город. Каратэист. Инструктор рукопашного боя в спортклубе.

— Что еще? — требовательно спросил я.

— Воевал где-то на юге, с сепаратистами. Был ранен в Каспийском десанте. Учился в меде, бросил. Сейчас восстанавливаешься.

Ничего себе, известность...

— Еще, — почти закричал я.

Ада помолчала.

— Ты никогда и никому не признавался в любви. Даже тем, с кем спал. А их было немало. Говорят, что лет пять назад, еще при Союзе, ты спас от бандитов девушку, и полюбил ее. Она подарила тебе кольцо, которое ты с тех пор носишь. Это оно?

Я поднял правую руку — нестерпимо тяжелую и неуклюжую. На безымянном пальце тускло желтело кольцо. Бледной искоркой светился вдавленный в золото крошечный бриллиант.

— Ему не нравится, — тоскливо сказал я. Голову застилал колеблющейся туман, перед глазами все плыло. — Видишь, как оно потускнело? Я делаю дрянь, я ведь себя как свинья...

Приблизив лицо к Аде, я шепнул:

— Ты на нее похожа, ясно? Снаружи...

Ада понимающе кивнула.

— Я поняла. Ты ведь ни у кого не отбивал девчонок. Они сами к тебе липнут.

— Ты про меня все знаешь, — задумчиво сказал я. — Давно за мной охотилась? Я же в тебя не влюблюсь...

— Мне нравятся сильные мужчины, — она тряхнула челкой. — Те кто сильнее меня.

— Кто подавляет твою волю... Кому хочется подчиняться. Мне жаль тебя, Адка, — как в бреду прошептал я. Комната исчезла. Был лишь неяркий свет, вязнущий в сигаретном дыму. и девчонка с хищными глазами. — Хочешь, чтобы я тебя взял? Ладушки, возьму...

— Прямо здесь? — иронично спросила она.

— Да.

Я подцепил пальцами поясок на шортах, дернул.

— Снимай!

Она соскочила с подоконника. Секунду глядела на меня — показалось, что Ада сейчас двинет мне по морде, и уйдет... А я брошусь вслед, захлебываясь в оправданиях, в пьяной вере, что все-таки нашел ее, девчонку из детского сна, из первой любви...

Ада расстегнула пуговицу на шортах, с треском развела молнию. Стоптала шорты, оставшись в кружевных белых трусиках.

— Дальше! — сползая с подоконника велел я. — И блузку...

Глава 2

ЗОВ

Я проснулся к полудню. Раскалывалась от боли голова. Во рту пересохло, губы покрылись сухой белой гадостью.

А еще мне было нестерпимо стыдно. За избитого в ванной парня. За пижонство с сигаретами. За опозоренного Ромку.

За синеглазую симпатягу с коротким именем Ада.

Я посмотрел на кольцо — оно казалось скорее серым, чем желтым. Бриллиант походил на стекляшку.

— Я сволочь, — вставая со скомканной простыни прошептал я. — Сволочь, которая держит район. Сволочь, которая учит сопляков драться, и заколачивает на этом деньги.

По пути в ванную комнату я включил магнитофон, и квартиру наполнил грохот электронной музыки. Старина Жан-Мишель Жар старался вовсю.

Холодный душ. Потом — горячий: тугие струи кипятка, бьющие из гибкого шланга. И снова — ледяная вода под предельным напором.

Я замерз и обжегся. То постанывал от удовольствия, то визжал от боли. Потом, не вытираясь, вылез из ванны, прошел на кухню, поставил греться чайник. Квартира была пуста — родители давно ушли на работу. Мои хорошие родители, гордящиеся хорошим сыном.

— Я сволочь, — повторил я. — Но тебя так трудно ждать. Так долго... Я и правда тебя люблю. Хоть и не знаю ничего, даже имени.

Залив кипятком две ложки растворимого кофе, я уселся с чашкой за стол. Вскрыл пачку сухого галетного печенья. Есть не хотелось, наоборот, подташнивало. Но я по опыту знал, что после еды станет легче.

Попивая кофе я украдкой посмотрел на кольцо. Металл ожил, налился чистой янтарной желтизной. Прозрачный кристаллик, который я привык считать бриллиантом, начал блестеть.

Иногда мне казалось, что именно кольцо не позволяет забыть давнюю встречу в парке. Странное это было кольцо — меняющееся в зависимости от моего настроения. Сейчас, после мысленного покаяния, оно стало нормальным, красивым золотым кольцом. А камень поблескивал даже ярче обычного.

Гораздо ярче.

Я полюбовался переливами света на маленькой крошке углерода, которую чудовищное давление и жар превратили из черного угля в сверкающий алмаз.

Если кольцо было случайным подарком незнакомому спасителю, то странная девчонка была дочерью миллионера. Вряд ли я снова увижу ее. Наверняка не встречу никого похожего.

И все же — здорово, что она была. Смеющиеся синие глаза. Мягкие пальцы, смывающие боль. И настойчивый вопрос: «В тебя можно влюбиться?»

— Да, — ласково произнес я, глядя на кольцо. — Да.

— Ты все еще ждешь?

— Да.

— Ты придешь, если я попрошу?

— Да...

Меня подбросило со стула. Да нет же, я соскочил сам. Я уже не вспоминал. Не болтал сам с собой.

В гулкой тишине, особенно ощутимой после доигравшей кассеты, я слышал ее голос. И вовсе не такой, как в мечтах — спокойный и по-детски беззаботный. Голос дрожал, словно от страха или боли. Он был неуверенным и тихим. И в то же время — стал тверже и серьезнее. Девочка выросла.

И вспомнила обо мне!

— Ты не боишься? Это очень далекий путь.

Я покачал головой. Наступила тишина. Голос исчез. И вдруг до меня дошло, что она может и не видеть моего жеста.

— Я не боюсь.

Теперь я понял, откуда шел голос — из кольца. Так вот ты какой, драгоценный подарок...

— Время уходит, и надо спешить. Подумай еще раз — ты не пожалеешь? Я зову тебя в иной мир, на другую планету.

Наверное, я догадывался об этом всегда. В душе не мелькнуло даже тени удивления. Не было и страха. Жалеть этот мир? Пьяные лица Графа и Доса? Два года армии, проведенные в частях спецназа? Вечерние разговоры родителей — какой прекрасной была наша страна до распада, при Лене... Еженедельный мордобой на незримых границах, делящих город на подростковые районы?

— Я приду. Я не пожалею.

Пауза. Молчание, белое и похрустывающее, как стерильный медицинский халат. Секундная пауза в разговоре двух миров.

— Скажи, ты и правда... помнил меня?

Ее голос превратился в едва слышный шепот.

— Да... — я растерялся.

— Со мной беда... Большая беда. Ты — последний шанс для многих тысяч... людей. Так получилось. Древний обычай стал преградой на пути зла.

— Я не понимаю, — беспомощно произнес я, — объясни, что случилось?

— Время уходит. Ты понимаешь, что можешь погибнуть?

— Да... наверное.

— Ты придешь?

— Да! Но как?

— Сейчас я разобью камень нашего кольца. Он — ключ, закрывающий туннель. Барьер исчезнет, и ты придешь. Но я не знаю, кто встретит тебя на моей планете — враг или друг.

Почему-то меня удивили слова о «нашем кольце». И так же быстро, как появилось, непонимание рассеялось. Я неожиданно понял: на ее руке — то же кольцо, что и у меня. Кольцо раздвоено, разделено на два мира.

— Я иду, — просто сказал я. — Иду.

Камень в кольце вспыхнул ослепительной белой искрой. Зеркальные грани покрыла паутинка трещин. Еще мгновение — и он исчез совсем. А кольцо окутало золотистое сияние. Тонкой невесомой пленкой оно растеклось по руке, скользнуло по телу, охватило меня мерцающей пеленой.

И мир вокруг исчез.

Я падал. Нет, скорее летел, в невесомости, в бесплотной желтизне, сладкой как мед и теплой как янтарь. Меня раскачивали на огромных нежных ладонях, меня убаюкивали ласковые прикосновения. Мир был пропитан теплом и покоем, в нем не осталось места для страха или боли. Приветливые голоса шептали что-то доброе, напевали бесконечную гипнотизирующую мелодию. Призрачные тени стремились ко мне, повинуясь едва осознанным мыслям. Тело словно разрасталось, заполняя собой весь этот нереальный мир, превращаясь в прозрачный, солнечно-желтый, пахнущий лимоном и мятой, дым; в облачко апельсиновой пыли; в бриллиантовый дождь, падающий на огромный золотистый круг.

И вдруг, довершая магическое очарование полета, на меня обрушилась волна нестерпимого, сладострастного, выворачивающего тело наизнанку наслаждения. Я бился в судорогах, пытаясь удержать последние, ускользающие крупицы дурманящего нечеловеческого удовольствия. Но янтарный туман уже исчезал, рассеивался, гас...

Я очнулся.

Самым неприятным оказалось то, что выйдя из ванной я не удосужился одеться. Теперь, когда я лежал ничком на каменистой, усыпанной острыми камешками земле, нагота причиняла мне нестерпимую боль. Переход от наслаждения к страданию оказался так резок, что на несколько мгновений я потерял способность думать и двигаться. Хотелось сжаться, замереть, впасть в сонное оцепенение. Но именно этот контраст помог мне прийти в себя, забыть сладостный бред гипертуннеля.

Первым движением я осторожно отжался от земли. Впившиеся в тело камешки посыпались вниз. Резким толчком я поднялся, замер, рефлекторно принимая боевую стойку.

Вокруг до самого горизонта тянулась каменистая степь. Ни пучка травы, ни кустика, ни деревца. Ни единого голубого пятнышка воды. Бурая равнина под безоблачным, но непривычно темным небом. И дышится... не по-земному. Воздух словно профильтрованный, ни малейшего запаха. Даже пылью не пахнет, а уж это, по-моему, для степи — обязательно. А солнце в небе обычное, желтое, как дома,

— Похоже, залетел, — прошептал я самому себе.

Куда ты позвала меня, девчонка из детского сна? Куда забросило, магическое кольцо, неизменный талисман, драгоценная игрушка?

Со смешанным чувством стыда и злости я посмотрел на себя. Голый атлет. Не дай бог, наткнусь сейчас на женщину. Позора не оберешься...

Не дай Бог, ни на кого не наткнусь. Сколько суток человек живет без воды? Трое или пятеро...

Я вдруг вспомнил о кольце. Взглянул на руку — не исчезло ли? Кольцо по-прежнему было надето на безымянный палец. А вот кристаллик-бриллиант исчез. Даже вмятины в золоте не оставил. Что ж, ключ в замке повернут, и барьер открыт. Обратно дороги нет.

Посмотрев по сторонам — везде одно и то же, выжженная степь, никакой разницы, я сориентировался по солнцу и решил, что пойду на восток. Конечно, если я не ошибся, и сейчас — утро.

Ноги не болели даже после трехчасовой ходьбы босиком. Сказались тренировки по каратэ. Иногда мне кажется, что на подошвах, ребрах ладоней и костяшках пальцев вместо кожи наросла какая-то роговая пластина, твердая и абсолютно нечувствительная. А вот пить хотелось ужасно. Я с тоской вспоминал недопитый кофе, ну а вид чайника, наполняемого из-под крана холодной водой, старался вообще не вызывать в сознании. Если жажда так мучает меня после небольшой прогулки, то завтра она станет непереносимой.

К тому же меня подвело солнце. Оно неторопливо садилось на «востоке». Выходит, сейчас не утро, а вечер. Ну а двигаюсь я на запад.

Конечно, в выборе направления не было никакой разницы. Вполне возможно, что идти следовало на север, где мог возвышаться гигантский город. Не исключено, что на юге раскинулись огромные озера, по берегам которых растут съедобные плоды. Но ошибаться всегда обидно.

Когда солнце наполовину скрылось за горизонтом, я начал готовиться ко сну: высматривать более-менее ровное и свободное от щебенки место. Первая неловкость от ходьбы голышом уже прошла. Все равно никто не видит. Я чувствовал себя первобытным человеком, не успевшим еще изобрести одежду.

Правда, на руке у меня было кольцо. Иногда я касался его кончиками пальцев, словно ожидая чего-то. Совета, поддержки, глотка воды... Ты позвала, девчонка моей мечты, и я пришел.

Я иду.

Гул родился высоко в небе, на западе. Я остановился, всматриваясь. И увидел, как над полукругом заходящего солнца серебристыми искорками блеснули две летящие точки.

Почему-то я сразу подумал о боевых самолетах, об истребителях. На такую мысль наводила то ли стремительность полета, то ли явно заметные маневры «самолетов». Тот, что летел первым, непрерывно менял высоту и скорость, пикировал, свечей взмывал вверх. Второй синхронно повторял его движения, все сокращая и сокращая расстояние, разделявшее их.

Задрав голову, я следил за полетом. Оба летательных аппарата были уже надо мной, но высота, не меньше чем пятикилометровая, мешала разглядеть очертания. Просто серебристые точки в темном небе — там, где они мчались, солнце еще светило вовсю.

Я ждал развязки. Я был уверен, что она неизбежна, что погоня окончится где-то здесь. И развязка последовала, но не та, которая казалась самой вероятной.

Клубящееся белое пламя, неяркое, похожее скорее на дым, чем на огонь, появилось вокруг преследователя. Серебристая машина стала уходить в сторону. Но медленно, очень медленно. А светящееся облако сместилось ей вслед — так стальные опилки ползут по листу бумаги за сильным магнитом.

Окутанная белым пламенем машина начала падать. Отвесно, кувыркаясь, с каждой секундой обретая объем, превращаясь в нечто вроде сплюснутого шара. Еще несколько секунд смертоносное облако снижалось рядом, затем отстало, и принялось меркнуть.

Сбитый аппарат падал на меня. Я пригнулся, торопливо решая, стоит ли убегать и куда. Но машина, похоже, еще не совсем потеряла управление. Скользнув на высоте нескольких сот метров над землей, она замедлила движение, зависла. На какой-то миг я решил, что ей удастся благополучно сесть.

С негромким, похожим на хлопок, взрывом металлический шар развалился. Блеснуло оранжевое пламя.

Вколоченные в армии рефлексы не подвели. В прыжке, не обращая уже внимания на камни, я растянулся на земле, ногами к огню. От инопланетной техники я ожидал любой гадости, вплоть до атомного взрыва.

Осколки глухо пробарабанили вокруг. Дохнуло жаром, спину обдал горячий ветер. Еще несколько секунд в воздухе висел давящий гул, глухой болью отзывающийся во всем теле. Потом стих и он. Лишь одиноко позвякивала железяка. катившаяся по камням в мою сторону.

Я поднялся. Метрах в пяти, завершая свое движение, подпрыгивал на одном месте маленький металлический диск — уцелевшая деталь разрушенного аппарата. Невдалеке темнела груда обломков, ничем не напоминающая сплюснутый шар, еще недавно стремительно маневрировавший в небе. Оружие, используемое в этом мире, при всей своей экзотичности было весьма эффективным.

Обогнув маленький диск (приближаться к нему абсолютно не хотелось), я побрел к обломкам. Найти там что-то целое представлялось нереальным, но и острый кусок металла окажется очень полезным. Нож — это самое простое, но и самое надежное в мире оружие. Он не дает осечек, и в нем не кончается боезаряд. Правда, и от своего владельца холодное оружие требует некоторых навыков...

В глубине души я понимал, что приближаться к разрушенной машине небезопасно. Она могла быть радиоактивной. Топливо, если оно вообще существовало, скорее всего ядовито. Наконец, во взорвавшемся аппарате вполне способны уцелеть пока еще не взорвавшиеся блоки. Кое-где по металлическому хламу пробегали язычки светлого пламени. Земля под ногами была горячей. Повторный взрыв мог последовать в любую секунду.

К остаткам машины я так и не подошел. В нескольких метрах от них я увидел пилота.

Он лежал, раскинув руки, неподвижным черным отпечатком на фоне серого круга невыгоревшей земли. Фигура была человеческая, антрацитово-черная, похожая на густую тень, на обугленную, выкрашенную темной кистью огня, деревяшку. Но когда я подошел ближе, то увидел, что пламя его пощадило. Просто от кончиков пальцев и до макушки пилота обтягивал тугой, вырисовывающий каждый мускул, комбинезон. Ткань маслянисто поблескивала, но на ней не был заметен ни красный отблеск заката, ни голубые блики догорающей машины. Она словно впитывала падающий на нее свет, чтобы преломить его, переработать в собственное легкое мерцание. Кое-где тонкая пленка комбинезона набухала гроздьями маленьких шариков, утолщалась, превращаясь в узкие ленты-ремни, охватывающие тело.

На поясе у пилота висела короткая широкая кобура, расположенная непривычно — справа. У левого же бедра, прижимаясь к ноге, крепился длинный плоский чехол ножен.

Мне приходилось видеть разную форму. И нашу, армейскую, бывшего Советского Союза. И пестрое, нередко нелепое, обмундирование национальных воинских формирований. Я помнил мундиры «голубых касок», частей ООН, высаживавшихся на пылающие улицы Тирасполя из своих огромных, двухвинтовых десантных вертолетов. Международные силы сдерживания сменили тогда нас — спецназовцев — на границах крошечной Приднестровской республики.

Но ни в одной армии моего мира летчики ВВС не летали с пристегнутым мечом.

Я глянул вверх. Второй аппарат уже исчез. Он даже не снизился к сбитому противнику. Опасался чего-то?

Мешкать все же не следовало.

Колебался я недолго. Ночевка в степи без одежды привлекала меня меньше, чем мародерство. Осторожно перевернув тело на спину я с некоторым страхом взглянул на лицо. Оно оказалось человеческим. Пилоту было лет сорок, комплекции мы оказались почти одинаковой. Я не увидел следов крови, но безжизненно расширенные зрачки не оставляли никаких сомнений. Пилот был мертв.

Мысленно извинившись, я принялся разбираться с застежками комбинезона. Шов был один, он тянулся от шеи до низа живота. Вскоре я понял, что он открывается при давлении на него, с одновременным смещением вправо. Принцип действия застежки остался мне не ясен. Скорее всего — какой-то магнитный механизм. Но это было не слишком важно.

Минут через десять я стоял одетый в глянцево-черный комбинезон. Белья с пилота я снимать не стал, он так и остался в светло-сером, похожем на спортивный, костюме. Снять и его — было бы логичнее, но это не позволили мне совесть и брезгливость. К тому же черная ткань и без того приятно холодила обнаженную кожу. Ремни, впрессованные в нее, почти не ощущались. Они слегка сократились в поясе, растянулись в плечах, и комбинезон подогнался под мою фигуру. Удобно.

— Не знаю, кто ты, и за что погиб, — вполголоса сказал я. — Но за такую одежду — спасибо. А я сделаю для тебя, что могу...

Я огляделся, подыскивая подходящий кусок металла, чтобы вырыть неглубокую могилу. Обломки уже догорели, никаких признаков жизни поблизости не было, а бросить непогребенным тело я не мог. Однажды, в горном бою на Кавказе, мы потеряли троих ребят, вытаскивая из-под обстрела труп нашего сержанта. Наше отношение к убитым на войне — словно попытка извиниться за то, что мы сами еще живы...

Глава 3

ПЛОСКОСТНОЙ МЕЧ

Первую ночь в чужом мире я провел беспокойно. В комбинезоне погибшего летчика было тепло и уютно, вокруг — тихо и безжизненно. Далеко позади остались обломки летательного аппарата, ставшие памятником над безымянной могилой. Но уснул я не сразу. Тысячами ослепительных звезд, узорами незнакомых созвездий, цветными полотнищами туманностей пылало надо мной чужое небо. У планеты, на которой я находился, не оказалось крупных, заметных спутников, но светло было как в полнолуние. Только сейчас, глядя на звезды, названий которых не знал, я понял, как далеко нахожусь от дома. Не просто от дома — от всей Земли. Бесконечно далеко. Жизнь словно перелистнула несколько страниц и начала новую главу. Еще неизвестно, интересную или нет, печальную или веселую. Просто новую. Лишь я — главное действующее лицо, прежний. Сергей-Серж, студент-медик и отставной десантник с Земли, влюбившийся пять лет назад в звездную принцессу, девочку из мечты…

Она позвала. И я пришел.

Сжимая ладонь на кобуре пистолета я уснул. Детальный осмотр оружия придется отложить до утра — даже в светлом полумраке здешней ночи не следует заниматься делом, требующим максимальной сосредоточенности и осторожности. Достаточно и того, что на гладком, словно бы вылитом из цельного куска металла, пистолете, есть спусковая кнопка. О принципе действия можно подумать и утром. Последней моей мыслью было: как сильно хочется пить…

С ней же я и проснулся. Во рту не осталось ни капли слюны, язык распух и болел, губы покрылись мерзким, отвратительным на вкус налетом. Сон не принес мне ни бодрости, ни сил.

Над степью медленно вставало солнце. Небо снова наполнилось густой синевой, не осталось и следа от ночного великолепия. Воздух был прохладным, но сухим. На камнях не лежало ни капли росы.

С некоторым усилием я поднялся, пару раз сглотнул, разминая пересохшее горло. Провел ладонью по голове, приглаживая волосы. Повернулся спиной к солнцу. Тень упала на землю тонким, указующим направление перстом.

Вперед.

На ходу я достал из кобуры пистолет, снова осмотрел его. Да, вчерашний осмотр не подвел: никаких предохранителей или регуляторов не было. Только спусковая кнопка, широкая и удобная. Ствол оканчивался конусовидно расширенным отверстием.

Нацелив оружие на ближайший валун, я надавил на спуск. Плавно и осторожно, готовый в любое мгновение отдернуть палец или выбросить пистолет.

Руку стало отжимать назад. Это не было похоже на отдачу от выстрела. Ощущение, скорее, напоминало легкое давление включенного вентилятора.

А валун покрылся сетью мелких, извилистых трещин. Я торопливо убрал палец с кнопки, опустил пистолет. Но камень, с едва слышным потрескиванием, продолжал разваливаться на куски. Из углубляющихся трещин полетела серая пыль, посыпалось каменное крошево. Словно неуклюжий стальной крот ворочался в глубине валуна, разваливая его на части.

Грохот, с которым рассыпался камень, заставил меня зажать уши. Невидимый крот завершил свою работу. Вместо метрового камня на земле лежала груда щебенки, окутанная пылью.

Что ж, с пистолетом кое-что прояснилось. Действие его напоминало то оружие, которое уничтожило летательный аппарат. Он не был лазерным излучателем или иным «лучом смерти», он лишь создавал в поражаемом объекте нарастающее напряжение, в конце-концов его разрушающее.

Я вернул пистолет в кобуру, и взглянул на ножны. Выглядывающая из них рукоять смотрелась вполне современно. Полукруглая гарда из тускло-серого сплава, надежно защищающая кисть. Покрытая эластичным рубчатым пластиком рукоять того же густого черного цвета, что и комбинезон. И в довершении картины — круглая красная кнопка на торце рукояти.

Если при первом взгляде на меч мне припомнились ритуальные кортики у офицеров-моряков, то теперь такая версия представлялась сомнительной. На ритуальном мече кнопка ни к чему.

Я осторожно потянул меч из ножен. Показался клинок: неестественно тонкий, сантиметра в четыре шириной, нежно-голубой, почти белый. Он вынимался очень плавно, но в то же время с ощутимым сопротивлением. Так скользят на невидимых пружинах силовых линий одноименные полюса магнитов, проносимые друг мимо друга. Вглядевшись в клинок, я понял, что сравнение оказалось верным. Он действительно не касался ножен — между ним и лезвием угадывался тонкий воздушный зазор. Извлеченный из ножен клинок был удивительно красив. Белый металл лезвия гармонично переходил в светло-серую гарду, а затем — в черную рукоять. В мече была изящная простота, доступная лишь холодному оружию.

Но зачем на нем кнопка?

Вытянув меч перед собой, я нажал на маленький красный кружок. Кнопка легко вдавилась в рукоять, замерла на мгновение, и с щелчком выдвинулась обратно. А серое полушарие эфеса засветилось неярким голубым светом. По нему пробежало несколько светящихся кругов, концентрически сужающихся к лезвию. Круги сжались в тонкий мерцающий ободок, дрожащий на основании клинка.

Затаив дыхание я смотрел на меч.

Светящийся ободок набух, оторвался от металла, превращаясь в сплющенное колечко белого пламени. Потрескивая, с характерным запахом озона, колечко скользнуло вверх по клинку. На конце меча пламя сжалось в маленький белый огонек, коснулось острия и угасло. Словно втянулось в металл.

Меч снова казался обычным. Я протянул руку к клинку, но так и не коснулся лезвия. Не хотелось... Вместо этого я повернул его так, что он обратился ко мне режущей кромкой.

Клинок исчез. Превратился в едва заметную туманную линию, ниточку, тень. Я повернул рукоять, и ниточка развернулась блестящей металлической полосой. Обратный поворот — и снова неуловимая зыбкая черта.

Лезвие «ритуального» меча имело микронную толщину. А может было куда тоньше. Меч словно не имел одного измерения — толщины, прекрасно обходясь длиной и шириной. Плоскостной меч.

Название оружию пришло само собой. Я снова покрутил мечом, наблюдая, как исчезает и появляется клинок. Плоскость. Узкая, невообразимо острая, принявшая форму меча плоскость. Плоскостной меч...

Коротким, несильным ударом я рубанул по лежащему на земле камню. Клинок беззвучно вспорол воздух, прошел сквозь камень и, не задерживаясь, вошел в землю. Я остановил меч, потянул его назад. Лезвие, без малейшего усилия, вышло наружу.

Камень продолжал лежать. Целый и невредимый, даже зарубки не осталось. С недоумением посмотрев на него, я перевел взгляд на меч. Забавно. Клинок, такой острый... что даже не рубит.

Я пнул булыжник ногой. Он качнулся, и распался на две половинки. Грань, по которой они разделились, была идеально ровной и блестело как зеркало.

К лесу я подошел в полдень, когда солнце доползло до зенита и замерло в небе, раздумывая, стоит ли спускаться. Жажда к этому моменту превратила меня в пошатывающуюся, глядящую лишь под ноги фигуру. Я даже не сразу осознал, что темная полоска на горизонте, постепенно приобретающая вид зеленой бахромы, это не просто деревья. Это еще и вода. Это жизнь.

Последние метры до лесной опушки я преодолел бегом. Комичное зрелище, если посмотреть со стороны — едва переставляющий ноги человек вдруг бросается бежать, сокращая свой путь на минуты, но теряя последние остатки сил.

Воды не было. Деревья, с виду совсем обычные, с раскачиваемыми ветерком ветвями и слегка желтеющими листочками вставали из совершенно сухой, твердой как камень земли. Я прошел несколько шагов, растерянно оглядываясь по сторонам. Ни травинки, ни кустика. Лишь толстенные, метрового диаметра стволы, покрытые растрескавшейся бурой корой. Где, на какой глубине их корни находят воду? И как мне напиться в этом странном лесу?

Дрожащая, живая тень листьев прикрывала меня от солнца, принося минутное, эфемерное облегчение. Захватив рукой ближайшую ветку, я провел ее сквозь плотно сжатую кисть, сдирая упругие листья. Набил рот пригоршней терпко пахнущей зелени, сжал челюсти...

Рот наполнился горечью. Отвратительный, маслянистый вкус заставил меня выплюнуть листья. Жевать их было просто невозможно. Я выплюнул набившую рот гадость, пытаясь избавиться от тошноты. В обычной ситуации меня бы вырвало, но сейчас организм упорно не хотел расставаться хотя бы с минимумом жидкости.

Я медленно приходил в себя. И вдруг услышал из-за спины насмешливый, презрительный хохот. Негромкий, но не сдавленный. Так, уверенно и от души, смеются сильные, здоровые люди, наблюдая за изображающим дурачка клоуном.

Не было ни страха, ни любопытства. Наверное, я слишком устал. Плавно повернувшись на звук я положил руку на пистолет — скорее машинально, чем действительно опасаясь. В смехе угадывалась неприязнь, но не было угрозы.

Он стоял метрах в пяти от меня. Высокий, атлетически сложенный мужчина в странной одежде. На нем было что-то вроде свободного, широкого плаща из темно-синей материи, не скрывающего фигуру, а непонятным образом подчеркивающего ее. Ткань плаща абсолютно свободными складками свисала с плеч мужчины, но, словно наэлектризованная, в нескольких точках прилипала к телу, обрисовывая его контуры. На ногах, заправленные в высокие ботинки, были брюки из гофрированной оранжевой ткани. Человек в такой одежде выглядел бы забавно, не высовывайся из складок плаща рукоятка меча. Такая же, с красной кнопкой, как и у меня.

— Кто вы? — негромко спросил я. Голос оказался хриплым, но членораздельным.

Мужчина шагнул ко мне. Лицо его выступило из тени деревьев, и я понял, что он немногим старше меня. Смуглую, скорее от природы, чем от загара кожу, покрывала густая сеть мелких, давних уже шрамов. Сквозь эту оставленную жизнью тайнопись проступали неровные пятна, похожие на следы старых ожогов. Но, как ни странно, лицо мужчины не было отталкивающим. Угадывалась в нем та ироничная беззаботность, что заставляет примириться со многими недостатками, и в первую очередь — с этой самой излишней ироничностью.

— Кто вы? — повторил я.

Мужчина неторопливо достал из складок плаща меч. Я услышал легкий шелест, с которым клинок выходил из ножен.

— Я солдат императора, — негромко произнес он. — Ты умрешь, чужак.

Он говорил не на русском, и не на английском, который я неплохо знал. Язык был абсолютно незнакомым, но почему-то я понимал каждое слово.

— Защищайся, — вытягивая меч в мою сторону добавил мужчина. — Умри в бою, чужак.

Неуловимым движением он нажал кнопку на рукояти меча. По лезвию скользнул светящийся ободок.

Вынуть пистолет из кобуры — дело нехитрое. Через секунду я держал его под прицелом. Меня охватила злость.

— Я не собираюсь устраивать здесь дуэлей, — не размышляя, поймет ли он меня, произнес я. — Не двигайся, или я буду стрелять.

Мужчина засмеялся снова. Так же беззлобно, как и раньше. Понял.

— Попробуй, чужак, — сказал он. — Стреляй.

И пошел вперед.

Я выстрелил в сторону. В дерево, из-за которого он вышел. Но нажимая на спуск я уже понимал, что пистолет не сработает.

— Мы в нейтрализующем поле, чужак, — улыбаясь сказал мужчина. — Бери меч.

Я смотрел, как он идет ко мне, все еще не вынимая свой меч. Дело было даже не в том, что я не умел фехтовать, что драка на мечах была для меня такой же экзотикой, как умение бросать лассо или томагавк. В голове вертелась конкретная мысль: что будет, если столкнутся два меча, перерубающие все? Сломаются оба? Или... один перерубит другой?

Поведение мужчины наводило на вторую версию.

Я вытянул меч из ножен, нажал на кнопку, так же как мой противник. По лезвию прошла волна белого пламени.

— Не понимаю, в чем дело, — пытаясь говорить как можно спокойнее и миролюбивей сказал я. — Не имею никаких причин с вами драться, да и желания тоже...

Теперь мужчина был от меня в трех-четырех шагах. На расстоянии, чуть большем длины меча в вытянутой руке.

— Ты гвардеец Шоррея, — пожав плечами сказал мужчина. — Ты пришел к нам с войной. Но теперь тебе придется понять, что победа правителя еще не означает победы для каждого из его слуг.

Он взмахнул мечом, легко, беззвучно рассекая воздух между нами. Совершенно машинально, не осознавая ненужности этого движения, я вскинул свой меч навстречу, пытаясь отбить вражеский клинок.

Мечи столкнулись со свистящим звуком, похожим на тот, когда острая бритва вспарывает лист бумаги. В руках у меня оказался короткий, сантиметров двадцать длинной, обломок. Отрубленное лезвие упало на землю.

— Хорошая мысль, но бездарное исполнение, — с некоторым разочарованием сказал мужчина. — Я вижу, что пилотов перестали обучать владению одноатомником. А зря...

Он снова поднял меч. И на секунду задержался с ударом.

— Ты можешь дезактивировать комбинезон, пилот. Он все равно тебе не поможет, но продлит мучения.

Я чувствовал себя беспомощнее, чем кролик перед удавом. Меня хотели убить не в приступе гнева, не наказывая за какую-то реальную вину, а так небрежно, как вырывают выросший посреди цветника сорняк.

— Я не умею дезактивировать комбинезон. Честно говоря, я и активировать-то его не умею.

— Врешь.

Меч упал на меня с такой быстротой, словно был наделен маленьким реактивным двигателем. Казалось, что сверкающее острие само тянется к моему телу, а мужчина лишь удерживает его за рукоятку, не давая разделаться со мной слишком быстро.

Уклониться я все же успел. Единственным возможным способом — упав на спину и откатившись в сторону. Жалким обломком своего меча я запустил в мужчину — и, конечно же, не попал. Через мгновение он стоял надо мной, отводя меч назад для последнего удара.

Въевшиеся в подсознание навыки оказались сильнее разума. Я вскинул правую руку, закрывая лицо. Отличный блок для защиты от удара ногой или палкой, но совершенно бесполезный против меча. Тем более — «одноатомника».

— Откуда у тебя это кольцо? — внезапно повышая голос спросил мужчина. Меч замер в нескольких сантиметрах от моей руки.

— Это подарок, — коротко выдохнул я.

— Чей?

Лезвие по-прежнему висело над моим лицом.

— Девушки. Девочки... — поправился я. — Это было пять лет назад...

Небрежным движением мужчина отправил меч в ножны. Нагнулся, протягивая мне руку — полы плаща качнулись, обдав меня слабым запахом озона.

— Вставайте, Ваша Светлость. Я не узнал вас.

Совершенно ошарашенный, не в силах даже радоваться спасению, я встал. А мой несостоявшийся убийца продолжал:

— Пять лет назад я видел вас... но вы сильно изменились. Да еще и летный комбинезон гвардии Шоррея. Что я могу сделать для вас?

— Пить. Дайте воды.

Через секунду я жадно глотал воду из фляги. А мужчина негромко сказал:

— Шансов у вас нет. Но... Принцесса стоит смерти.

Глава 4

НАСТАВНИК ДЛЯ ЛОРДА

Убежища везде одинаковы. В любом мире, на любой планете они имеют лишь одну цель — сохранить человеку жизнь. О комфорте при их строительстве не задумываются. «Волчье логово» Гитлера, или подземная ставка Сталина — не в счет.

Бетонный купол, в который я вошел, а, вернее, приплелся, вслед за незнакомцем, напоминал снаружи маленький холмик, обложенный дерном и обсаженный низенькими деревцами. Внутри же он сиял первозданной наготой. Бетонные стены не были даже оштукатурены, кое-где в них проглядывала стальная арматура. Посредине виднелся прорезанный в полу металлический люк, полускрытый множеством пластиковых ящиков, внушительного размера канистр и баллонов. В стороне валялось нечто, напоминающее надувной матрас, но не прямоугольной, а квадратной формы. На нем — пара скомканных простыней и одеяло, рядом, прямо на бетонном полу — вскрытые баночки с остатками какой-то пищи. При взгляде на еду я невольно сглотнул слюну.

— Вы голодны, Ваша Светлость, — бросив на меня быстрый взгляд сказал мужчина. — Садитесь, я приготовлю обед.

Почти без сил я опустился на мягкий, пружинящий матрас. Взглянул на потолок, где одиноко и ярко светился белый матовый шар на витом черном шнуре. Похоже, электрическое освещение. Ничего особенно удивительного.

Передо мной оказалась пара открытых баночек — одна с густой, заправленной мясом кашей, другая с дымящимся бульоном. И это знакомо, саморазогревающиеся консервы.

— Попробуйте, Ваша Светлость, — подавая мне узкую двухзубцовую вилку произнес мужчина. — Мне кажется, что наш метаболизм схож, и никаких недоразумений от этой пищи не будет.

С недоумением взяв предложенную вилку я случайно сжал ее черенок. Зубцы щелкнули, расширяясь и сливаясь в маленькую полусферу. В руках у меня оказалась удобная, глубокая ложка. Такого я на Земле не встречал...

Каша оказалась вполне сносной, а горячий бульон — просто великолепным. Допивая его я спросил:

— Почему вы называете меня Вашей Светлостью?

Мужчина улыбнулся:

— Человек, обрученный с принцессой, становится Лордом. Кем вы являлись на своей планете, значения не имеет.

Отставляя опустевшую баночку я пожал плечами.

— Меня зовут Серж... во всяком случае, друзья зовут так. Я всего лишь студент... бывший сержант десантных войск. Как ваше имя, если я могу его узнать?

Во взгляде мужчины появилось легкое любопытство.

— Меня зовут Эрнадо. Друзья называют просто Сержантом. Я тоже сержант десантных войск, и тоже бывший. Наших войск больше не существует, а десантники, похоже, уничтожены полностью. Они защищали дворец до последнего.

Наши взгляды встретились.

— Как всегда, как и у нас, — тихо сказал я. — Первыми принимаем бой, и первыми его завершаем. Побеждая, или погибая.

Поколебавшись секунду, Эрнадо протянул мне руку.

— У вас есть такой обычай, Серж?

Я сжал его ладонь, твердую и горячую, как не успевший остыть после закалки металл.

— Да, Сержант. А еще мы называем друзей на «ты».

Лицо Эрнадо опять прорезала короткая, быстрая улыбка.

— Это здорово, Серж. На наших планетах хорошие обычаи.

И тогда я почувствовал, как что-то внутри меня медленно расслабляется.

— Объясни мне, что происходит, Сержант, — попросил я.

— Наша планета может показаться тебе странной, — начал Сержант, усаживаясь на матрас рядом со мной. — Тем более, что ты незнаком ни с одним из еще более странных миров, существующих во Вселенной. Начать можно с того, что нами правит Император.

Я пожал плечами.

— Ты не удивлен, потому что на твоей планете королевская власть еще не отошла в далекое прошлое, в предания и легенды. Но во Вселенной — монархия редкость. Игра случая. В мирах, где соседствуют и ежечасно соприкасаются десятки, сотни самых разных цивилизаций, монархия выжить не может. Она слишком консервативна, слишком подчинена задаче внутреннего самосохранения, чтобы успешно защищаться от внешней агрессии. Однако на нашей планете власть Императора уцелела.

— Почему? — совсем не риторически спросил я. Все, что хоть отдаленно касалось принцессы, представлялось мне очень важным.

— По многим причинам. Планета была колонизирована беглыми монархистами во главе с наследным принцем Таром. На остатках кораблей военного флота они спаслись с восставшей планеты Итания, спаслись, отправившись в неисследованную область космоса. Им удалось открыть нашу планету, пригодную для жизни, но крайне ограниченную в природных ресурсах. Достаточно сказать, что лишь полпроцента ее территории пригодны для земледелия, а запасы полезных ископаемых ограничиваются металлическими рудами и крайне бедными урановыми породами. На планете полностью отсутствуют уголь и нефть, поскольку она никогда не имела животной и растительной жизни. Запасы воды сосредоточены в горных ледниках и нескольких озерах, они ничтожно малы и обеспечивают существование не более миллиона людей. Наш мир, ставший спасением для горстки беглецов, не представлял никакого интереса для захватчиков. Развиваясь в течении пятисот лет без постороннего вмешательства, наши предки создали общественный стой, имеющий множество своеобразных ритуалов и правил. Связанный договорами о дружбе с десятками соседних цивилизаций, рассматривающих нас как забавную и безобидную случайность, наш мир сумел достичь величия.

Эрнадо неторопливо вынул из ножен меч.

— Это было нашим первым шагом к славе. Атомарный меч, созданный в лабораториях Императора Тара Восьмого, приковал к нам внимание всей Вселенной. Дело в том, — пояснил он, увидев мое недоумение, — что уже много сотен лет было известно нейтрализующее поле, широко применяемое в планетарных войнах. Именно это поле, вырабатываемое генератором убежища, помешало тебе в лесу развалить меня в молекулярную пыль. В радиусе действия генератора невозможно действие лучевого, взрывного и прочего энергетического оружия. В нейтрализующем поле глохнут реактивные и бензиновые двигатели, с трудом функционируют лишь маломощные электрические. Войны, происходившие на планетах, превратились в дикарские побоища холодным оружием, ведущиеся под прикрытием генераторов поля. Широко использовались отравляющие вещества и биологическое оружие, поэтому солдаты сражались в противогазах, а то и в космических скафандрах. Атомарный меч, перед которым обычное холодное оружие превращается в бесполезный хлам, стремились иметь все развитые планеты. Именно поэтому ни одна из них не дала другой завоевать нас. В течении пятидесяти трех лет, пока секрет атомарных мечей не был раскрыт другими цивилизациями, мы неслыханно разбогатели, и стали одним из общепризнанных центров производства оружия.

А дальше последовали другие изобретения. Молекулярный деструктор, модификацией которого является твой пистолет. Гиперпространственный локатор, гравитационные и паутинные мины, электронная мошкара. . .

Сержант на мгновение замолчал. Порылся в кармане плаща, достал маленькую плоскую коробочку. Щелкнул крышкой. Извлек из коробочки крошечную оранжевую капсулу, сдавил ее пальцами. Послышался слабый хруст, запахло недозрелым лимоном. Легкий, кисловато-сладкий, свежий аромат. . . Я насторожился, ожидая демонстрации нового оружия. Но Эрнадо невозмутимо отправил капсулу в рот. Замер на секунду, с безмятежно-довольным выражением на лице. Сказал, перехватив мой недоуменный взгляд:

— Это слабый стимулятор. Его употребление приятно, но наносит определенный вред организму.

— А у вас нет другого стимулятора? — с внезапно проснувшимся интересом спросил я. — Его употребляют, вдыхая дым тлеющих сушеных листьев. Тоже приятно и вредно.

На лице Сержанта появилось легкое недоумение, смешанное с отвращением. — Дурацкий метод, — без всякой дипломатии заявил он. — Никогда о таком не слышал. . . Хочешь?

Он протянул мне коробочку с капсулами. Цитрусовый аромат таял в воздухе.

— Нет, — после секундного колебания ответил я. — Если уж приходится избавляться от одной вредной привычки, то не следует заводить другую. Ведь к этим капсулкам, наверняка, привыкают?

Эрнадо кажется смутился.

— Да, пробормотал он. — Бросить, правда, можно...

— Не надо, — твердо повторил я.

Эрнадо кивнул.

— Хорошо. Я же, с твоего разрешения...

Он сделал несколько жевательный движений. И продолжал.

— В производстве оружия мы почти сравнялись с исчезнувшими цивилизациями прошлого. Теми, что исчезли из-за чрезмерных успехов в оружейном деле. Наших мастеров сравнивали с оружейниками Сеятелей, а эта раса не знала равных в межзвездных войнах. Независимость и богатство планеты позволяли проводить множество красивых обрядов. Среди них особо выделялась церемония Обручения Принцессы.

По спине у меня прошел холодок. Я подался вперед, к Эрнадо, словно боялся упустить хоть слово.

— Обручение Принцессы символизирует единство нашей планеты со всеми обитаемыми мирами Вселенной. В сопровождении небольшой группы охранников принцесса, в день своего четырнадцатилетия, отправляется в путешествие. Она посещает самые разные планеты, цивилизованные и отсталые, знающие о нашем мире, и не успевшие еще покорить свою звездную систему. Принцесса путешествует инкогнито, в одиночестве. Охрана вмешивается лишь в случае прямой опасности для ее жизни или чести.

— Я помню, как энергично действовала охрана на моей планете, — не удержался я.

Эрнадо улыбнулся.

— А я помню, как ты отважно бросился ее защищать. Мы находились в десяти метрах от вас. Но опасности не было. Принцессе ничего не стоило уничтожить трех самонадеянных аборигенов.

— Но почему же тогда... — я осекся. Понял.

— Ей захотелось проверить тебя, Серж.

— Продолжай, — буркнул я.

— Не обижайся, Серж. Ни на меня, ни на нее.

— Ладно, рассказывай.

— На одной из планет принцесса выбирает себе жениха. Он получает из ее рук кольцо, способное, по приказу принцессы, перенести его на нашу планету, Ну а когда принцессе исполняется девятнадцать, назначается ее свадьба.

— И жених выдергивается из своего мира прямо под венец? — иронически предположил я.

— Конечно же, нет, Серж. Объявляется турнир претендентов. Все, желающие участвовать в нем, собираются на планете для соревнования.

— Не позавидуешь вашим принцессам, — меня охватила злость. — Сидеть и ждать, кто победит на жениховских игрищах.

— Победитель известен заранее, — мягко сказал Сержант. — Имя подлинного избранника негласно доводится до всех участников. Победить его — дурной тон и весьма рискованное предприятие.

— Почему? Достаточно смелый и сильный авантюрист...

— Ну, хотя бы потому, что Император может не одобрить будущего зятя. Свадьба будет отложена или отменена. А несостоявшийся жених с горя покончит с собой... или его корабль не выйдет из гиперперехода.

— Ясно, — я отвел взгляд. — Сержант, а те, предварительные женихи... символизирующие единство со Вселенной... Они часто побеждали в турнирах?

— Они в них иногда участвовали, — беспощадно произнес Эрнадо. — Но, как правило, принцесса не считает нужным тревожить юношу, приглянувшегося ей пять лет назад.

— Выходит, мне повезло, — совершенно серьезно сказал я.

— Да, — кивнул Сержант. — Погибнуть за принцессу, за Императора — великая честь.

— Почему же обязательно погибнуть? Неужели турниры так опасны?

— Турнир уже состоялся, — усмехнулся Эрнадо. — Победитель его — Шоррэй Менхэм, правитель Гиарской Федерации. Голос почему-то сел, и мне пришлось откашляться.

— А что, он и должен был стать победителем? Принцесса... выбрала Шоррэя?

Эрнадо покачал головой.

— Нет. Более отталкивающую личность трудно себе представить. Я не любитель сплетен, но поговаривают, что принцесса любит своего напарника по космическим гонкам, какого-то молодого навигатора, человека без гражданства, космического бродягу, наемника...

В голосе Сержанта послышалось откровенное раздражение. Вряд ли поклонника императорской власти радовала любовь принцессы к бродяге, и уж никак не мог военный-профессионал, сержант элитных десантных войск, испытывать симпатию к наемнику. Но деликатностью он при этом не отличался, иначе не стал бы так четко характеризовать отношение принцессы к «молодому навигатору».

Любит...

Что ж, ты позвала, и я пришел. Остальное — вздор.

— Этот... Шоррэй... победил на турнире всех претендентов? Включая бродягу-навигатора?

— Победил, — в голосе Эрнадо мелькнула злость. — Неожиданность... для некоторых... состояла в том, что друг принцессы даже не явился на турнир.

— Что-то случилось с кораблем? — понимающе спросил я.

— Проще, Серж. Проще. Его запугали, или подкупили. А скорее всего — и то, и другое.

На минуту мы замолчали. Я — пытаясь скрыть невольное удовлетворение, проступающее на лице. Эрнадо — разжевывая очередную капсулку.

— А как же право Императора отложить свадьбу?

— Шоррэй Менхэм — правитель федерации двадцати развитых, густонаселенных планет. Отказ в свадьбе — это оскорбление всех Гиар. Вполне достаточный повод для войны, победить в которой мы не сможем.

— Он так любит принцессу, что готов воевать?

— Принцессу? Конечно, нет. Женившись на принцессе Шоррэй становится номинальным наследником Императора. Он может удалиться в свою звездную систему, один или с женой, и спокойно ждать. Когда же власть перейдет к нему, Шоррэй одним указом присоединит планету к своей Федерации. А наш общественный строй позволит ему сделать это единолично, не спрашивая согласия жителей.

— И не существует способов помешать ему? Передать право наследования, например?

— Законных способов нет. А незаконные — опять же повод для войны. Я думаю, что его юристы хорошо поработали с нашими законами, отыскивая лазейку.

— Что ж... — я обвел взглядом убежище. Ящики, коробки, холодный электрический свет с потолка. Потайной, недостроенный бункер, о котором, на мое счастье, знал предусмотрительный сержант Эрнадо. И докончил фразу:

— На месте Императора я рискнул бы отказать Менхэму.

— Правильно, Серж. Он и решил рискнуть.

— Значит...

— Гиарские корабли стали садиться на планету через час после императорского заявления. Результаты видишь сам. Остатки армии прячутся по всей планете, корабли охраны бежали, или погибли в неравном бою. Что с Императором — не знаю. Возможно он погиб, возможно — успел скрыться. И самое страшное — что нет повода для вмешательства союзных планет. Шоррэй Менхэм действовал в рамках наших законов. И лишь одно препятствие стоит на пути его законного брака с принцессой...

Эрнадо вытянул из коробочки еще одну капсулу. В воздухе поплыл лимонный аромат.

— Дай одну, — протянул я руку. Почти все стало понятным, сложилось в четкую, хоть и набросанную лишь общими штрихами картинку. Кружилась голова, нестерпимо хотелось курить. — Дай.

— Вначале раздави, — посоветовал Эрнадо, протягивая капсулу.

Тонкая оболочка лопнула в моих пальцах. Я опустил капсулу на язык, почувствовал резкий, горьковато кислый вкус. Тело стало легким, противно-непослушным... голову задернула туманная дымка. Эрнадо с любопытством смотрел на меня.

— И это препятствие, отделяющее Шоррэя Менхэма от принцессы — я. Карикатурный Лорд с отсталой планетки. Случайный герой, встретившийся принцессе.

— Да, Серж. До турнира ты считался официальным женихом принцессы. Ты Лорд. И даже то, что тебя не пригласили участвовать в турнире, не отменяет твоего права.

— Какого?

— В течении трех суток после турнира ты имеешь право потребовать поединка, или попросту выкрасть принцессу и обвенчаться с ней.

— И что ты посоветуешь, Сержант?

— Похищение, Серж. В поединке у тебя не будет ни единого шанса. В похищении, конечно, они тоже близки к нулю, но...

— Но принцесса стоит смерти, — прервал я его. Наркотическое безумие разноцветной метелью кружилось в голове. Сознание туманилось. Возможно, на мой организм эти «легкие» капсулки действуют более чем сильно.

— Я постараюсь дать тебе шанс, — пожал плечами Эрнадо. — Я всего лишь сержант десантных войск, но моя должность — инструктор по бою на «одноатомниках». Стрелять и драться ты, наверное, умеешь и сам.

— Умею, Сержант. Скажи, а ты часто видел принцессу?

На секунду лицо Эрнадо осветила улыбка.

— Да, Серж. Мне приходилось бывать в охране дворца. Я даже давал ей уроки боя на мечах.

— И сколько надо времени, чтобы научиться ими пользоваться?

— Полгода-год. А у нас лишь два дня, Серж.

Меня охватил легкий страх. Слишком уж спокойно говорил Эрнадо, чтобы принять его слова за запугивание.

— А нельзя выучиться побыстрее? Ваш язык я научился понимать без всякого обучения.

— Язык ты выучил во время гиперперехода, под влиянием кольца. А эта безделушка на твоем пальце стоит не меньше звездолета средних размеров. В убежище нет даже намека на подобную аппаратуру.

Я кивнул.

— Хорошо. Давай приступим с завтрашнего утра, Сержант? Мне очень хочется спать.

— Как вам будет угодно, Лорд. — Эрнадо снова затянулся в незримую броню этикета.

Невольно улыбнувшись я сказал:

— Как будет угодно вам, учитель. Но скажите мне лишь одно: как звать принцессу?

Эрнадо покачал головой. Сказал:

— Ты задаешь вопрос, на который нет ответа. Имя принцесса получит лишь в день свадьбы, от будущего мужа. То, как ее звали в семье, неважно... и довольно интимно.

— Понял, — я растянулся на матрасе, заложил руки под голову. — Хорошо, Эрнадо. У меня есть еще два дня, так что придумать имя успею.

С минуту Эрнадо молчал. Потом произнес с заметным восхищением:

— Наверное, приятно быть таким наглым и самоуверенным, как ты.

— Не знаю, — пробормотал я, засыпая. — У меня не получается быть другим...

Что ж, принцессе нужно имя. А мне нужна принцесса. Остальное — мелочи, которые, самое большое, могут меня убить.

Действительно, приятно быть наглым. Хотя бы снаружи.

Глава 5

УРОКИ ЭРНАДО

Меч в руках Эрнадо описал полукруг, подныривая под мой клинок. Судорожным движением я отдернул меч, избегая столкновения. И нанес удар — по всем правилам, по боковой части клинка Эрнадо.

В последнее мгновение Эрнадо успел развернуть меч. Клинки столкнулись режущими кромками и плавно вошли друг в друга. На долю секунды мечи казались слитыми воедино, впаянными друг в друга. Затем мой меч развалился на две половинки.

А меч Эрнадо уцелел. Пожав плечами мой инструктор нажал кнопку на эфесе. По лезвию меча пробежало белое пламя.

— Уже лучше, — подвел итог поединка Эрнадо. — Но, все-таки, ты убит.

Я откинул свой сломанный меч в сторону. На звякнувшую груду таких же обломков, из которых лишь один принадлежал Эрнадо.

— Почему так получилось? — спросил я, переводя дыхание. — Лезвия столкнулись под углом в девяносто градусов. Почему же сломался мой меч?

— Ты слишком долго не затачивал лезвия, — спокойно объяснил Эрнадо, снова щелкая кнопкой. — Твой меч успел затупиться от трения о воздух. Толщина клинка стала равняться трем-четырем атомам. В обычных условиях это не страшно, но уж если идешь на прямое столкновение клинков... Ты заметил, как часто я затачиваю меч?

Он демонстративно надавил кнопку. Лезвие окутало белое пламя.

— Меч заточен...

Эрнадо сделал несколько выпадов, покрутил мечом над головой, со свистом рассекая воздух.

— А теперь меч затупился примерно на один атом.

Я кивнул. Взял новый меч из сложенного под ближайшим деревом арсенала. Критически осмотрел его.

— Кнопка расположена неудачно. Мне приходится отвлекаться, чтобы нажать ее.

— Есть и другие модели эфеса, Лорд. Там кнопка расположена прямо под пальцами. Принести такие мечи?

— Да, наверное... Хотя постой. Давай сделаем перерыв на полчаса. Я хочу пообедать.

— Есть будем вечером, Лорд. С полным желудком не тренируются. Сейчас только сок и бульон.

— Хотя бы сок...

Мы устроились возле входа в бункер. Отхлебывали понемногу густой сладкий сок из узких стеклянных бокалов. Прикончив свою порцию я отбросил стакан. Он зазвенел, покатившись по камням, но вовсе не собираясь разбиваться.

— Эрнадо, все это бесполезно. Я никогда не сравняюсь с тобой в поединке на атомарном мече. И уж тем более за два дня обучения.

Сержант быстро, с любопытством взглянул на меня. Осторожно подбирая вежливые слова сказал:

— Не надо впадать в уныние. Вы очень быстро учитесь, Лорд. Уверен, что в бою один на один вы победите любого гвардейца.

— А самого Шоррэя?

— Он аристократ... если пользоваться терминологией нашей планеты. Он учился владеть одноатомником с детства.

— Выходит, шансов нет?

— Я же с самого начала предлагаю вариант с похищением, — дипломатично ответил Эрнадо.

Я вздохнул. Тоскливо посмотрел на кучу металлолома — сломанные мною за утро мечи.

— Того, что я мог достичь за пару дней, я уже достиг. Дальше тренироваться нет смысла. Лучше расскажи, какое еще оружие я смогу использовать в нейтрализующем поле.

Эрнадо поморщился, но подчинился.

— Во-первых, комбинезон. Он не способен отразить атомарный меч, но сомкнется вслед за лезвием, зарастит пробоину.

— И какой с этого прок, если лезвие вместе с комбинезоном рассечет и меня на две половинки?

— Разрез от хорошо наточенного атомарного меча так мал, что через две-три секунды неподвижности клетки тела вновь срастутся. Комбинезон затвердеет на три секунды в той области, куда пришелся удар, и обеспечит неподвижность. Конечно, все гвардейцы будут в подобных комбинезонах, но вот сам Шоррэй никогда не унизится до его применения.

— Хорошо, что он такой гордый, — я с невольным уважением посмотрел на свой комбинезон. Вот что имел в виду Эрнадо, предлагая мне дезактивировать комбинезон при нашей первой, не очень-то дружественной, встрече...

— Во-вторых, ядовитые газы и быстродействующие вирусы. Но это не поможет, защитными фильтрами не станет пренебрегать ни Шоррэй, ни его наемники. Фильтры защитят от всех известных токсинов.

— А если я назову химическую формулу земных ядов? — самоуверенно предложил я.

На секунду в глазах Эрнадо блеснул интерес. Затем он покачал головой.

— Вполне возможно, что единственным человеком во дворце, не имеющим газовой маски, окажется принцесса.

Я закусил губу.

— Ладно. Газы и яды отпадают. Что еще?

— Арбалеты, луки, топоры, дубины. Это все ерунда. Комбинезон отразит удар стрелы, а рукоять топора ничего не стоит перерубить мечом. Игольчатые пистолеты с ядовитыми иглами? Опять-таки, поле снизит скорость стрелы до такой, которую сможет отразить комбинезон.

— И это все?

— Все, — спокойно подтвердил Эрнадо.

— Убогая же фантазия у оружейников вашей планеты, — зло сказал я. — Мне бы неделю времени...

Похоже, я задел Эрнадо за живое. Он иронично произнес:

— А если полтора дня?

— Можно и полтора. В убежище есть инструменты?

— Малый ремонтный комплект.

— Сверло, сварочный аппарат, точильный станок в него входят?

— Да. И вдобавок пресс для термопластмассы и станок для обработки металла с компьютерным управлением.

— Отлично. Мне нужно несколько десятков дисков, диаметром десять и... скажем, полтора сантиметра, сделанные из того же металла, что и плоскостной меч.

Эрнадо смотрел на меня с неприкрытым интересом.

— Невозможно. Этот металл производят на специальных заводах. И затачивают там же.

— Тогда сделай диски из обычной тонкой стали. А на края привари кромки из лезвий сломанных мечей.

— Такой тонкий металл приварить невозможно. Он прогорит насквозь.

— Тогда приклей их! Клей для металла, надеюсь, у вас делают?

— Делают, — медленно произнес Эрнадо. В его глазах я впервые увидел не сочувствие и не иронию, а удивленное уважение.

— Хорошо. В центре больших дисков должно быть утолщение, удобное для пальцев, но не нарушающее аэродинамики. В центре маленьких — отверстие в три-четыре миллиметра.

— Твое оружие смертельно опасно и для тебя самого, — задумчиво сказал Эрнадо.

— Возможно. Для маленьких дисков необходимо еще...

— Я уже все понял, — остановил меня Эрнадо. — Работа займет часа четыре.

— Тебе помочь?

— Не надо. Не думаю, что наши инструменты похожи на те, к которым ты привык. Лучше включи проектор и потренируйся.

Он скрылся в убежище. А я, вздохнув, подошел к пластиковому ящичку проектора. Надавил на клавишу воспроизведения. Прозрачный цилиндрик на панели проектора засветился. В нескольких метрах от меня возникла вполне реальная фигура в пятнистом комбинезоне. Голографический противник выглядел более чем убедительно. Особенно сейчас, когда извлекал из ножен плоскостной меч...

Я встал в основную стойку, подобрал с земли первый попавшийся клинок. Нажал кнопку, подтачивая его. Иллюзорная фигура неторопливо замахнулась. «Курс молодого бойца» начался. Я взмахнул мечом, парируя несуществующий удар.

Родись я на сто лет раньше, мне бы пришлось гораздо легче. Двадцатый век давно уже забыл о мечах и саблях. К счастью, мне приходилось учиться кен-до — японским приемам борьбы с палкой, и драке на нунчаках. Короткая палка в кен-до — это, по сути, тот же меч... Мысль о нунчаках заставила меня поразмыслить и об этом оружии. Но уже через несколько секунд я понял, что с нунчаками против плоскостного меча не выстоял бы и Брюс Ли.

Эрнадо справился со своей работой за три с половиной часа. К этому времени я успел более-менее прилично повторить первый и второй этапы обучения, и просмотреть в замедленном темпе третий и седьмой, самый высший. В седьмом этапе я старался просто запомнить самые опасные приемы нападения. К сожалению, безобидных приемов на седьмом этапе не было. Самая невинная оборонительная стойка здесь превращалась в стремительную и беспощадную атаку. Поколебавшись, я стал разучивать два атакующих приема, сложных, но имеющих что-то общее с приемами кен-до. Похоже, что основной принцип обучения бою на одноатомных мечах не допускал перепрыгивания с этапа на этап. В таком случае знание сложных приемов могло сбить с толка противника.

За этим занятием меня и застал Эрнадо. Он был явно поражен, но ничего не сказал. Молча поставил на землю рядом с проектором пластмассовый ящик, наполненный моими «заказами», и отошел в сторону. Внимательно посмотрев на мои движения, мягко сказал:

— Этот поворот выполняй плавнее. Меч противника уже отбит или перерублен, скорость тут ни к чему. А ты теряешь равновесие перед атакой. Я кивнул, повторяя прием.

— Уже лучше. Хотел бы я потренировать тебя месяц-другой, — с прорезавшимся сожалением произнес Эрнадо.

— Увы, это невозможно.

— Да. Только Сеятели обладали властью над временем. Мы пока лишь подбираемся к управлению темпоральными полями.

Я молча принял к сведению, что неведомая цивилизация сумела покорить даже время. Мне это мало что давало. Выключив проектор я склонился над принесенным Эрнадо ящиком.

Оружие оказалось лучше, чем я предполагал. Мало того, что по аэродинамике диски ничуть не уступали японским сюрикенам. Режущие кромки были собраны из таких крошечных осколков плоскостного лезвия, что казались сплошными. Вдобавок Эрнадо снабдил каждый большой диск чехлом из тонкой и, видимо, магнитной ткани. Диск лежал в нем, не касаясь стенок, и не прорезая их.

— Будешь испытывать? — напряженно спросил Эрнадо.

Я посмотрел на него. И с удивлением понял, что Эрнадо боится. Незнакомое оружие, которым я предположительно умел пользоваться, внушало ему страх.

— Давай, вначале ты.

— Нет уж! — Эрнадо неожиданно рассмеялся. — Я попробовал.

Он поднял правую руку, и я увидел на кисти тонкий и длинный порез, покрытый прозрачной пленкой.

— Такого со мной не случалось с пятилетнего возраста. Хорошо еще, что сухожилия не задеты.

— Больно? — с сочувствием спросил я.

— Нет, абсолютно. Раны от одноатомника почти не болят... ты еще в этом убедишься, — оптимистично добавил Эрнадо.

Я осторожно вынул диск из чехла. Он оказался достаточно тяжелым, Эрнадо правильно подобрал вес. А я ведь об этом и не подумал... Мне определенно повезло с наставником.

Сжимая диск за утолщенную середину я отвел руку для броска. Расслабился, пытаясь представить, что в руках у меня обыкновенная, только что выточенная «звездочка». И метнул диск, целясь в тонкое деревцо росшее перед убежищем.

Деревце качнулось и упало, перерезанное в полутора метрах от земли. А диск исчез.

Я посмотрел на пальцы — целы. И спросил, сам пораженный произведенным эффектом.

— А где он?

— Полагаю, что в бетонной стене убежища, — серьезно и уважительно ответил Эрнадо. — Диск не настолько тонок, чтобы пробить ее насквозь. Похоже, что этого экземпляра мы лишились.

— Все большие диски сбалансированы одинаково?

— Да.

— Тогда первая часть испытаний закончена.

Маленькие диски мы испытали вместе с Эрнадо. Технология их применения была куда проще...

— Через полгода это оружие будет известно по всей галактике, — сказал Эрнадо. — Не знаю, сколько горя это принесет...

— У меня нет другого выхода, — мрачно ответил я. — С одним мечом я буду беспомощен.

Эрнадо пожал плечами. Похоже, мои упражнения с мечом из седьмого этапа произвели впечатление даже на него.

— Больше идей у тебя нет? — спросил он.

— Пока нет.

— Я рад.

Иронией в его словах даже и не пахло.

Достав свои «цитрусовые» шарики, Эрнадо разжевал пару. Предложил и мне, но я лишь покачал головой. Тогда он достал запаянные в пленку белые таблетки. Одну такую я проглотил перед завтраком.

— Выпей. Это стимулятор памяти и психомоторной реакции. Именно он помог тебе освоиться с мечом.

Я проглотил одну таблетку. Остальные опустил в карман комбинезона. Эрнадо проводил их тревожным взглядом и предупредил:

— Вечером не пей, а то не уснешь. Завтра выпьешь пару перед акцией.

— Сегодня, Эрнадо, сегодня, — мягко поправил я. — Во дворец я отправлюсь сегодня вечером.

Эрнадо остолбенел. Потом успокаивающе, как ребенку, сказал:

— В этом нет необходимости, Серж. В запасе у нас больше суток. Время на подготовку надо использовать полностью.

— Я уверен, что так же считает и Шоррэй. Завтра ни одна живая душа не сумеет приблизиться к дворцу. Сегодня шанс еще есть.

Не знаю, почему Эрнадо не стал спорить. Возможно, принял довод, но скорее всего сыграло роль мое положение Лорда.

— Это твой бой и твой выбор, — просто сказал он. — Решай сам.

Глава 6

ВРЕМЕНИ НЕПОДВЛАСТНО

Сидя на корточках я пил горячий бульон. Эрнадо, устроившись напротив, буравил меня напряженным взглядом.

— Начать объяснение? — не выдержал он наконец. — Таблетка уже действует, ты запомнишь все, до последнего слова.

Я кивнул. Но прежде чем мой инструктор вымолвил хоть слово, спросил:

— Ты уверен, что мы собрали все возможное оружие? Шансов так мало, что не хочется уменьшать их из-за случайности. У меня был друг, которому стоил жизни забытый в казарме перочинный нож.

Возможно, я выбрал правильный тон. Или у Эрнадо тоже был друг, которому стоил жизни забытый в казарме ножик... Во всяком случае, он колебался лишь секунду.

— Подождите минуту, Лорд, — произнес он и поднялся с места.

Допивая бульон я смотрел, как Эрнадо растаскивал ящики над люком в полу. Потом нырнул в темное отверстие... Через минуту из люка показался кубический серый ящик.

— Помогите мне, Лорд, — сдавленно произнес он.

Вдвоем мы подняли ящик из люка, поставили на бетонный пол. Низко склонившись над серым кубом, Эрнадо принялся колдовать с десятками кнопок, едва-едва выдающихся из крышки. Иногда его действия сопровождались коротким, мелодичным звуком. Тогда Эрнадо удовлетворенно кивал, и начинал набирать очередную комбинацию.

Наконец, нажатие какой-то кнопки заставило ящик сыграть минорную музыкальную фразу. На крышке ящика высветился розовый прямоугольник.

— Вступительные аккорды к «Песне победителей», — довольным голосом объяснил Эрнадо. — В моей обработке.

— А я-то думал, что это «Плач по погибшим героям», — пробормотал я, заинтригованный происходящим.

Эрнадо на мою иронию не среагировал. Он приложил правую ладонь к светящемуся прямоугольнику и замер.

Ничего не происходило.

— Проклятый порез, — с заметным облегчением произнес Эрнадо. — Похоже, сейф не откроется. Компьютер не узнает мою ладонь...

Эрнадо не договорил. Крышка сейфа дрогнула и стала подниматься.

— Мне кажется, ты огорчен совершенством своего сейфа, — с наигранным простодушием заметил я.

Эрнадо кивнул.

— Да, Лорд, огорчен. Потому что здесь вовсе не перочинные ножики.

— А что же?

— Оружие Сеятелей. Я заглянул в ящик.

Изнутри сейф оказался куда меньше, чем снаружи. Похоже, стенки его способны были выдержать немалое усилие. Несмотря на это, места для множества странных предметов в сейфе хватало. Оружие Сеятелей не отличалось громоздкостью.

На мягкой серой обивке, выстилающей сейф изнутри, лежали прижатые тонкими прозрачными ремешками вещи, больше всего похожие на изделия скульптора-абстракциониста. Разноцветные кристаллы в спиралях из синего металла и наполовину прозрачные шары, наполненные мерцающей оранжевой жижей. Изогнутые трубки, любой конец которых одинаково походил как на ствол, так и на приклад, и собранные в пакет тонкие матово-белые пластинки, напоминающие веер. Пирамидки, кубики и цилиндры всех цветов и размеров...

— Это оружие? — удивленно спросил я.

— Да. Все эти предметы найдены в арсенале полуразрушенного патрульного катера Сеятелей, который миллионы лет дрейфовал в пространстве. Не спрашивай, как они попали ко мне. Я не хочу врать, и не могу сказать правду.

— Но почему ты ничего о них не сказал раньше?

— Потому что я не знаю, как действует это оружие. Почти не знаю.

Эрнадо извлек из сейфа несколько предметов.

— Это то, что мне хоть немного знакомо.

На полу перед ним лежал белый веер, рубиново-красный цилиндрик и небольшой куб, разукрашенный затейливой рельефной вязью.

— У Сеятелей был странный язык... почти такой же странный, как они сами. Он очень прост, имеет небольшой запас основных слов, всего четыре предлога и три союза. Но в нем несколько тысяч уточняющих частиц, способных полностью изменить смысл слова или всего предложения.

— Ты знаешь этот язык?

— Немного...

Эрнадо поднял белый веер. Раскрыл его. Кончики пластинок замерцали бледным голубым свечением.

— Это силовой щит. Он формирует невидимое защитное поле, напоминающее по форме овал. Поле полностью отражает излучение, идущее в очень узком диапазоне волн.

— Отлично.

— Ты не понял, Серж. Щит отражает лишь *очень* узкий диапазон волн. Обычный лазерный пистолет полностью перекрывает его, и поражает человека в верхней и нижней части своего спектра.

— Тогда какой смысл в щите?

— Скорее всего, это дуэльное оружие. Оно защищает лишь от специального дуэльного пистолета. Я, во всяком случае, думаю так.

— Глупость какая...

Я с сожалением посмотрел на складываемый веер. А Эрнадо тем временем взял красный цилиндрик. Надавил на незаметный выступ...

Из торца цилиндрика выскользнул метровый шнур слепящего белого пламени. Я невольно отшатнулся.

— Плазменный меч. Отличное оружие, куда лучше одноатомника. Но в нейтрализующем поле не работает.

Белое пламя погасло.

Маленького кубика Эрнадо лишь коснулся кончиками пальцев.

— А это очень сильное оружие... При включении разрушает клетки человеческого мозга в радиусе двух километров. Нейтрализующим полем не подавляется. Но первым гибнет человек, применивший кубик. С таким оружием добровольцы-смертники уничтожили Вторую Галактическую Крепость.

— А если сделать устройство автоматического включения? Чтобы успеть выйти из зоны поражения?

— Кубик можно включить только живой человеческой рукой. Никакие манипуляторы, даже обтянутые теплой человеческой кожей, его не запустят.

— Сеятели не были гуманоидами, — уверенно сказал я.

— Были. Просто их логика и мораль не соответствуют человеческой.

Эрнадо собрал бесполезное оружие, положил его обратно в сейф. Сухо произнес:

— Теперь ты видишь, оружие древних нам не пригодится.

С некоторым сомнением я кивнул. И заглянул в сейф, где дремали красивые, смертоносные игрушки Сеятелей.

Что-то приковывало мое внимание, невольно притягивало взгляд. Что-то чистое, прозрачное, словно выточенное из горного хрусталя...

— А это что, Сержант?

Я осторожно вынул из сейфа два тонких прозрачных цилиндрика, напоминающих шестигранные стеклянные карандаши. По одной из граней шла вязь незнакомых букв.

— Не знаю, — быстро ответил Эрнадо. Слишком уж быстро... — Они никогда и нигде не использовались.

— А что на них написано?

Эрнадо взял один из цилиндриков. Всмотрелся в рельефные буквы... Почему-то мне показалось, что он прекрасно помнит смысл надписи, а сейчас лишь тянет время.

— Здесь очень двусмысленная надпись, — неохотно произнес Эрнадо. — Ее можно перевести так: «Последний козырь. Времени неподвластно.»

— И что это может значить?

— Видимо, оружие настолько сильно, что использовалось лишь в крайних случаях. И в то же время абсолютно надежно, не портится ни при каких обстоятельствах. Лорд, я не советую вам брать эти... хрустальные гранаты.

— Почему?

— «Последним козырем» у Сеятелей могло быть все что угодно. Разрушение планеты, коллапсирование звезды... уничтожение всей Вселенной.

— В последнем случае не потребовалось бы делать две гранаты.

Я провел пальцами по холодной прозрачной грани. Хрустальный карандаш, способный перечеркнуть всю планету...

— Я возьму это.

— Не надо, Лорд!

— Я возьму их, Сержант! Они станут моим последним козырем. Не ты ли говорил, что принцесса стоит смерти!

— Но не миллионов смертей!

Мы напряженно смотрели друг на друга. Потом Эрнадо отвел глаза, пробормотал:

— Не зря говорят, что оружие Сеятелей само находит себе хозяина. Как использовать эти гранаты, Серж?

— Переломить! — я ответил автоматически, не раздумывая. Словно кто-то вложил в меня незнакомое знание.

— Вот видите, Лорд... Да, все одноразовое оружие Сеятелей включается при разрушении. И не бойтесь сломать палочки случайно, они выдержат даже удар одноатомного меча. Сломать их можно лишь намеренно, да и то, если они этого захотят.

Я осторожно опустил хрустальные палочки в карман комбинезона. Несколько минут мы просидели молча, не глядя друг на друга. Потом я попросил:

— Эрнадо, расскажи свой план. У меня мало времени.

— Лучше бы его не было вовсе, — Эрнадо извлек коробочку со своим стимулятором, разжевал капсулу, на этот раз не предлагая мне. Начал говорить, в начале неохотно, вяло, но постепенно увлекаясь:

— План у меня один, и он достаточно безумен, чтобы удаться. Дворец располагается в горах, на маленькой площадке, окруженной отвесными пропастями. Когда-то там был горный пик под названием Клык Дракона. Потом вершину пика взорвали, сбросили вниз, а на круглой площадке диаметром в два километра выстроили комплекс зданий дворца. Сообщение идет только по воздуху, хотя тренированный человек и может подняться на Сломанный Клык по склонам горы. Наверняка охрана будет ждать именно этого, ведь в радиусе двадцати километров от дворца действует нейтрализующее поле, заглушающее двигатели. Но я провел расчет, и оказалось, что предельно облегченный спортивный флаер способен спланировать к дворцу с неработающими двигателями. Ты приблизишься к границе нейтрализующего поля, поднимешься на максимальную высоту и начнешь планировать к дворцу. Садиться придется не на взлетное поле, там тебя наверняка ждут, а на крышу одного из зданий. Сбить тебя не смогут, так как поле заглушит их собственные зенитные комплексы. Так что все неприятности начнутся во дворце...

— Они начнутся раньше, Эрнадо. Я не умею управлять флаером. Так же как дельтапланом или звездолетом.

Эрнадо взглянул на меня с иронией.

— В этом я не сомневаюсь, Лорд. Но у флаера есть автопилот, в который будет заложена программа. Он посадит машину точно в назначенное место. А дальше все зависит от тебя. Надо пробиться во внутренние помещения дворца, найти принцессу, выбраться на взлетное поле и выкатить любой из флаеров на аварийный старт.

— Что это такое?

— Бетонная полоса, обрывающаяся в пропасть и снабженная бустерами принудительного разгона. Скатившись по аварийному старту, флаер разгонится до скорости планирования. В автопилот флаера ты вставишь диск управления, который приведет машину на базу императорских ВВС. Она располагается в горах, тремя километрами ниже дворца и на самой границе действия нейтрализующего поля. База разрушена, но на ней сохранились запасные ангары. В них вы возьмете самый быстрый из военных катеров, разгонитесь на аварийном старте и выйдете за границы поля. Третий диск управления, который ты от меня получишь, направит катер к Храму Вселенной.

— Ты о нем ничего не говорил.

Эрнадо поморщился.

— Зачем тебе забивать голову принципами нашей религии? Достаточно знать, что в этом Храме вы с принцессой станете мужем и женой. Шоррэй не рискнет оспаривать решение Храма. И уж тем более не нападет, едва вы переступите его порог.

— На словах все гладко. А как я найду принцессу? В огромном дворце, где никогда не был!

— У тебя будет электронный целеуказатель. Вряд ли Шоррей рискнет переселить принцессу из ее комнат в другие помещения.

Я кивнул, признавая превосходство Эрнадо в знании дворцового этикета. Мысленно прокрутил все этапы «безумного» плана, просчитывая его на вероятность.

— Эрнадо, а что если зенитные установки или боевые катера будут поджидать меня за пределами нейтрализующего поля? Ведь там ничто не помешает им сбить мой флаер.

— А это уже входит в неизбежный риск, Лорд. Надеюсь, что Шоррэй не берет тебя в расчет настолько, чтобы принять все меры предосторожности. Возмущаться размерами неизбежного риска я не стал. В конце-концов я сам недавно заявлял: принцесса стоит смерти. Я лишь задал последний вопрос:

— А что будешь делать ты, Сержант?

Он ответил не задумываясь.

— Вначале я предполагал ждать тебя у Храма. Но ты взял с собой оружие Сеятелей, а это все меняет. . . Я отправлюсь на своем катере к Северному горному хребту. Там есть крошечный частный космодром, где находится моя прогулочная яхта. Постараюсь выйти на максимально высокую орбиту и подожду результатов.

Я давно уже понял, что Эрнадо не отправится со мной во дворец. Это был мой поединок. Но все-таки мне стало грустно.

— Ты прав. Хорошо, что в вашей армии даже сержанты имеют прогулочные ракеты. Спасибо за все, учитель.

Эрнадо отвернулся. Пробормотал:

— Ты оказался очень способным учеником. Встань.

Я поднялся. Холодный электрический свет делал наши лица безжизненными и спокойными. Эрнадо провел рукой по моему левому плечу. Я потянулся было к нему, принимая этот жест за прощание. Но под пальцами Эрнадо, в черной ткани комбинезона, вдруг высветилась россыпь желтых и зеленых огоньков. Скосив глаза я всмотрелся в непонятный узор.

— Комбинезон в порядке, — с удовлетворением сказал Эрнадо. — К тому же ты с ним уже сработался. Полетный костюм под комбинезон я сейчас тебе дам. . . Запомни эти огоньки, — он указал на три желтых точки, находящиеся чуть в стороне от других. Первый — активация защиты, второй — медицинская помощь, третий — режим мускульного усиления. Включить их можно прикосновением пальца, при этом они начнут светиться зеленым.

— Хорошо.

— Таблетки стимулятора примешь, когда флаер начнет планировать. Не больше трех, а то наступит обратная реакция.

— Хорошо.

— Одноатомный меч выберешь сам. С той кнопкой, которая тебе удобнее. Но не злоупотребляй затачиванием, меч выдерживает полторы тысячи циклов, не больше.

— Я запомню.

— Возьми хороший нож, пистолет-деструктор, на всякий случай. И не забудь свои диски.

— Не забуду. Мы смотрели друг на друга. Клоунский лорд с планеты Земля и бывший сержант императорских войск планеты Тар.

Хороший дуэт для борьбы с армией целой планеты.

— Пойдем, надо подготовить машины, — сказал Эрнадо.

Глава 7

ПОХИЩЕНИЕ ПРИНЦЕССЫ

Солнце еще не успело зайти, но небо уже стало черным. На западе полыхал всеми оттенками красного и багрового закат. — В пустыне часто бывают пыльные бури, — поймав мой взгляд сказал Эрнадо. — Но сюда ветер доберется не скоро.

Вход в подземный ангар, находящийся метрах в двадцати от купола, был открыт. Огромные металлические двери были задраны в небо, но толстый слой уложенной на них почвы и не собирался осыпаться. Деревья и кустарник, росшие на дверях ангара, нелепо торчали параллельно земле.

Катер Эрнадо напоминал увеличенный до десятиметрового диаметра легкоатлетический диск. Ровная серая поверхность, никаких выступов и отверстий, ни одной прозрачной детали, ни одной антенны или датчика. Все скрывалось внутри.

Рядом с этим металлическим монстром, военное предназначение которого не вызывало сомнений, мой флаер казался игрушкой. Прозрачная сигара с короткими крылышками из белого пластика. По очертанием он больше всего походил на американский «Спитфайер», тот самый, который летчики прозвали летающим гробом. Но меня смущала даже не эта аналогия. Сквозь прозрачный корпус была видна вся начинка флаера, и у меня сложилось нехорошее впечатление, что кресло пилота расположено прямо над топливным баком.

— Если флаер заденут и горючее вспыхнет, я неплохо поджарюсь, — высказал я жутковатое предположение.

— Если в тебя попадут, ты поджаришься раньше, чем вспыхнет горючее, — успокоительно сказал Эрнадо. — Хорошо запомнил, как включать автопилот?

— Да.

— Бери программы, — он протянул мне два маленьких диска, размером со старый металлический рубль, но прозрачных. На одном была размашисто написана красным цифра один, на другом — двойка.

— Эти художества не помешают?

— Ни в коем случае.

Эрнадо надел комбинезон, похожий на мой, а поверх накинул плащ. Меч свисал с пояса.

Свои мечи — поколебавшись, я решил взять два, я закрепил на спине, на японский манер. Если Эрнадо и удивило такое новшество, то он этого не показал. Лишь посоветовал мне не отрезать голову, доставая через плечо собственный клинок.

— Стартуем? Тебе лучше попасть во дворец до темноты.

Я молча протянул ему руку. «Последнее рукопожатие», — мелькнула в голове непрошенная мысль. Пожав ладонь, Эрнадо хлопнул меня по плечу. «Последнее напутствие», — продолжало паниковать подсознание. Я подошел к флаеру, откинул прозрачный колпак кабины. Уселся в мягкое упругое кресло. На катапульту не было даже намека, да и парашюта пилоту не полагалось. На выгнутом подковой пульте светились индикаторы незнакомых приборов. Заходящее солнце отражалось в мутных зеркалах отключенных экранов. «Последний закат», — пискнуло подсознание и угомонилось.

— Включай автопилот, — донесся из подголовника кресла голос Эрнадо.

Коснувшись желтой пластины на маленьком боковом пульте я увидел, как вздрогнул и закрутился в считывающем устройстве автопилота диск с программой.

Одновременно колпак кабины плавно опустился над моей головой. Щелкнули замки. Кресло слегка опустилось, запрокидывая меня на спину. Я с удивлением понял, что спинка кресла образовала рельефные выемки для мечей — они почти не ощущались.

— Ты уже летишь, Серж.

Повернув голову я увидел, как уплывают вниз деревья, раскрытые двери ангара, катер Эрнадо. Но вот катер начал увеличиваться — он стрелой поднимался вверх, догоняя меня.

Не ощущалось ни вибрации, ни шума работающих двигателей. Едва уловимый гул — и тот на границе слышимости, незаметный уже через пару секунд. Но вот добавился новый звук — свист рассекаемого воздуха. Земля стремительно ушла вниз, меня вжало в кресло. Флаер переходил в горизонтальный полет.

Диск держался рядом со мной как приклеенный. С невольным уважением я подумал, что Эрнадо ведет его без всякого автопилота.

— Еще раз удачи вам, Лорд, — услышал я голос Сержанта.

— Еще раз спасибо, учитель.

Диск слегка наклонился и скользнул в сторону. Через мгновение он уже растворился в небе.

Я остался один.

Флаер несся на запад, прямо на опускающийся солнечный диск. Полет должен был занять около часа. Потом я окажусь во дворце. . . если меня не собьют раньше.

Впервые за все время, проведенное под темным небом чужой планеты, меня охватила растерянность.

Действительно, понимаю ли я, что делаю? Зачем ввязался в немыслимую авантюру, зачем отправился на верную гибель? Один, с незнакомым оружием, против тысяч обученных профессионалов. Что тянет меня на смерть? Абстрактная справедливость? Но кто его знает, что лучше, правитель с неприятным именем Шоррэй, или императорская династия Таров. Жажда власти? Неограниченная королевская власть над целой планетой — это, конечно, заманчиво. Но шансов получить ее у меня не больше, чем у зайца выстлать свою нору лисьими шкурами.

Что же тогда?

Принцесса?

Девочка из детской мечты?

А любит ли она меня? Она позвала — но не на турнир претендентов, пусть даже и в качестве шута, экзотической диковины. Позвала на смерть, на поединок с армией оккупантов. Позвала, чтобы использовать до конца все возможности к сопротивлению. Так выгребают из карманов мелочь, расплачиваясь с неумолимым кредитором. Авось и хватит, вдруг да и блеснут среди медяков серебряные монетки. А в крайнем случае все увидят — ты банкрот. . . Так и я. Вдруг сумею совершить чудо. А если не повезет — все уверятся, что принцесса боролась до конца.

Я тупо смотрел на заходящее солнце. На черное, чужое небо. На незнакомые узоры созвездий — флаер уже успел подняться в стратосферу. И вдруг понял — плевать я хотел на доводы рассудка. Принцесса позвала — и я пришел. Потому что не было в моей жизни ничего, лучшего чем тот вечерний парк и немыслимый вопрос — «В тебя можно влюбиться?» Не было схватки справедливее и настоящее той, с тремя пьяными оболтусами, пусть даже и таился в темноте взвод иноземных солдат с плоскостными мечами наизготовку. Никто и никогда не касался моего израненного лица, стирая с него кровь и боль нежданной победы. Она любила меня в тот вечер, принцесса с далекой планеты, которую первый раз защищали не из-за того, что она принцесса. Позвав меня она вспомнила тот миг.

А я любил ее всегда.

Радара, в земном понимании этого слова, флаер не имел. Вместо него был видеокуб — висящее справа от пульта голографическое изображение пролетаемого района. В голубом, туманном полуметровом кубике висела ярко-зеленая точка — мой флаер. Под ней медленно проплывала холмистая поверхность планеты — я приближался к горам.

Вначале я увидел нейтрализующее поле. В голубизну видеокуба стала вползать розовая полусфера, плавно поднимающаяся над горами. Я невольно посмотрел вперед — и, конечно же, ничего не увидел. Поле было заметно только датчикам флаера. Я наблюдал лишь тянущиеся в небо горы, поблескивающие кое-где зеркальца ледников, укутанные жиденькими полотнищами тумана. А розовая полусфера в видеокубе росла, флаер приближался к ее границе, которая становилась все круче и круче, перечеркивала мой путь. Через две-три минуты машина войдет в нейтрализующее поле. В видеокуб уже вплывала гора с обрубленной вершиной, с золотистыми точками строений на рукотворном плато. Сломанный Клык, резиденция императора и дом принцессы. . .

Красные точки вспыхнули в видеокубе не слишком неожиданно для меня. В отличии от Эрнадо я был уверен в существовании охраны, и синхронно возникшие на склонах гор, стремительно поднимающиеся ко мне летательные аппараты не вызвали ни малейшего удивления. Странно только, что они не появились раньше.

— Пилот флаера, приближающегося к зоне защиты дворца! — голос в подголовнике кресла заставил меня вздрогнуть. Переговоров я почему-то не ожидал.

— Немедленно остановитесь, или вы будете уничтожены!

Не знаю уж почему, но мне показалось, что говорящий очень молод. Какая-то робость и одновременно желание выслужиться угадывались в его внешне бесстрастном голосе.

— У меня важная информация для правителя Шоррэя, — стараясь казаться спокойным произнес я. И добавил, повинуясь наивному желанию заморочить врагам головы:

— Информация касается оружия Сеятелей. Я везу образцы.

В принципе я не слишком-то и соврал... Пока длилась секундная пауза я заметил еще одну красную точку, приближающуюся к границе поля. Подкрепление?

— Пилот флаера! Сообщите пароль и код входа!

А рискнут ли они сбивать флаер с образцами оружия Сеятелей?

— Сейчас сообщу. Подождите...

Мне оставалась какая-то минута до входа в поле, а там меня уже не достанет никакое оружие. Вот только за минуту меня могли сбить раз шестьдесят, а то и больше...

— Эй, вы! — Знакомый голос заставил меня вновь взглянуть на видеокуб. Одинокая красная точка неслась к границе нейтрализующего поля. — Никакое оружие Сеятелей вам не поможет! Принцесса моя!

Патрульные катера так стремительно отвернули от меня и пошли на перехват, словно перегрузок для них не существовало. А знакомый голос продолжал, бесшабашно, с насмешливым вызовом:

— Попробуйте-ка меня достать! Принцесса стоит смерти!

Последние слова предназначались для меня. Но я узнал Эрнадо и так.

— Спасибо, учитель, — прошептал я, глядя, как сближаются патрульные катера и одинокая машина Эрнадо. — Я не смел тебя об этом просить. Это твой выбор и твой бой.

И тут громкоговорители ожили еще раз. Почему-то я сразу понял, кому принадлежит этот незнакомый голос. Спокойный, совсем не властный, скорее покровительственный. Таким тоном говорят с прихожанами уверенные в своей непогрешимости священники.

— Сбивайте флаер, болваны! Катер не сможет планировать до дворца, он лишь приманка!

Видеокуб полыхнул желтым. От каждого патрульного катера в мою сторону ударили светящиеся ниточки лазерных лучей. Но было уже поздно. Плавный изгиб куполообразного поля прикрывал меня от патрульных. Коснувшись розовой полусферы лазерные лучи гасли.

Еще через мгновение слабый гул двигателей прекратился. Флаер чуть вздрогнул и накренился. Его короткие крылья стали удлиняться, превращая машину в тяжелый, неуклюжий, но, все таки, планер.

Я нажал на кнопку слива топлива — за флаером возникла радужная полоса. И достал из кармана три таблетки стимулятора.

— Первый раунд за тобой, Лорд с планеты Земля, — мягко сказал Шоррэй. — Ты ухитрился меня заинтересовать, поздравляю. Теперь тебя постараются убить сразу.

Я не ответил. Лучший способ вывести противника из равновесия — не реагировать на его оскорбления.

Флаер снижался — быстро, неотвратимо, как подбитый истребитель. Стелющийся сзади хвост топлива довершал картину. Взглянув на видеокуб я увидел, что несколько патрульных катеров вошли вслед за мной в нейтрализующее поле, в тщетной попытке догнать и таранить хрупкий флаер. Однако их масса делала задачу практически невыполнимой, катера сразу оказались гораздо ниже меня. Теперь их ждала посадка на скалы с неработающими двигателями... А за границей нейтрализующего поля кипел воздушный бой. Красные точки катеров, желтые иглы лазерных разрядов, черная пыль «электронной мошкары» кружились в каком-то немыслимом калейдоскопическом танце. Уже две машины падали вниз — одна неторопливо разваливалась на куски, вокруг другой бурлила смертоносная черная морось. Но бой не утихал, и я с облегчением подумал, что Эрнадо еще жив.

А передо мной вырастал Сломанный Клык.

Я видел его в последних лучах заходящего солнца, в стремительном полете, больше похожем на падение. Крутые склоны местами покрывал снег, кое-где щетинились темно-бурые рощицы низких, цепких деревьев. Но там где начиналось плоскогорье картина менялась. Вершина утопала в садах, в нежно-зеленых деревьях, цветущих белыми и красными цветами. Видимо, все плато отапливалось, иного объяснения такому разительному контрасту не было. А среди садов ажурными арками, тонкими высокими башнями, кружевными мостами, исполинскими террасами вставал дворец императора Тара.

Найти аналогию тому, что я видел, было трудно. Разве что взять самые великолепные земные дворцы и соборы, построить их не из мрамора и гранита, а из розового, сиреневого, голубого, прозрачно-желтого камня, соединить между собой так, чтобы все разнообразие стилей плавно переходило друг в друга.

Флаер падал — назвать стремительный спуск посадкой не поворачивался язык — на конусообразное здание, уступами поднимающееся на стометровую высоту. Здание казалось сложенным из беспорядочно чередующихся голубых и сиреневых каменных блоков. Стекла в широких окнах отливали синевой. На плоской крыше хаотично высились грубо обтесанные каменные скульптуры, изображающие людей и незнакомых животных. Посреди росло низкое и непомерно широкое дерево, размеры которого наводили на мысль о преклонном возрасте. Когда до крыши оставалось несколько метров я увидел, что она покрыта ровным слоем чистого белого песка.

Крылья флаера дернулись и неестественно вывернулись вниз. Смысл этого я понял через мгновение, когда подлокотники кресла плотно обхватили мои руки, тело опоясал неизвестно откуда взявшийся эластичный ремень, а ударившиеся о крышу крылья начали сминаться, гася энергию падения. Меня несколько раз тряхнуло, но гораздо слабее, чем могло бы без всей этой аварийной амортизации. Странное неприятие парашютов не мешало создателям флаера позаботиться о безопасности пилота.

Едва флаер замер, как кресло разжалось, выпуская меня. Одновременно с легким хлопком отвалился колпак кабины. Я привстал и выпрыгнул с двухметровой высоты — флаер стоял на сложившихся гармошкой, но так до конца и не сломавшихся крыльях. Ноги по щиколотку ушли в мягкий песок.

Я крутанулся на месте, осматриваясь. Каменные скульптуры высились в полутьме словно уснувшие великаны. Тихо шелестела листва на дереве. Редкие порывы ветра казались обжигающе холодными — слой тонкого воздуха над крышей дворца был очень тонок, и временами сюда доносилось холодное дыхание гор.

Целеуказатель — широкий браслет на правой кисти — шевельнулся и прошептал: «Вперед». Я повиновался. Спуск с крыши был, очевидно, где-то вблизи огромного дерева.

Но спокойно дойти до него мне не дали.

Из-за уродливой скульптуры, изображающей человека в развевающемся плаще, молча вышли двое. В таких же как у меня черных комбинезонах. С обнаженными мечами в руках и бесполезными пистолетами на поясе.

Коснувшись плеча я активировал комбинезон. Противники, похоже, сделали это раньше.

— Бросайте оружие, Лорд, — повелительно бросил один из гвардейцев. — Если вы не станете сопротивляться, вам сохранят жизнь.

— Устаревшая информация, ребята. Шоррэй приказал не брать меня в плен.

Гвардейцы переглянулись.

— Тем хуже для вас, Лорд.

По лезвиям их мечей пробежало белое затачивающее пламя.

Меньше всего хотел я сейчас состязаться с ними в фехтовании. И не потому что боялся поединка. У меня, если верить Эрнадо, были шансы победить и двоих, и троих гвардейцев. Но с каждой секундой я терял свой главный козырь — внезапность... Из кобуры на поясе я достал пистолет — слегка переделанный Эрнадо газовый игломет.

Из воротников комбинезона у моих противников поднялись, закрывая лицо, тонкие прозрачные щитки. Затем они рванулись вперед. Конечно же, пистолет в моих руках их не пугал. Лазерное и деструкторное оружие в нейтрализующем поле не действует. Отравленные стрелы игольчатого пистолета неспособны пробить активированный защитный комбинезон.

Я нажал на курок.

Крошечный титановый диск с плоскостными наклейками по диаметру скользнул из магнитного магазина в ствол. Сжатая до пяти атмосфер углекислота толкнула поршень, и маленькая одноатомная фреза отправилась в полет. Прежде чем достичь цели, бешено вращающийся диск успел затупиться до молекулярной толщины. Но это не имело принципиального значения.

Гвардеец, оказавшийся ко мне ближе, вскрикнул, и схватился за грудь, куда впился крошечный снаряд. Его активированный комбинезон мгновенно зарастил пробитое отверстие, напрягся, стягивая раненное тело. Но то, что было спасительно при ударе плоскостным мечом, не могло помочь сейчас. Титановый диск не был сбалансирован. Войдя в тело он развернулся и отправился в беспорядочное, смертоносное путешествие сквозь мышцы, сосуды и жизненно важные органы.

Мне доводилось видеть, как быстро умирают люди, раненные пулей со смещенным центром тяжести. Плоскостной диск убивал еще стремительнее.

Гвардеец как подкошенный повалился на песок. Из открытого в беззвучном крике рта плеснула на прозрачный щиток темная кровь.

Я перевел пистолет на его товарища. Тот замер, переводя взгляд с меня на убитого, и обратно. Случившееся было для него необъяснимо. В нейтрализующем поле пистолеты не убивали, не могли убивать.

— Зря вы пришли на эту планету, — произнес я, нажимая на спуск.

Второе тело упало на песок. Врагов в тылу не оставляют.

Зря они пришли на эту планету. А я — нет. Принцесса стоит смерти.

— Вперед, — скомандовал целеуказатель. — Вперед.

Глава 8

ПОХИЩЕНИЕ ПРИНЦЕССЫ

Мне приходилось убивать и на Земле. С восемнадцати до двадцати, в тот странный возраст, когда государство дает в руки оружие, но еще не позволяет покупать водку, я служил в десантных частях. В огромной, до зубов вооруженной армии государства, которого уже не было...

Нас швыряли туда, где здание империи рушилось слишком уж быстро, рискуя придавить жителей верхних этажей. А иногда, очень редко, туда где излишне резво принимались вешать «квартирантов» коренные обитатели маленьких суверенных трущоб.

Я до сих пор подозреваю, что в карабахских боях все мои выстрелы прошли мимо цели. Но с той страшной ночи в Бендерах, когда я впервые поймал в прицел бегущие с оружием наизготовку фигуры, странное нечеловеческое умение вошло в мою кровь.

Умение убивать... Умение забыть, что твои враги — такие же люди как ты, со своей правдой и своей верой, скованные железными оковами приказа или стальными цепями фанатизма. Умение представить своих врагов нелюдьми, выродками, инопланетными захватчиками — кем угодно, но не своими братьями по крови, живущими на той же Земле и под тем же небом.

Убитые мною гвардейцы не были землянами. И назвать их инопланетной нелюдью было проще простого. Но почему-то я не мог это сделать, и сердце безумно стучало в груди, когда я проходил мимо неподвижных тел.

Первый раз в жизни я убил не по приказу. Два человека умерли, потому что я посмел полюбить принцессу.

Неужели любовь всегда стоит смерти?

Я бежал вниз по широкой лестнице, по прозрачным шершавым ступеням, светящимся под моими ногами. На бирюзовых стенах висели картины, которые не было времени рассматривать. За прикрытыми дверями могли скрываться лифты, которых не было времени искать. «Вниз, вниз», ——— шелестел целеуказатель.

Вниз...

Лестница закончилась в круглом зале с прозрачным купольным потолком. Сквозь купол светило солнце, давно уже скрывшееся за горизонтом.

— Налево...

Высокая деревянная дверь была закрыта. Потемневшие от времени створки покрывала ажурная резьба.

— Вперед...

Я вытащил из ножен меч. Двумя ударами рассек створки. Толкнул дверь — она тяжело упала вперед. Узкий полутемный коридор. Борющиеся со мглой факелы на стенах — наверняка фальшивые, несмотря на сладкий запах смолистого дерева. И неподвижные фигуры в конце коридора.

— Вперед...

Я вытащил из чехла плоскостной диск. Крикнул:

— Разойдитесь! Я не хочу вас убивать!

Ответом мне была ослепительная вспышка затачиваемых мечей.

Метнув диск я снял с пояса еще два. Но они не понадобились. Гвардейцы Шоррэя не собирались изображать живые мишени в импровизированном тире. Хлопнули открывшиеся в стенах двери, и гвардейцы, подхватив убитого, исчезли. Я побежал по коридору. Он оканчивался еще одной дверью из темного резного дерева.

— Запасной выход из гостевого зала принцессы, — сообщил целеуказатель.

Почему-то я не стал рубить эту дверь. Коснувшись управляющих сенсоров я включил в комбинезоне режим мускульного усиления. И навалился на дверь плечом.

Толстое дерево треснуло, словно гнилая фанера. Покосившаяся створка распахнулась.

Переложив меч в левую руку я вошел в разбитую дверь.

Гостевой зал принцессы оказался небольшим. Двадцать на тридцать метров, а то и меньше, невысокий потолок, стены в панелях из темного дерева. Самые обычные узкие окна, в которые не заглядывало фальшивое солнце. Длинные темно-багровые шторы. А в центре зала — странная светящаяся скульптура, напоминающая мгновенно застывший фонтан. Не то ледяные, не то хрустальные струи, мерцающие мягким оранжевым светом.

Я медленно обошел оригинальный светильник. Других дверей из зала видно не было. И целеуказатель молчал. Куда же теперь идти?

Прислонившись спиной к огромной мраморной чаше «фонтана» я растерянно огляделся. И замер, глядя на неподвижную фигурку у окна.

Она стояла совсем неподвижно, в темно-красном платье, сливающемся со шторами. Вот почему я не заметил ее раньше. Только бледные искорки бриллиантов поблескивали на платье, на тонких обнаженных руках, на распущенных, охваченных золотистой диадемой волосах.

Девочка выросла.

Принцесса стала взрослой.

Мы молча смотрели друг на друга. Казалось, принцесса ищет во мне знакомые черты — ее лицо было напряженным, вспоминающим. Потом оно расслабилось.

— Гвардейцы Шоррэя стали позволять себе слишком многое, — мягким, но властным голосом произнесла она. — Пошел вон.

Проклятый трофейный комбинезон. . .

Я стащил с головы тонкую ткань капюшона. Пригладил ладонью волосы. И сказал:

— В меня можно влюбиться, принцесса.

Она подошла ко мне ближе. Медленно, словно готовая отпрянуть в любую секунду. Тихо сказала:

— Я не ждала тебя сегодня. . . — Вот и Шоррэй не ждал тоже. . .

— Я верила, что ты пробьешься.

— Ты позвала, принцесса. Я пришел.

Темно-синие глаза на овальном, покрытом мягким загаром лице. Каштановые волосы, укрывающие обнаженные плечи. Грустная улыбка, прячущаяся на губах.

Я узнал тебя сразу, принцесса. А ты меня — нет. И вовсе не из-за черного вражеского комбинезона.

— У тебя есть план действий?

— Иначе я не добрался бы до дворца, принцесса. — Сколько у нас времени?

Я позволил себе улыбнуться.

— Минус одна минута.

— Значит, будет минус две. Я должна собраться.

В узком облегающем платье, достающем до пола, далеко не убежишь. Я понимающе кивнул. А принцесса протянула руку:

— Нож.

Отстегнув с пояса кинжал, я осторожно, рукоятью вперед, подал его. Не повышая голоса принцесса произнесла:

— Дила, костюм для фехтования. Мгновенно.

Быстрым движением она вспорола бархатную ткань платья. Коротко сказала:

— Отвернись. Это платье слишком долго снимать.

Повернувшись к светящемуся фонтану я положил ладонь на рукоять пистолета. В любую секунду сюда могли ворваться. . . За моей спиной шуршала падающая на пол материя. Происходящее казалось бредом, сценой из спектакля абсурда.

Одна из деревянных панелей в стене бесшумно повернулась, открывая замаскированную дверь. На пороге появилась девушка лет двадцати в строгом синем костюме, несущая в руках большой оранжевый пакет. Увидев меня девушка замерла. Потом ее взгляд переместился на принцессу за моей спиной — и она слабо вскрикнула.

— Не время для этикета, Дила, — тихо сказала принцесса. — Помоги мне одеться.

— Но. . .

— Это Лорд с планеты Земля, мой жених. Быстрее, Дила!

Отбросив колебания девушка прошла мимо меня, на ходу доставая из пакета комбинезон — похожий на мой, но меньшего размера и оранжевый.

Минуту за моей спиной шла тихая возня. Потом принцесса крикнула:

— Лорд!

В ее голосе смешались ужас и отчаяние. Я повернулся, но все же недостаточно быстро.

Полуодетая принцесса торопливо застегивала комбинезон. Сквозь прорезь золотилось обнаженное тело. А из открывшихся в стене дверей выскакивали черные фигуры гвардейцев с плоскостными мечами в руках. В глазах рябило от затачивающих вспышек. Прежде чем я успел среагировать, один из гвардейцев взмахнул рукой, и в мое плечо вонзился нож.

Эрнадо не упоминал про плоскостные ножи. Но они существовали — один из них сейчас медленно вываливался из моей раны. Плечо словно сжали тисками — комбинезон затвердел, сковывая пораженное место.

Не было времени, чтобы подумать о боли, оценить серьезность раны. Я надавил на спуск пистолета и описал стволом короткую дугу.

Веер серебристых дисков накрыл атакующую цепь. Воздух наполнился хором дрожащих от боли голосов. Часть гвардейцев упала, но пятеро, перепрыгивая через раненных и убитых, бежала вперед.

Я снова выстрелил. Пистолет выплюнул плоскостной диск и один из гвардейцев упал. Беззвучно — диск вошел ему в лицо, в доли секунды превратив в безобразное месиво мозг.

Но следующего выстрела не последовало. Обойма кончилась, пистолет превратился в бесполезный кусок металла. Перезаряжать его не было времени.

Правой рукой я выхватил из-за спины меч. Попытался достать второй — и не смог. Боль в раненном плече была несильной, но комбинезон все еще сковывал ее движения.

Следующие секунды превратились в калейдоскоп сменяющих друг друга ударов и обманных движений. Я отступал под слаженным напором четырех вооруженных профессионалов.

Наверное, лишь растерянность от гибели товарищей помешала им прикончить меня в первые же секунды боя. Простейшим приемом мне удалось обрубить меч особенно рьяно нападавшему гвардейцу и слегка задеть кисть другому. Но даже это не вывело их из строя полностью. Вскоре я уже прижимался спиной к стене, отчаянно парируя удары.

Помощь пришла неожиданно. Оттеснив меня от принцессы и Дилы гвардейцы, похоже, забыли о их существовании. И зря.

Подхватив с пола меч одного из убитых принцесса атаковала гвардейцев с тыла. Первый же удар оказался гибельным для раненного мной гвардейца. Каким-то уголком сознания я заметил, что принцесса ударила его нарочито незаточенным мечом, достаточно острым, чтобы рассечь комбинезон, но слишком толстым, чтобы рассеченные ткани могли срастись. Воспользовавшись секундным замешательством я прикончил еще двоих, используя такой же, нарочито затупленный меч. Последнему, пытавшемуся скрыться в дверях, принцесса метнула в спину выпавший из моей раны кинжал. Заплетающимся шагом, с торчащей между лопаток рукоятью ножа, гвардеец выбежал, или вернее проковылял в дверь.

Дила сидела на корточках, зажимая лицо руками. Среди изуродованных, неподвижных тел слабо стонали двое или трое раненных. Мы с принцессой молча смотрели друг на друга. В ярко-оранжевом комбинезоне, с плоскостным мечом в руках, принцесса ничем не походила на недавнюю девушку в длинном бальном платье и плавными мягкими движениями. Впрочем, на девочку из ночного парка она походила еще меньше.

— Как ты смог их всех убить? — спросила, наконец, принцесса.

— Пистолет стреляет плоскостными дисками.

— Я не слышала о таком оружии.

— Это мое... изобретение.

— В тебя, действительно, стоило влюбиться, — на губах принцессы вдруг дрогнула знакомая улыбка. Словно не было вокруг мертвых врагов, словно не могли вот-вот появиться живые. — Как твоя рука?

В плече тлела жгучая, ноющая боль. Но мышцы двигались, я снова владел левой рукой.

— Не время думать о ней, принцесса.

— Ты прав. Куда мы должны выбираться?

— На взлетные полосы.

В синих глазах принцессы мелькнуло удивление.

— Поле продолжает действовать, мы не сможем взлететь.

— Я знаю.

— Хорошо, — принцесса пожала плечами. И произнесла, обращаясь уже явно не ко мне:

— Всем, кто предан Тару. Всем, кто...— она запнулась, но продолжила, — остался верен императору. Я ухожу из дворца с земным Лордом, моим законным женихом. Все, кто может помочь нам — помогите. Речевой коммуникатор — самоуничтожение. Три — семнадцать, А — Д.

Под самым потолком вспыхнула и рассыпалась часть деревянной панели.

— Слуги сделают все, что в их силах, — пояснила принцесса. — Но вызвать их снова я не смогу. Командный коммутатор был настроен на мой голос, нас могли выследить с пульта, пришлось его уничтожить. Идите за мной, Лорд.

Мы прошли мимо плачущей Дилы, и принцесса отрывисто сказала:

— Приказ относится и к тебе. Добей раненных и задержи тех, кто придет следом.

Обращаясь ко мне, и словно бы извиняясь, она добавила:

— Ей редко доводилось видеть смерть. Но все же Шоррэй пожалеет, что оставил живыми моих слуг.

У меня заныло в груди. Нельзя *так* посылать на смерть людей. Никому не дано такого права.

Даже принцессе.

Легким прикосновением к стене принцесса открыла еще одну скрытую дверь. Пояснила:

— Это самый короткий и безопасный путь. Можешь бежать?

Я кивнул. И мы побежали по коридору, ничем не отличающемуся от предыдущего, с такими же фальшивыми «факелами» на стенах. На ходу я перезарядил пистолет второй и последней обоймой. Следовало изготовить больше маленьких дисков, но кто мог знать, что они окажутся столь эффективными...

Принцесса бежала легко и свободно, словно ей вовсе не мешал плоскостной меч в руках. Повесить его на пояс без ножен было невозможно.

— Тебя шокировал мой приказ? — неожиданно спросила принцесса.

— Да, — коротко ответил я. Коридор плавно изгибался, появился заметный уклон вниз. Бежать стало легче.

— Сражаться за меня — их долг, — твердо сказала принцесса. — Не ты один готов рискнуть своей жизнью. Знаешь, у нас есть пословица...

— Знаю, — резко оборвал я. — Принцесса стоит смерти.

— Ты согласен с этим?

— Нет, — неожиданно даже для самого себя ответил я. — Конечно же, нет.

Мы не сговариваясь остановились. Принцесса тихо спросила:

— Так почему же ты здесь, Лорд? Почему ты пришел?

— Потому что любовь стоит смерти, — переводя дыхание ответил я. — Потому что я люблю тебя.

Взяв девушку за плечи я привлек ее к себе. Посмотрел в глаза. Сказал, чувствуя, что говорю лишнее, но остановиться уже не могу:

— А может быть, я люблю не тебя. Ту девчонку, которая спросила, можно ли в меня влюбиться. Которая еще не умела приказывать своей ровеснице добить раненных. Которая назвала меня сильным и смелым — и заставила стать таким. Вот эту девчонку, которая еще живет в тебе, я и спасаю. Ради нее могу умереть...

Я поцеловал ее в плотно сжатые губы. Одним касанием — так целуют спящих. И на мгновение ее лицо дрогнуло, расслабилось, превращаясь в лицо испуганной девочки из ночного парка. Лишь на мгновение...

— Нам надо спешить, принцесса, — задыхаясь от рвущихся из горла слов сказал я. — Надо спешить.

И мы побежали дальше — не говоря ни слова, словно забыв произошедшее. Она по-прежнему была девушкой моей мечты — принцесса из чужого, далекого мира. И никто не был виноват, что моя мечта не совпала с реальностью.

Коридор заканчивался широкой металлической дверью. На ее стыке с косяком виднелись грубые следы сварки. Там, где раньше был замок, осталось черное выжженное пятно.

— Руби, — приказала принцесса.

Я поднял плоскостной меч и четырьмя ударами взломал дверь.

Глава 9

АВАРИЙНЫЙ СТАРТ

Снаружи было темно. Лишь шелест деревьев, да мягкая трава под ногами подсказывали, что мы вышли в сад.

— Почему не горят фонари? — спросил я, озираясь. — Шоррэю следовало бы включить все, что только способно светиться.

— Я не зря отдавала приказ, — сухо ответила принцесса. — Кто-то из слуг сумел отключить энергостанцию.

Она вдруг подалась ко мне, крепко стиснула руку. И совсем уже другим, извиняющимся голосом сказала:

— Глупо, конечно... Но я с детства боюсь темноты. Извини.

— Все нормально, — я сжал ее ладонь. — Куда нам идти?

— Направо...

Глаза медленно привыкали, я видел уже и деревья, и темные, мертвые силуэты дворцов. Лишь где-то вдалеке, на самом краю плато, тянулись в небо красные отблески огня.

— Пожар, — спокойно сказала принцесса. — Не самое удачное место — там расположены архивы и библиотека. Но все равно, пусть горит.

Мы шли через сад, быстро, но стараясь не шуметь. Несколько раз натыкались на посыпанные песком дорожки, но принцесса упорно сворачивала с них.

— Не заблудимся? — тихо спросил я.

— В этом саду прошло все мое детство.

И на неуловимо короткий миг голос принцессы снова стал знакомым, прежним, тем голосом, что попросил меня ждать, пока она вырастет. Может быть, под этими деревьями и гуляла девочка, вернувшаяся из короткого путешествия на планету Земля.

Деревья расступились и мы вышли к забору. Низенькому, декоративному, из ажурной металлической решетки достающей мне до пояса. За ним тянулось ровное гладкое поле, покрытое то ли бетоном, то ли оплавленным камнем. Скорее, последнее — видимо это было основание плато, которое в других местах засыпали плодородной почвой.

Присев у ограды я вгляделся в темноту. На взлетном поле в кажущемся беспорядке застыли диски боевых катеров и легкие, полупрозрачные тени флаеров. Ротозеи, даже не потрудились убрать машины в ангары... Надеются на нейтрализующее поле.

— Принцесса, где расположен аварийный старт? — негромко спросил я.

Мне показалось, что принцесса еле слышно вскрикнула.

— Ты собираешься воспользоваться им?

— Другого пути нет.

— За ангарами... Лорд, я не помню, чтобы кто-то действительно рискнул стартовать таким путем.

Я не стал спорить, а просто перемахнул через забор.

— Пойдемте, принцесса...

Она перепрыгнула следом, не коснувшись моей заботливо протянутой руки. Попросила, почти жалобно:

— Лорд, можно воспользоваться туннелями, ведущими на равнину. Там будет охрана, но...

Я молча пошел вперед. Невежливо спорить с девушкой, тем более с принцессой. Проще не оставить для нее возможности выбора.

Ангары были скрыты где-то в глубине скалы. Наружу выходили лишь маленькие бетонные купола лифтовых шахт. Всегда любил округлые здания — они исключают нападения из-за угла. Впрочем, засады здесь не оказалось. Лишь один-единственный часовой, привалившийся спиной к нагретой за день стене купола.

Я заметил его первым. Остановился, прикинул расстояние — для прицельного выстрела из пистолета слишком далеко. Вытащил из чехла плоскостной диск, и метнул его, почти уверенный в успехе.

На этот раз глазомер меня подвел. Диск со свистом прорезал воздух и вошел в бетонную стену в нескольких сантиметрах от головы часового.

Наверное, он даже не понял, что случилось. Повернулся на звук, выхватывая из ножен меч, и бросился к нам, на ходу поднимая руку к плечу, чтобы активировать комбинезон.

Вот только на пути его стремительного рывка оказался полукруг прочно вонзившегося в стену диска. Плоскостное лезвие рассекло шею быстрее самого искусного хирурга.

Он сделал еще несколько шагов и упал, неестественно вывернув голову. Из перерезанной артерии струей ударила кровь.

Меня замутило. А принцесса, выронив меч, вцепилась в мои плечи и закричала. Он давно уже рвался из ее груди, этот крик. С того дня, когда на турнире женихов победил Шоррэй. С того часа, когда планета была захвачена его войсками. С той минуты, когда в гостевом зале разыгралось кровавое побоище. С той секунды, когда она узнала, что нам придется пройти через неведомый мне ужас аварийного старта.

Она плакала, прижавшись к моему плечу — повелительница целой планеты, умеющая посылать на смерть тысячи людей, но никогда не видевшая настоящей смерти. Не той, которая приходит в честном поединке на плоскостных мечах, когда самые страшные раны скрываются под мгновенно зарастающими комбинезонами. Такая смерть была привычной в окружающем ее мире — прячущаяся под чистыми одеждами, фальшивая, как факелы на стенах. На плоскостных мечах никогда не оставалось даже капли крови.

А теперь смерть предстала перед ней в своем истинном облике. С рассеченным на части телом, с хлещущей из перебитых артерий кровью. Может быть, она была первой из принцесс, увидевшей, *чего* она стоит.

Я обнял ее, по-настоящему, мягко и сильно, забывая и про боль в раненном плече, и про неумолимо уходящее время. Прошептал, зарываясь лицом в мягкие волосы:

— Он убил бы нас, если бы смог, принцесса. Не стоит его жалеть.

— Но так не убивают...

— Он умер сразу. Он не успел ничего почувствовать.

Принцесса помолчала. Потом сказала, высвобождаясь из моих рук:

— Это пройдет, сейчас пройдет. Я веду себя как истеричка, мне стыдно за себя...

— А я стал гордиться тобой, принцесса.

Стараясь не смотреть вниз принцесса прошла мимо мертвого тела. Махнула рукой:

— Вот он, аварийный старт. Наверное, его и охранял... этот несчастный.

Я подошел к принцессе.

На первый взгляд аварийный старт не выглядел устрашающим. Просто в ровном посадочном поле возникал небольшой уклон, градусов в пять, не больше. Искусственное ущелье, плавно уходящее в темноту. Ширина дорожки была метров семь-восемь, вполне достаточно даже для катера, не говоря уже о узком флаере. Конечно, метров через двадцать аварийный старт будет напоминать пробитую в камне траншею, и возникнет реальная опасность налететь на поднимающиеся с боков стены. Но ведь управлять будет автопилот...

— Помогите мне, принцесса, — сказал я. — Надо подкатить сюда какой-нибудь флаер.

Метрах в сорока от нас стояла подходящая с виду машина. Она была даже меньше той, на которой я прибыл, и казалась достаточно легкой для задуманного. Вдвоем мы довольно легко сдвинули флаер с места и покатили к аварийному старту.

— Ты хорошо управляешь флаером? — озабоченно спросила принцесса.

— Я хорошо управляю велосипедом, — хмуро ответил я. Слово «велосипед» я произнес по-русски, похоже, в языке Тара не оказалось аналогов. Конечно, здорово было бы спасти принцессу, самому управляя летательным аппаратом. Но увы, в секцию планеризма я не ходил, а в армии нас учили пользоваться только парашютом. — В этом флаере есть автопилот, принцесса?

— Конечно. А программный диск у тебя есть?

— Да.

Мы поставили флаер у самой кромки наклонной дорожки. Советы Эрнадо не подвели — я легко нашел замок и открыл колпак кабины. Принцесса молча забралась внутрь, склонилась над пультом. Через секунду кабина осветилась.

— Программный диск, — требовательно сказала девушка.

Я протянул ей диск с номером два, обернулся и последний раз взглянул на плато Сломанного Клыка. Было тихо, удивительно тихо для места, где сейчас шла отчаянная охота за нами. Лишь вдалеке все сильнее и сильнее разгорался пожар.

Навалившись на борт флаера я выкатил его на дорожку аварийного старта. Почувствовал, как машина дрогнула и медленно заскользила вниз. И запрыгнул в кабину.

В задачу аварийного старта явно не входил быстрый разгон. Мы успели устроиться в креслах и проверить приборы, прежде чем скорость стала ощутимой.

— Во флаере почти нет горючего, — озабоченно сказала принцесса.

— Оно и не понадобится, — равнодушно сказал я, включая в своем комбинезоне режим медицинской помощи. Ниже поясницы сразу же ощутимо защипало. Потом закололо в плече. Ощущение было не из приятных.

По обеим сторонам флаера все быстрее и быстрее мелькали каменные стены. Спуск становился круче.

— Никогда не доверяла автопилотам, — тоскливо призналась принцесса. Мы сидели рядом, в маленькой кабине было лишь два узких кресла. Перед нами, над пультом, светился неизменный видеокуб. Масштаб был крупным — дорожка аварийного старта, по которой ползла зеленая точка нашего флаера, виднелась вполне отчетливо.

— Что поделаешь, принцесса, — вглядываясь в изображение сказал я. — К сожалению я не пилот... и даже не навигатор. В межзвездных гонках не участвовал.

Принцесса быстро взглянула на меня.

— Что тебе известно о Праттере, Лорд?

Мысленно я выругал себя за излишне длинный язык. О несостоявшемся муже принцессы я не знал почти ничего... даже имя его услышал впервые. Но отступать было поздно.

— Только то, что он трус, принцесса.

Изображение в видеокубе менялось все быстрее. Был виден уже и край плато, обрывающийся в пропасть. Но аварийный спуск там не кончался!

— Он не трус! Не смей говорить о нем такие...

Кресла синхронно сжались, захватывая нас в тугие объятия, перехватывая дыхание, прерывая разговор. Плато кончилось. А дорожка аварийного старта продолжалась, опускаясь вниз под углом немногим отличающимся от прямого. И в это мгновение флаер тяжело толкнуло сзади. Похоже, это и был обещанный «разгонный бустер», действующий не то на гидравлической основе, не то просто придающий нам ускорение своей тяжестью. Сердце комком подскочило к горлу. Мы падали, флаер несся, едва касаясь колесами гладкой как стекло поверхности. Удары очередных бустеров следовали один за другим. А в видеокубе я видел то, что нас ожидало. Крутой изгиб дорожки, в полукилометре ниже уровня плато. Опять горизонтальный участок. И короткий трамплин, задранный в небо. Аварийный старт вовсе не походил на «дорожку, обрывающуюся в пропасть», как говорил Эрнадо. Это была сложнейшая, рассчитанная на компьютерах конструкция, траектория и поочередно включающиеся бустеры которой сообщали машине максимальное ускорение. И перегрузки, которым при этом подвергались пассажиры, похоже не брались в расчет...

— Держитесь, принцесса... — прошептал я, глядя на надвигающуюся дугу поворота. Мы не слетали с почти отвесной дорожке лишь потому, что крылья флаера развернулись, и набегающий воздух прижимал нас к ней. — Держитесь.

Мы висели в креслах лицами вниз, глядя как приближается роковой изгиб аварийного старта. Я успел еще подумать о том, что перегрузки в направлении «грудь-спина» переносятся довольно неплохо...

В следующее мгновение удар очередного бустера лишил меня способности о чем-либо думать.

Все тело болело. По лицу текла какая-то жидкость, и соленый вкус на губах подсказывал, что это кровь. В глазах, когда их наконец удалось открыть, плавал густой черный туман.

Но я был жив. И флаер не превратился в груду обломков на дне пропасти — легкое покачивание свидетельствовало о том, что он летит.

Очень медленно в глазах прояснилось. Под лопаткой и в пояснице покалывало — это, похоже, старались инъекторы комбинезона, до сих пор работающего в медицинском режиме.

Вначале я увидел бледное свечение видеокуба. Мы медленно плыли в розовой полусфере нейтрализующего поля, удаляясь от Сломанного Клыка. Значит, я отключился буквально на несколько секунд.

Превозмогая боль я повернул голову и посмотрел на принцессу. Почувствовав движение, кресло расслабилось, отпуская меня.

На губах принцессы темнела кровь. Лицо усеяли красные пятнышки лопнувших сосудов. Тело бессильно обмякло.

Дрожащей рукой я потянулся к ее плечу. Есть ли в фехтовальном костюме медицинский режим, как в боевом комбинезоне? Слава Богу, управляющие огоньки оказались такими же, как у меня. Я коснулся светящейся желтым точки — никакого эффекта не последовало. А контрольные датчики тревожно разгорались красным.

Я застонал от собственного бессилия. И, повинуясь скорее наитию, чем оформившейся мысли, взял руку принцессы и коснулся управляющей точки ее пальцем. Огонек мгновенно стал зеленым.

Я откинулся обратно в кресло, не выпуская слабых безвольных пальцев. Когда-то они касались моего лица, заставляя отступать боль. Я не способен на такие маленькие чудеса, принцесса. Все, что в моих силах, это стереть с твоих губ кровь и прижать ко лбу холодную ладонь. А еще — сказать тебе, когда ты придешь в сознание, что и с разукрашенным перегрузкой лицом ты остаешься самой красивой девушкой во Вселенной.

Принцесса поморщилась. Видимо, комбинезон вколол ей очередную дозу лекарств. Шевельнулась, прижимаясь к моей ладони. И прошептала:

— Спасибо, Праттер... Уже лучше.

— Я не Праттер, — совершенно спокойно ответил я. — Я Лорд с планеты Земля, твой ритуальный жених, с которым ты до сих пор не удосужилась познакомиться.

— Прости. Как тебя зовут?

— Сергей. Можно Серж.

— Лучше Сергей. Это необычнее звучит...

Она открыла глаза. И смешно насупилась.

— Я кошмарно выгляжу, да? Перегрузка была не меньше десяти единиц...

— Ты прекрасна, принцесса. А эта красная сыпь пройдет.

— Значит точно, была десятка. И глаза у меня сейчас алые, как у тебя.

Я кивнул. Если глаза у меня такие же красные, как у принцессы, то я могу без малейшего грима сыграть вампира в фильме ужасов. Ох, и досталось же нашим сосудам...

— Мы летим нормально, Сергей?

Я посмотрел на автопилот. Контрольное табло светилось зеленым.

— Да.

— Повезло. Я боялась, что флаер рассыплется. Эти машины не рассчитаны на подобные трюки. В них нет гравитационных компенсаторов, как в боевых кораблях. А куда мы направляемся?

— На базу императорских ВВС.

— Она разрушена.

— Это не важно. Мой наставник все рассчитал.

— Если мы спасемся, он станет командовать армией, — твердо сказала принцесса.

От сержанта — до главнокомандующего? Мог ли Эрнадо представить такую карьеру? Я вспомнил неравный бой на подступах к дворцу. И опустил глаза.

— Ему уже не принять этой награды, принцесса.

Глава 10

ПРОИГРАННЫЙ ПОЕДИНОК

Флаер не подвел. Нам пришлось поволноваться перед самой посадкой, когда снижающаяся машина неслась в двух-трех метрах над гребнями скал. Датчики автопилота нервно светились красным, а кресла стали сжимать нас, страхуя от удара. Но флаер перелетел через скалы и начал планировать в широкую горную долину.

Мы могли наблюдать за происходящим лишь по видеокубу. Звездный свет скорее сгущал темноту, чем боролся с нею, а безотказного фонаря луны у планеты не было. Но может быть, это оказалось и к лучшему — наши нервы избавились от лишнего испытания на прочность.

База пострадала меньше, чем я предполагал. Почти все здания выглядели целыми, во всяком случае, в видеокубе, а на огромном взлетно-посадочном поле виднелись лишь две небольшие воронки от взрывов.

— Базу захватили десантные отряды Шоррэя, — словно угадав мою мысль сказала принцесса. — Большинство машин, вероятно, в порядке.

— А охрану они оставили?

— Два-три человека должны быть, — неуверенно ответила принцесса. — Одолжи мне один меч, Сергей. У тебя лучше получается сражаться с помощью пистолета.

Проглотив обидное замечание я кивнул. В конце-концов я взял меч в руки всего два дня назад.

Флаер коснулся ровной как стекло поверхности посадочного поля и покатился, плавно затормаживая. Крылья развернулись плоскостью вперед, выполняя роль аэродинамического тормоза. По экранчику автопилота пробежали слова: «Конец программы.»

Привстав в кресле я отстегнул правую перевязь с мечом, протянул ее принцессе. Предупредил:

— На мече нестандартное расположение затачивающей кнопки — на боковой части рукояти. Учитывайте это, принцесса.

— Хорошо. Сергей, возможно стоит воспользоваться этим же флаером? Он выдержал аварийный старт без всяких повреждений, а искать другую исправную машину — лишний риск.

— Чья скорость выше — боевого катера или флаера? Я имею в виду нормальный полет, с включенным двигателем.

— Конечно же катер быстрее.

— Значит нам нужен катер. Притом, во флаере нет горючего.

Принцесса кивнула, неохотно, словно не до конца соглашаясь с моими доводами. А потом улыбнулась:

— Ты прав. В катере есть компенсатор перегрузок, старт окажется гораздо легче. А граница нейтрализующего поля в километре отсюда, так что мы ее достигнем.

Флаер остановился. Я открыл люк, выбрался наружу. Свет из кабины давал возможность видеть метров на шесть-семь вокруг. В основном приходилось полагаться на слух.

Тишина. Слабое дуновение ветра, шорохи из кабины флаера.

— Все в порядке, — уверенно сказал я.

Принцесса выбралась наружу.

— Я искала неприкосновенный комплект, там должны быть фонари, но... Сергей!

Я прыгнул в сторону, выхватывая меч. Господи, скоро это движение станет у меня автоматическим, на любой резкий звук. И, наверное, будет спасать жизнь, как сейчас.

Там, где я только что стоял, сверкнуло лезвие плоскостного меча. Затачивающая вспышка — я увидел невысокую фигурку противника. И он бросился в новую атаку.

— Бегите, принцесса! — крикнул я, вставая в оборонительную позицию. Доставать пистолет не было времени. — Бегите!

Нападающий вдруг замер. Повернулся к принцессе — она и не думала бежать, а доставала из ножен меч. Растерянно воскликнул:

— Принцесса?

Девушка выпрямилась, ее меч скользнул обратно в ножны. Холодно произнесла:

— Да. Полагаю, меня трудно узнать после аварийного старта. Но это я.

Человек рухнул на колени. Именно рухнул как подкошенный. Бросил перед собой жалобно звякнувший меч. Сказал тонким, ломающимся голосом:

— Мой меч, моя кровь, моя честь — у ваших ног.

Не выпуская оружия я подошел ближе. Похоже, драка не состоится.

— Кто ты? — голос принцессы оставался таким же надменным и повелительным.

— Ланс Дари, курсант второй летной школы, — с оттенком гордости ответил юноша. Пожалуй, ему было лет семнадцать...

— Ты из славного рода, — задумчиво произнесла принцесса. — И должен знать, каково наказание за нападение на члена императорской семьи. Пусть даже неумышленное...

— Смерть, — твердо сказал юноша. — Я знаю и...

— Подожди! К счастью ты напал не на меня, а на Лорда с планеты Земля. Он мой жених, но еще не успел стать мужем. Твоя жизнь в его руках.

Юноша поднялся с колен и подошел ко мне. Похоже, в обращении с земным Лордом представитель славного рода был посмелее. Однако голос его оставался почтительным и покорным.

— Моя кровь — ваша, Лорд. Я виновен и признаю это.

Я с любопытством рассматривал Ланса. На нем не было защитного комбинезона, просто легкий свободный костюм из темной материи. А с предполагаемого возраста смело можно было сбросить еще год. Совсем мальчишка. Однако гордый — мне он предоставил право распоряжаться лишь его жизнью. Меч и честь остались в распоряжении принцессы.

Улыбнувшись я коснулся его плеча. Сказал:

— Кровь оставь себе. Меч подбери — он еще послужит принцессе. А честь с тобой, похоже, всегда.

Принцесса удивленно и вместе с тем одобрительно взглянула на меня. Похоже, мой витиеватый ответ вполне укладывался в правила этикета.

А юноша кивнул, словно соглашаясь с моими словами. И произнес:

— После императора и принцессы мой меч готов сражаться за вас.

— Меч немного стоит без верных и твердых рук, — задумчиво сказала принцесса. — Но почему ты не упомянул своего отца?

— Полковник Дари погиб, защищая базу.

Мне показалось, что в глазах парнишки блеснули слезы. Но голос даже не дрогнул.

— Он с честью прошел свой путь. На базе есть вражеские солдаты?

— Уже нет. Были пять рядовых и офицер.

— Где они?

— На дне пропасти.

— Ты убил их один?

— Да. Троих в честном бою, троих из-за угла. Они не заслужили и такой смерти.

— Как получилось, что ты выжил при захвате базы? — продолжала допрос принцесса.

— Я сидел на гауптвахте. Меня не нашли, а сам я выбрался лишь через сутки, — с горечью ответил Ланс.

— За что ты попал под арест?

— Дуэль, — лаконично ответил парнишка.

Я почувствовал странную смесь уважения и зависти. Этот родовитый мальчишка владел оружием куда лучше меня. Неудивительно, но обидно.

— Ланс, нам необходимо вывести катер на аварийный старт. На посадочном поле есть исправные машины?

— Возле аварийного старта стоит катер гиарских гвардейцев. Он в полном порядке, но я не рискнул взлететь. У меня нет навыка аварийного старта.

Мы с принцессой обрадованно переглянулись.

— Такой навык мало кто имеет, — согласно кивнула принцесса. — Но он и не потребуется. У нас есть программа для автопилота.

Ланс покачал головой:

— Принцесса, программа не поможет. Их автопилоты имеют другую кодировку сигналов, хотя само управление и схоже.

— Тогда нужен катер нашей армии.

— Исправные катера есть на третьей и четвертой взлетной полосе, — Ланс с сомнением посмотрел на меня. — Но мы вдвоем с Лордом подкатим его старту только минут через сорок.

— Втроем, — возразила принцесса.

— Тогда минут за тридцать.

— Ничего страшного. Даже если генератор поля был отключен сразу при появлении Лорда, потребуется еще не меньше часа, чтобы нейтрализующее поле рассеялось. У нас есть время.

Ланс кивнул.

— Хорошо, принцесса. Пойдемте к катеру.

Парнишка шел первым, указывая дорогу. За ним принцесса, последним плелся я. Что-то во мне протестовало против происходящего. Я скорее был согласен довериться мастерству Ланса в управлении катером, чем толкать полкилометра огромный тяжелый диск. Может быть, так сказывалось раздражение на парнишку, при котором принцесса снова стала властной и волевой повелительницей? Или же — самая обычная лень?

...Режим мускульного усиления комбинезонов помогал нам недолго. Метров сто мы с принцессой протащили катер, не затрачивая ни малейших усилий. Потом в батареях кончился заряд, и к нам присоединился Ланс. Увы, замену трудно было назвать равноценной. Драться парнишка умел, а вот сил у него было немного.

Мы прошли почти полпути, затратив на это не меньше двадцати минут и ориентируясь лишь по светящейся в стороне кабине нашего флаера. Потом принцесса взмолилась:

— Надо остановиться и передохнуть. Я больше не могу.

— Нам не хватит сил сдвинуть катер с места, — пробормотал я, напирая на гладкий металлический борт. — Проще толкать движущуюся машину, чем снова ее разгонять...

— Мы отдохнем минут пять, — предложил Ланс, поглядывая на принцессу. — За это время батареи комбинезонов накопят чуть-чуть энергии, и вы сможете снова разогнать катер.

Я почувствовал, как потяжелел груз. Принцесса, а вслед за ней и Ланс, отпустили его. Несколько секунд я пытался толкать многотонный катер в одиночку, затем остановился. Молча лег на теплый бетон. Принцесса присела рядом. Ланс остался стоять. — У вас красивое небо, принцесса, — тихо сказал я, глядя вверх. —

Очень много звезд.

— Ты недоволен, что мы остановились, Лорд?

— Когда убегаешь, нельзя думать об отдыхе. Впрочем, я тоже устал, принцесса. Возможно ты и права.

Ланс ошарашенно смотрел на нас. Принцесса небрежно произнесла в его сторону:

— Не обращай внимания на эту маленькую семейную ссору. Лорд имеет право спорить со мной.

— Да, принцесса.

Я постарался расслабиться, каждой клеточкой тела вбирая в себя мгновения отдыха. Чистые огоньки звезд и порывы прохладного ветра. Темный силуэт катера и фигуру прислонившегося к нему Ланса. Усталое дыхание девушки и далекий, приближающийся гул...

— Что это за звук, Ланс?!

Вскочив на ноги я вглядывался в сторону усиливающегося гула. Мигнула звезда, на мгновение заслоненная скользящей в воздухе тенью. Еще одна, куда ниже над горизонтом.

— Это флаер, — растерянно произнес Ланс. — Флаер, который садится с выключенным двигателем.

Принцесса коснулась моей руки. И сказала — голос ее ощутимо дрожал:

— Кто-то рискнул пойти по нашему пути. Только один человек мог решиться на аварийный старт без подготовки.

— Шоррэй, — не колеблясь сказал я. — Только он, я знаю. Мы зря полагались на нейтрализующее поле.

Наверное, я ждал этого. Слишком легко все получилось. А принцесс так просто не похищают, очень уж высока цена. И Шоррэй был согласен ее заплатить.

Скорее всего — за мой счет.

— Мы можем укрыться в помещениях базы, — предложил Ланс. — Я знаю все переходы и тайники, нас не найдут.

— Нас не найдет Шоррэй. Но через час поле исчезнет, и все здесь будет прочесано его солдатами.

Принцесса повернулась ко мне. И тихо сказала:

— Мы проиграли, Лорд. Спасибо, что пытался помочь.

— Почему проиграли? — я почувствовал, как меня охватывает ярость. — Во флаере не может быть много солдат, мы примем бой!

— Там не будет солдат, — мягко возразила принцесса. — Шоррэй прилетит один. Но ни ты, ни Ланс, ни мы трое, ни взвод лучших бойцов планеты не смогут победить его.

— Почему?

— Он лучший мастер меча во Вселенной, — просто сказала принцесса. — Некоторые считают, что он, — принцесса попыталась улыбнуться, но улыбка вышла неестественной, напряженной, — не совсем человек. Шоррэй подлец и негодяй, но он — лучший меч мира.

Ланс неотрывно смотрел на нас. Я повернулся к парнишке:

— И что ты скажешь, курсант Ланс Дари?

Парнишка упрямо произнес:

— Моя кровь, мой меч, моя честь — ваши. Я умру за принцессу.

Я снова посмотрел на принцессу. Привлек к себе, заглядывая в синие, как земное небо, глаза. Он останется со мной в этой чужой ночи, кусочек земного неба.

— Помнишь, что я сказал тебе во дворце? — спросил я. И почувствовал, как дрогнула в моем голосе предательская, прощальная нежность. — Любовь стоит смерти, принцесса. Я люблю тебя. Я любил тебя всегда.

Метрах в десяти от нас послышался грохот. Шоррэй не собирался тратить время на долгий пробег флаера по гладкой посадочной дорожке. Он заставил свою машину сложить крылья и рухнуть рядом с нами.

Отступив от принцессы на шаг я смотрел, как сминаются под тяжестью флаера крылья-амортизаторы, как открывается люк, как выпрыгивает на бетон высокий, широкоплечий мужчина, одетый в белый, светящийся неярким матовым светом комбинезон. Черт побери, да он же ко всему еще и позер! Меч в ярко-алых ножнах, раза в полтора больше обычного размерами, длинные светлые волосы, лежащие в кажущемся беспорядке, твердый уверенный шаг... Голливудский режиссер продал бы свою бессмертную душу за право снять его в очередном боевике. И вряд ли бы прогадал.

Шоррэй подошел ближе, и я выступил вперед. Но он словно не замечал меня. Заговорил — и голос, слышанный мной лишь по радио, оказался под стать внешности. Мягкий, но одновременно сильный, почти гипнотический...

— Я рад, что застал вас здесь. Не стоит переносить наш маленький спор на территорию Храма. Ведь вы собирались туда, принцесса?

Она молчала. Ответил я, тщетно пытаясь придать своему голосу то же спокойствие:

— Не пытайся нас остановить, Шоррэй. Тебе это не под силу.

Он впервые посмотрел на меня. Снисходительно улыбнулся:

— Итак, ты и есть земной Лорд. Дружная компания: моя будущая жена, самоуверенный дикарь и перепуганный мальчишка. Кстати, он может уйти. Я не люблю убивать детей.

Ланс метнулся вперед. Воскликнул — и в голосе его звучала ненависть:

— Ты оскорбил меня! Твои солдаты убили моего отца! Ты угрожал императору и принцессе! Я вызываю тебя на поединок!

Наверное, я должен был остановить парнишку. Но я не успевал. Он шел на Шоррэя с мечом в руках, и тот лишь пожал плечами:

— Каждый выбирает свой путь сам, мальчик...

Он выхватил меч так быстро, что я не успел заметить этого движения. Вспыхнули огни затачивающего поля. Ланс нанес удар — стремительный, великолепный удар по незащищенным ногам Шоррэя... И закричал от боли.

Я не хотел бы снова увидеть *такое*. Вслед за принцессой мне хотелось воскликнуть, что так убивать нельзя. Даже за пределами добра и морали есть свои границы, которые не дано переступать.

Шоррэй не стал уклоняться или парировать удар. Невероятным по быстроте движением он ударил сам — и отсек Лансу кисть. Меч, который продолжали сжимать тонкие мальчишеские пальцы, упал на бетон. А Шоррэй продолжал бить. По рукам, каждым ударом отсекая несколько сантиметров живой плоти. Его меч вращался как резец в токарном станке, стачивая руки парнишке до самых плеч. Бетон покрылся брызгами крови, через мгновение слившимися в темные лужицы. Потом Ланс упал. Он был мертв еще продолжая стоять, его убила боль, которую не в состоянии вынести человек.

А Шоррэй, включив на миг заточку меча, опустил его в ножны. Задумчиво произнес:

— Он выбрал свой путь и умер с чистой совестью. Не всем дана такая смерть.

Мы молчали. Лицо принцессы было белым как мел, удивительно, что она еще держалась на ногах. Я не мог произнести ни слова.

— Вам стоит отвернуться, принцесса, — ласково сказал Шоррэй. — К чему видеть все эти сцены? Аварийный старт и так не пошел на пользу вашей красоте.

Самому Шоррэю перегрузки при старте, похоже, не причинили вреда. Я достал плоскостной диск. Прошептал самому себе:

— Ты умрешь. Ты должен теперь умереть...

И метнул в Шоррэя свой безотказный снаряд.

Шоррэй взмахнул рукой — словно отгонял назойливую муху. И диск оказался прочно зажатым в его пальцах.

— Варварское, чудовищное оружие, — печально произнес он. — Год назад я казнил троих ученых, предложивших подобное. Нельзя сводить искусство владения оружием к коварным броскам из-за угла. Но ты ввел его в обиход — и это твоя вина. Правда, ты умен и смел — а это твое оправдание.

Плоскостной диск вонзился в борт катера.

— Я убью тебя честно, мечом, — продолжил Шоррэй. — Принцесса, вы свидетель, что я соблюдаю правила поединка. В отличии от Лорда.

Он неторопливо шел ко мне. А я отступал — ноги сами несли меня назад.

— Поединка не будет, — доставая пистолет сказал я. — Будет казнь — ты заслужил ее.

Пистолет дрогнул, отзываясь на нажатие курка. И выстрелил серией крошечных плоскостных дисков, всей обоймой. Двадцать четыре маленькие, несущиеся рассеивающимся облачком, смерти...

Фигура Шоррэя словно размазалась, потеряла свои очертания. Как будто запись и без того быстрого танца прокрутили с двойным или тройным ускорением. Мне показалось, что диски нашли свою цель, что я вижу предсмертную агонию, судороги разрываемого на части тела. Но Шоррэй выпрямился и озабоченно посмотрел на свое плечо.

— Ты сделал мне больно, — обиженно сообщил он. — Один диск зацепил комбинезон и надорвал мышцу.

— Ты не человек, — прошептал я, отбрасывая пистолет. — Машина, боевой робот...

— Роботы не действуют в нейтрализующем поле. Я человек — такой, каким он должен быть. Гены, создавшие мое тело, собраны у тысяч людей. Я идеальный человек.

— Значит, я ненавижу идеальных людей, — сказал я, останавливаясь. Отступать не было смысла. Снова заныло раненное плечо. Смешно — я ранил Шоррэя в то же место...

— Это ничего не меняет. Доставай свой меч, Лорд с планеты, которой нет.

Как загипнотизированный я достал меч. Странная фраза Шоррея кольнула сознание — и исчезла. Я проиграл...

— Каждого ожидает свой конец, — неторопливо рассуждал Шоррей приближаясь. — Ты умрешь красиво и без мучений. Об этом поединке узнают многие — и подтвердят мою правоту. Я знал, как ты закончишь свою жизнь, еще до твоего появления. Все нужно решать заранее. Защищайся, лорд.

Наши мечи столкнулись. Я дрался как автомат, механически повторяя защитные приемы начального курса. А меч в руках Шоррэя словно танцевал, едва касаясь моего клинка. Лишь через минуту я понял, что он делает.

Обрубает по сантиметру мой меч. Укорачивает его. Превращает в оструганный как карандаш огрызок.

В бессильной ярости я провел атаку — сложный комплекс ударов из заключительной части обучения. Мой меч укоротился сразу наполовину.

Шоррэй одобрительно кивнул.

— Ты знаешь больше, чем я думал. И мог бы стать интересным соперником... со временем. Что ж, правила поединка исполнены. Пора...

— Стой! — я едва узнал голос принцессы. — Стой, Шоррэй! Правила поединка требуют от сильнейшего задать последний вопрос!

— Зачем мне это нужно, принцесса?

Голос девушки стал совсем тусклым, бесцветным.

— Неужели тебе совсем безразлично мое отношение, Шоррей?

Тот задумчиво посмотрел на принцессу. И сказал с легким учтивым кивком:

— Хорошо, принцесса. Я согласен. Лорд планеты Земля, ты проиграл поединок. Откажись от своих прав и проведи остаток жизни в изгнании — в своем мире, без права покинуть его.

Я увидел, как дрогнули губы принцессы. Она прошептала, и я разобрал слова: «Соглашайся, лорд».

Шоррэй ждал, с любопытством разглядывая меня. Он не спешил. Он мог позволить себе многое — в том числе и помилование незадачливого соперника. На его руках были все карты, а у меня...

По телу прошла холодная дрожь. У меня оставался последний козырь. Оружие Сеятелей. Хрустальные цилиндрики в кармане комбинезона.

— Шоррэй, ты помнишь, что я сказал твоим патрульным, прорываясь во дворец?

— Я ничего не забываю, игрушечный Лорд. Ты сказал, что должен доставить оружие Сеятелей.

Неторопливо, стараясь чтобы движение не выглядело угрожающим, я достал из кармана хрустальный цилиндрик. Сжал его в пальцах. И сказал, выделяя каждое слово:

— Я не соврал, Шоррэй. Оружие Сеятелей в моих руках. Пропусти нас с принцессой — или умри.

Его взгляд — цепкий, почти физически ощутимый, остановился на тонком хрустальном «карандашике». На мгновение лицо стало напряженным, а затем расслабилось.

— Ты блефуешь, Лорд, — презрительно сказал Шоррэй. — Оружие Сеятелей ушло вместе с ними. А то, что осталось, не могло попасть в руки дикаря. Ты слышал мой вопрос — отвечай.

Я посмотрел на принцессу. Эрнадо говорил, что оружие Сеятелей способно разрушить город или планету. Уцелеет ли девушка, стоящая в десяти метрах от нас? Имею ли я право подвергать ее смертельному риску?

Принцесса стала осторожно доставать меч из ножен. Едва уловимо кивнула. Она решила, что я тяну время! И собиралась напасть на Шоррэя сзади...

Любовь стоит смерти. — Я не откажусь от своих прав, Шоррэй. Сжав пальцы, я попытался переломить тонкий цилиндрик. И не смог. Это было не легче, чем согнуть стальной стержень.

— Тогда умри, дикарь.

Продолжая сжимать непокорный цилиндрик я поднял обломок меча — в отчаянной попытке защититься. А Шоррэй начал атаку. Красивый, рассчитанный до миллиметра удар, явно вполсилы, в треть доступной ему скорости. Так, чтобы я не успел ничего предпринять, но успел в полной мере испытать бессильный ужас перед надвигающимся клинком. Я даже вспомнил этот удар — один из эффективнейших, хотя и опасных в исполнении приемов из высшего разряда сложности. Удар, проникающий в сердце, которое не способно остановиться на пару секунд и выждать пока «склеются» рассеченные плоскостным мечом ткани. Удар достойный мастера... Описав короткую дугу меч Шоррэя срезал по самый эфес жалкие остатки моего клинка. И устремился к груди. Я увидел, как узкое лезвие касается моего комбинезона.

Но в это мгновение хрустальный цилиндрик сломался. Легко, словно самый обыкновенный карандаш. Оружие Сеятелей само решало, когда необходимо действовать...

И наступила темнота.

Глава 11

ПОХИЩЕНИЕ ПРИНЦЕССЫ — ДУБЛЬ ДВА

Это было похоже на гиперпространственный прыжок. Вот только не было ни фонтана ярких красок, ни пьянящей легкости, ни беспричинной эйфории. Наоборот. Сознание словно задернулось туманом. Я не мог думать, не мог даже испугаться или удивиться, и чужой, равнодушный, безликий голос, звучащий из глубины моего разума, не вызывал ни малейшей реакции.

— Темпоральная граната активирована. Вы в безопасности.

Я летел сквозь темноту. Не было ни малейшего движения в окружавших меня тишине и покое. Я не ощущал своего тела, но явно чувствовал стремительное падение. Темпоральная граната — вот как называется хрустальный цилиндрик. Интересно...

— Применение мотивировано, опасность первой степени, рекомендуется возвращение к третьему узловому моменту...

Какое забавное оружие. Оно может давать советы. Что ж, ему виднее. Сеятели умели воевать.

— Решение принято.

Темнота исчезла. Я снова стал самим собой, и стоял возле открытого подземного ангара рядом с Эрнадо.

Багровое солнце опускалось за горизонт. Небо было черным, как расплавленная смола. Красные отблески играли на прозрачном корпусе флаера, на серой броне боевого катера.

— В пустыне часто бывают пыльные бури, — сказал Эрнадо. — Но сюда ветер доберется нескоро.

Сознание работало четко как никогда. Я помнил все, что случилось со мной до того момента, когда темпоральная граната Сеятелей откинула меня в прошлое. А вот Эрнадо, явно, ничего не помнил. Для него, как и для принцессы, Шоррэя, Ланса, всех находящихся на планете — или во всей вселенной? — людей ничего еще не произошло. Эрнадо не прикрывал мой прорыв во дворец, гвардейцы не падали под выстрелами пистолета, принцесса не плакала на моей груди, курсант Ланс не умер страшной смертью. И клинок Шоррэя не касался моей груди, чтобы пронзить сердце.

Оружие, которое не убивает. Последний козырь, возможность переиграть проигранный поединок. Хрустальный карандаш, зачеркивающий все ошибки.

— Если флаер заденут, и горючее вспыхнет, я неплохо поджарюсь.

Это был мой голос. Я произнес те же слова, что и в прошлый раз. Губы шевелились сами помимо моей воли.

Меня охватил ужас. Неужели я обречен на повторение пройденного пути? Вынужден говорить и делать то же, что и тогда?

Эрнадо протянул мне программные диски. Я взял их, опустил в карман... и напрягся, останавливая опускающуюся руку.

Вначале это было трудно. Словно я растягивал упругую резиновую пленку, сковавшую мое тело, или двигался сквозь густую жидкость. Затем напряжение исчезло. Я снова владел своим телом.

Тронув карман комбинезона, где лежали темпоральные гранаты, я нащупал лишь один цилиндрик. Все правильно, так и должно быть.

— Стартуем? Тебе лучше попасть во дворец до темноты.

Я молча протянул ему руку. Снова автоматически, не прилагая к тому ни малейшего усилия. Страха это уже не вызвало, я понял, что в любой момент могу подчинить тело собственной воле, вырваться из потока произошедших когда-то событий. Осталось лишь недоумение — зачем Сеятели предусмотрели такую заданность, странный автопилот, выйти из-под влияния которого стоило немалых усилий... Впрочем, ответ напрашивался сам собой. Преодолимая заданность моих поступков позволяла сохранять неизменными все удачные действия, начиная с неведомых мне самому слов и жестов, заставивших Эрнадо изменить решение скрыться с планеты, и кончая меткими выстрелами в нападающих гвардейцев. Я словно бы превратился в стороннего наблюдателя в собственном теле. И мог брать на себя управление лишь тогда, когда это становилось действительно необходимым. Например, чтобы убраться с авиабазы раньше Шоррэя. Или успеть увернуться от брошенного в меня ножа... Сейчас плечо не болело, и я не сомневался, что рана бесследно исчезла в момент временного скачка. Но воспоминание о пережитой боли оставалось более чем неприятным.

Размышляя я забрался в кабину флаера, поудобнее устроился в кресле. Услышал голос Эрнадо:

— Включай автопилот.

Коснувшись управляющей пластины я улыбнулся. Собственной улыбкой, которой не было раньше. На автопилоте пойдет к цели не только флаер, но и его пилот. Удобную вещь создали Сеятели. Странно, как легко я поверил в их оружие, а оружие — признало меня.

— Ты уже летишь, Серж.

Конечно, лечу. И ты полетишь со мной, даже если еще и сам об этом не догадываешься.

— Еще раз удачи вам, Лорд.

Меня вдруг охватил стыд. Какой же я подлец, какая неблагодарная свинья! Я попаду во дворец, а Эрнадо погибнет в неравном поединке! Надо предупредить его, надо...

— Еще раз спасибо, учитель.

Предупредить? Осторожности Эрнадо не занимать и без моих советов. Запретить появляться у дворца? Тогда я погибну под выстрелами патрульных катеров. Выхода не было. Темпоральная граната давала вторую попытку — но лишь своему владельцу. Остальные в расчет не брались.

Выхода не было. Эрнадо сам выбирал свой путь.

Зато не погибнет от руки Шоррэя курсант Ланс. И мы с принцессой достигнем Храма Вселенной.

Любовь стоит смерти. Жаль, что этими словами не успокоить совесть.

Автопилот вел флаер к дворцу.

Все повторялось. События прокручивались заново, как эпизоды в пущенном повторно кинофильме. Кадр за кадром. И только я знал наперед весь сценарий.

Патрульные катера, слишком долго решавшие, стоит ли меня уничтожить... И появление Эрнадо, отвлекшее их в решающий момент.

Скульптурный «сад» на крыше дворца. И двое гвардейцев, первые жертвы моего пистолета.

Бег по коридору, ведущему в гостевой зал принцессы. И плоскостной диск, брошенный наугад в преградивших дорогу солдат Шоррэя.

Принцесса, не сразу узнавшая меня. И ее просьба отвернуться...

Я напрягся, вырываясь из потока случившихся событий. Сменить роскошное платье на комбинезон, принцессе, действительно, необходимо. Но повторно получать удар ножом из-за ее стеснительности я не собирался.

Чуть-чуть повернув голову я посмотрел на темные прямоугольники окон между шторами. Стекла ощутимо зеркалили, и в них отражалось все, происходящее в комнате. Принцесса, сбросившая распоротое платье. Ее служанка Дила, разворачивающая комбинезон.

Сердце бешено застучало. Черт побери, да что же со мной творится? Я ведь не десятилетний мальчишка, разглядывающий в школьном туалете размытые порнографические открытки. И не семнадцатилетний юнец, дрожащей рукой расстегивающий ремешок на джинсах подружки. Я видал такие групповухи, которым позавидовала бы Эммануэль Арсан. Мне доводилось засыпать в объятиях одной девчонки, а просыпаться с другой. Я сменил столько подружек, что не вспомню их имена...

Но никого из них я не любил.

Я смотрел на обнаженное тело, скрытое лишь под прозрачной паутиной белья. И понимал, что ни одна женщина в мире уже не сможет стать для меня желанной. Я хочу обладать принцессой. Я хочу касаться ее тела не через гибкую броню комбинезона. Я хочу испытать ее ласки — в ответ на свои.

И убить Шоррэя, посмевшего желать того же.

Потайные двери в стенах распахнулись — но я едва не пропустил этот миг. И начал уклоняться от брошенного ножа едва ли быстрее, чем в первый раз. Замечательное начало.

— Лорд!

Лезвие кинжала скользнуло по плечу, вспарывая комбинезон и оставляя на коже саднящую царапину. Лучше чем раньше, но все же...

Меня охватила ярость. Не затем я активировал темпоральную гранату, не для того вновь позволил пойти на смерть Эрнадо, чтобы поверить в предопределенность...

— Получайте! — выкрикнул я, стреляя по гвардейцам.

И снова пятеро гвардейцев остались живы. И опять я застрелил одного из них, и в пистолете кончились заряды. Как и раньше, я отступал, с трудом сдерживая их натиск. Предопределенность?

Один из гвардейцев открылся, слишком далеко отвел меч для удара. В прошлый раз я ранил его в руку.

Сейчас я ударил в сердце. Тем же приемом, которым пытался убить меня Шоррэй. Клинок вошел в грудь, и по лицу гвардейца разлилась мертвенная бледность. Он отступил назад — меч вышел из раны, и комбинезон сомкнулся, затягивая разрез. Но гвардеец уже падал, ноги его подкашивались... И подбежавшая принцесса ударила не его, а другого солдата.

Предопределенность исчезла.

Через несколько секунд все было кончено. Мы с принцессой стояли друг напротив друга, а между нами лежали четыре неподвижных тела, затянутые в скрывающие раны комбинезоны.

— Ты отлично владеешь мечом, — сказала принцесса.

— Ты тоже.

— Меня учили этому с детства. Но как ты убил остальных?

Мои губы шевельнулись.

— Пистолет стреляет плоскостными дисками.

Я снова шел «на автопилоте». Измененная реальность пыталась при малейшей возможности принять первоначальный вид. Что ж, в этом не было ничего плохого.

Мы направились к взлетному полю.

И снова был бег через ночной сад. И охранник, убитый плоскостным диском. И выворачивающие тело перегрузки аварийного старта.

Флаер планировал к базе императорских ВВС. Туда, где меня должны были убить.

Закончив короткую пробежку флаер остановился. Привычным уже усилием я выбрался из «прежнего» течения времени. Долгие объяснения с Лансом были излишни.

Выпрыгнув из кабины я всмотрелся в темноту. Ни малейшего движения. Мертвая тишина. Но я знал, что где-то там крадется сейчас юный мститель, принявший нас за врагов.

— Ланс! — громко позвал я. — Ланс Дари! Курсант!

Принцесса удивленно взглянула на меня. Спросила:

— Нас ожидает твой друг?

— Да. Будущий. Ланс!

Из темноты появилась фигурка юноши. Он настороженно всматривался в нас.

— Я Лорд с планеты Земля, — не давая парнишке опомниться сказал я. — Пять лет назад я был обручен с принцессой.

Ланс быстро взглянул на девушку. Неуверенно спросил:

— Принцесса... вы спаслись?

— Еще не совсем, — лаконично ответила девушка. — Ты сын полковника Дари?

Ланс быстро, коротко кивнул. Почтительный, и вместе с тем гордый полупоклон.

— Да. Он погиб за Императора...

Следующую фразу я угадал.

— Мой меч, моя кровь, моя честь — ваши, принцесса.

В этом было что-то смешное, и вместе с тем слегка постыдное. Повторившаяся в других условиях фраза утратила весь свой блеск, стала смешной и напыщенной... Я оборвал свою мысль. Мальчишка, произносивший ритуальную формулу преданности, не побоялся пойти на верную смерть.

— Принцесса, у нас нет времени, — резко оборвал я разговор. — Шоррэй погонится за нами через несколько минут.

— Каким образом?

— Аварийным стартом... Ланс, ты сможешь повести катер, стоящий на аварийном старте? У нас есть программа для автопилота, но она не рассчитана на трофейную машину.

— Откуда вы знаете про катер охранников? — в голосе Ланса звучала настороженность.

— Ланс, мальчик, — тихо, но твердо сказал я. — Не сомневаюсь, что ты выше меня по рождению, и равен мне по титулу. Но я все же старше тебя. И могу иметь свои секреты.

Ланс кивнул.

— Я приношу свои извинения, Лорд. Я не сомневаюсь в вас, но меня поразила осведомленность...

— Ты сможешь управлять трофейным катером?

Ланс замялся.

— Нас учили... Но я никогда не совершал аварийного старта, тем более, в нейтрализующем поле.

— Нам придется рискнуть.

— Лорд, неподалеку есть исправный катер нашей армии. Если подкатить его поближе...

— Ланс, у нас нет времени. Тебе придется вспомнить все, чему вас учили.

Ланс кивнул. Неопределенно показал куда-то в сторону.

— Тогда идите за мной. Мы будем на аварийном старте через десять минут.

Мы пошли вслед за Лансом. Принцесса тихо спросила:

— Сергей, я не понимаю, что происходит? Ты знал этого парнишку раньше? Бывал на этой базе?

— Нет, — с некоторым колебанием ответил я.

— Тогда откуда у тебя информация о трофейном катере, как ты узнал о погоне, каким образом...

— Принцесса, — мягко сказал я. — Вам придется довериться мне. Пусть даже я всего лишь игрушечный Лорд... с планеты, которой нет.

Принцесса вздрогнула. Минуту мы шли молча, потом она произнесла:

— Лорд, я вовсе не считаю вас «игрушечным». Это слова Шоррэя. Но я уже начинаю бояться вас, почти как правителя Менхэма.

— Шоррэй Менхэм — второсортный актер, пытающийся играть супермена, — с внезапным ожесточением сказал я. — Вся его ловкость, сила, выносливость не заменят главного.

— И что же, по твоему мнению, главное?

— Умение импровизировать. Принимать нестандартные решения. Он играет роль, которую сам написал, но боится изменить в ней хоть одно слово.

— Если умеешь рассчитывать события на десять ходов вперед, то нет нужды в импровизациях, — спокойно возразила принцесса.

— Быть может... Я никогда не умел хорошо считать.

— Значит, ты настоящий супермен, — с легкой иронией сказала принцесса.

С некоторым усилием я улыбнулся:

— Возможно, принцесса. По меркам моей планеты... Вы расскажете, почему ее так странно называют?

— Да. После того, как мы достигнем цели, и ты объяснишь источник своих неожиданных знаний. Должна же и у меня быть какая-то тайна.

— Вы сами тайна, принцесса, — галантно съязвил я.

Девушка поправила волосы, выбившиеся из-под золотистой диадемы. Улыбнулась:

— Конечно, мой Лорд. Иначе я не была бы принцессой.

Ланс, идущий впереди и явно пытавшийся вслушаться в наш разговор, остановился:

— Принцесса, Лорд, мы пришли, — хмуро сказал он. — Вот катер.

На катер Эрнадо эта машина мало походила. Раза в полтора больше, сигарообразной формы, с широкими треугольными крыльями, выступающими из корпуса.

— Это — десантная модель, — пояснил Ланс. — Тяжелее обычной, зато приспособлена для планирования в нейтрализующем поле.

Открывая люк Ланс еще раз заколебался.

— Принцесса, я не слишком хороший пилот. Возможно, стоит доставить сюда наш катер, и стартовать на автоматике.

— Это должен решить Лорд, — невозмутимо ответила принцесса.

— Я уже решил, — забираясь в кабину сказал я.

Ланс больше не спорил. В кабине — приборов здесь было куда больше чем во флаере, оказалось четыре кресла, расположенных в два ряда. Ланс сел в одно из передних, мы с принцессой устроились за ним. Узкий овальный люк за нашими креслами вел, очевидно, в десантный отсек. Катер мог вместить человек пятнадцать-двадцать, не меньше...

Несколькими касаниями клавиш Ланс включил приборы. Перед нами засветился видеокуб, почти такой же, как во флаере. Я подался вперед, вглядываясь в разноцветное мерцание. Розовый изгиб защитного поля — мы находились у самой его границы, миниатюрные копии дворцов, венчающие Сломанный Клык... Зеленая точка, плывущая к нам от бывшей резиденции императора.

— Это Шоррэй, — трогая парнишку за плечо сказал я. — Он воспользовался аварийным стартом. Попытайся мы подтащить сюда другой катер, он бы нас застал врасплох. Понимаешь, что бы тогда случилось?

— Он убил бы вас, Лорд. И меня тоже. А принцессу вернул обратно.

— Точно. Запомни, в твоих руках теперь судьба принцессы, а, значит, и всей планеты. Если мы сумеем выбраться за границы поля — Шоррэю нас не догнать. Он проиграет — и вынужден будет с позором убраться в свои владения. Если же мы погибнем, Шоррэй станет посмертным мужем принцессы. Понимаешь?

— Я сделаю все, что в моих силах, Лорд, — мне показалось, что первый раз в этой реальности слова Ланса прозвучали без малейшей тени пренебрежения.

— Тогда начнем, — я поудобнее устроился в кресле и осторожно извлек из кармана вторую, последнюю, темпоральную гранату. Парнишка может не справиться с управлением — и тогда я сломаю хрустальный цилиндрик.

Если успею, конечно.

Глава 12

ХРАМ

Толкать катер не пришлось — он уже стоял на покатой дорожке аварийного старта, и Ланс лишь снял его с тормозов, точнее, с того устройства, которое мертвой хваткой удерживало десантный катер на наклонной поверхности.

— Опять перегрузки, — безнадежно сказал я, когда машина начала наращивать скорость.

Принцесса покачала головой.

— Нет, Лорд. Перегрузку выше полутора единиц снимет гравикомпенсатор.

Я с сомнением пожал плечами. При слове «гравикомпенсатор» мне представились какие-то пружины или гидравлические цилиндры в основании кресел. С подобными устройствами на Земле экспериментировали немало, но работали они лишь в романах Жюля Верна и его последователей.

Принцесса почувствовала мой скепсис.

— Погляди на потолок, Сергей. Видишь черный шар?

Посередине потолка, действительно, было вмонтировано непонятное устройство. Тонкое, бледно-голубое металлическое кольцо, охватывающее угольно-черный шар размером с футбольный мяч. Шар наполовину вдавливался в потолок, не оставляя ни малейшего зазора.

— Понаблюдай за ним, когда мы будем в нижней точке разгона. Шар сожмется, вбирая гравитацию, а потом постепенно расширится, отдавая ее обратно. Количество гравитации, воздействующее на катер, останется одним и тем же, но перегрузки как бы растянутся во времени, и за счет этого будут ниже.

Я бросил беглый взгляд на видеокуб. Катер приближался к отвесному спуску. До сих пор Ланс вел его вполне ровно, но удержит ли он управление на «трамплине»?

— Если этот шарик действует, то его придется признать гениальным изобретением. Здесь постаралась не ваша планета?

— Нет, — сухо ответила принцесса. — Гравитацией мы не занимаемся. «Шарик», как ты его называешь, одно из немногих понятных нам устройств Сеятелей. Была такая исчезнувшая цивилизация...

Снова Сеятели! Они владели временем, они управляли гравитацией... И погибли? В междоусобных войнах? Уж больно примитивно. вроде назидательной исторической байки: много будешь воевать, исчезнешь как Сеятели...

Катер скользнул вниз и у меня перехватило дыхание. С невесомостью гравикомпенсатор явно не собирался бороться. Наверное, не считал необходимым. Ланс подался вперед, почти уткнувшись лицом в экран лобового обзора. Руки его, как приклеенные, лежали на панели управления. А экран стремительно заполняла дуга разгонного трамплина. Сейчас ударят бустеры, и нас накроет...

Перегрузки мягкой волной вжали нас в кресла. Действительно, полтора «же», не больше, как в разгоняющемся автомобиле. Я посмотрел на гравикомпенсатор — он плавно сжимался, уменьшаясь до размеров крупного яблока. По черной поверхности плясали белые искорки электрических разрядов.

— Давай, давай, Ланс... — прошептала принцесса. Вряд ли парнишка мог ее услышать.

Катер пронесся по трамплину. Вылетел с дорожки — и сразу же мягко просел, клюнул носом. С легким гулом раздвинулись крылья — но заметных изменений это не принесло. Катер летел как топор — пущенный сильной, умелой рукой, но все же безнадежно тяжелый. А гравикомпенсатор, расширяясь, исправно вываливал на нас полуторную перегрузку. Словно задался целью лишить нас малейшего ощущения полета.

Мы падали. Падали на безнадежно крутые склоны, на беспощадно тянущиеся в небо скалы. Интересно, способен ли гравикомпенсатор погасить энергию падения? Превратить ее во что-нибудь длительное, неприятное, но не смертельное? Желания проэкспериментировать у меня не оказалось. Я поудобнее сжал в ладони темпоральную гранату. Когда до скал останется метров десять...

На пульте вспыхнула вереница цветных огоньков. Засветился отключенный до сих пор экран. А где-то за нами, в кормовой части, возник тонкий свистящий звук.

Не было никакого толчка, все те же неизменные полтора «же» вдавливали нас в кресла. Но гравикомпенсатор опять сжимался, а скалы быстро уходили вниз. Двигатели заработали. Мы поднимались. Нейтрализующее поле дворца осталось позади. Пускай с ним теперь сражается Шоррэй.

— Спасибо тебе, Ланс Дари, — ласково сказала принцесса. — Ты великолепный пилот, я запомню это.

Парнишка повернулся к нам. Поколебался мгновение, и уныло произнес:

— Я очень плохой пилот, принцесса. Я сделал две или три ошибки, которые должны были нас погубить. Но катер блокировал ручное управление и спасал нас. Похоже, что в его автопилоте изначально заложена программа аварийного старта.

Меня передернуло. Выходит, все наши усилия в предыдущей реальности были напрасны? Мы теряли время, толкая тяжеленный катер через всю авиабазу, а на старте нас поджидала исправная умная машина. И Ланс погиб лишь из-за того, что плохо знал вражескую технику...

— Ты должен понести наказание, — знакомым суровым голосом произнесла принцесса.

— Я понимаю.

— Ну что ж. Думаю, вполне достаточно будет месяца... занятий по пилотажу с лучшими инструкторами планеты. Конечно, после победы.

Ланс с серьезным видом кивнул:

— Слушаюсь, принцесса.

— Ланс, ты провинился и передо мной, — вступил я в разговор. — Поэтому наказание будет усилено... моим постоянным личным контролем в течении всего месяца.

Ланс кивнул, обдумывая услышанное. А принцесса не выдержала, и рассмеялась, словно представила себе это необычное наказание — мечту любого подростка ее планеты, а еще, оказывается, земного дикаря, ее будущего мужа. И через мгновение мы смеялись все вместе — трое счастливцев, летящих навстречу неведомому будущему.

Полет занял три часа. По словам Ланса можно было набрать большую скорость, выйдя в стратосферу. Но там нас могли обнаружить и расстрелять орбитальные патрули Шоррэя. Пока мы шли на бреющем полете, над самыми скалами, засечь нас было почти невозможно.

Принцесса спала, или делала вид, что спит. Ланс целиком погрузился в управление катером. Я дремал, временами открывая глаза и поглядывая на видеокуб. Под катером тянулась более чем безрадостная местность: скалистые, лишенные даже деревьев горы, узкие долины, похожие на русла высохших рек. Потом надолго потянулась холмистая равнина с редкими пятнышками мелких, и, наверняка, соленых озер.

Я чувствовал себя слишком усталым, чтобы продумать дальнейшие действия. Впрочем, я действительно не был силен в планировании своих поступков. Пускай этим занимается Шоррэй, «идеальный человек», продукт дурацкого генетического эксперимента. Но вряд ли даже он сможет найти выход. Слишком уж уверенны были и принцесса, и Эрнадо в том, что оспорить заключенный в Храме Вселенной брак невозможно.

Я долго смотрел на спящую девушку. Принцесса. Девчонка моей мечты. Влюбившая в себя и вернувшаяся на далекую планету, принадлежащую ее отцу. Моему будущему тестю... На лицо само собой выползла ухмылка. Мой тесть — император. Отличное название для будущих мемуаров... Или нет, ведь если есть тесть, то подразумевается и теща. Моя теща — императрица! Книжечка страниц на сто, в мягкой обложке с полуголыми красотками и горящими звездолетами на обложке. И чтобы на боку у красотки висел плоскостной меч без ножен... За издание возьмется частная фирма с претенциозным названием вроде «Ренессанс» или «Змей Горыныч». А пройдет она под рубрикой «научная фантастика», что обеспечивает спрос любой заумной гадости... Я прекратил улыбаться.

Черт возьми, неужели я до сих пор не осознал — происходящее вполне реально! Я действительно влез в самый центр небольшой межзвездной войны! И принцесса, если мы живыми доберемся до Храма, станет моей женой, а императрица — тещей. Я убивал и был ранен, я чудом спасся от неминуемой смерти. Откуда же берется во мне ироническая отстраненность, почему я упорно пытаюсь рассматривать окружающий мир как замысловатый сон?

Может быть потому, что принцесса не такая, какой я хочу ее видеть? Мне легче признать иллюзорным весь мир, чем согласиться с реальностью принцессы. Ведь мирно спящая в соседнем кресле девушка не любит меня. И неизвестно, как завоевать ее любовь, ибо со дня нашей первой встречи она накрепко усвоила фальшивую истину: принцесса стоит смерти. Я могу совершать любые подвиги, я могу умереть за нее, но не в силах убедить, что пришел только из-за любви. В странной игре, которую ведут на моих глазах две могучие силы, мне отведена жалкая роль ферзевой пешки. Пусть и преодолевшей почти все шахматное поле...

Но даже проходная пешка никогда не сможет стать королем.

— Мы подлетаем, Лорд, — в голосе Ланса послышалось волнение. — Разбудите принцессу.

— Я не сплю, — немедленно откликнулась девушка. — Лучше посмотрите на Храм, Лорд. На вашей планете такого нет. И в этом большая беда...

Я не ответил. На переднем экране уже был виден Храм.

Наступал рассвет. Темнота словно опустилась вниз, легла на землю — равнина, над которой мы летели, была выжжена дочерна, превращена в огромное поле обугленного шлака. Если здесь когда-то были горы — их превратили в щебенку. Если песок — он сплавился в гравий. Небо светлело, гася искорки звезд. А на границе светлого неба и черной земли, призрачно-невесомый, вобравший в себя темноту и свет, парил огромный шар.

Только когда мы приземлились и вышли из катера, я смог оценить размеры Храма. Он был не меньше километра в диаметре, и парил метрах в десяти над землей, опираясь — если тут было уместно это слово, на тонкую, с человеческую руку в обхвате, колонну. Пушечное ядро, поставленное на иголку, и то выглядело бы устойчивее.

Поверхность шара покрывал странный мозаичный узор, составленный из маленьких плиток. Всего два цвета... впрочем, нет. Один цвет — и добавленный к нему миллион цветов. Меньшая часть плиток была черной, впитывающей свет как ткань боевого комбинезона. Большая часть — зеркальной. В хаотичной последовательности пересекали друг друга черные и зеркальные полосы, угольные кляксы пятнали блестящие поля, россыпь отражающих серое небо квадратиков разбавляла темноту черных кругов.

В полумраке Храм внушал трепет. Днем, отражая солнечный свет, он мог внушить ужас.

— Твоя планета способна создать такое? — вполголоса спросила принцесса.

Я посмотрел ей в глаза. И ответил, словно не замечая, что под маской иронии принцесса пыталась скрыть трепет.

— Нет. Но и твоя планета не способна. Этот Храм создали Сеятели.

— Тебе рассказывали об этом?

— Никогда. Просто все, поразившее меня в этом мире, было создано ими.

Не знаю, откуда взялась эта уверенность. Из сладкой боли восторга в груди, из щемящего притяжения тайны... Просто я понял еще одну истину, которую должен буду сказать принцессе.

Конечно, если мы победим.

Шлак хрустел под ногами, как битое стекло. Мы шли под заслонившим полнеба шаром — к тонкой колонне, держащей на себе целый мир.

— Храм Вселенной, или Храм Сеятелей, как его еще называют, есть на каждой планете, где живут люди, — сказала принцесса. — И даже на тех, где люди поселятся через тысячу лет. Везде, где есть кислород и вода, где была или будет жизнь.

— Кроме Земли, — прошептал я.

— Кроме Земли. Планеты, которой нет.

— Они могли не знать о нас. Вселенная бесконечна, даже Сеятели не могли покорить ее всю.

— Они знали Землю. Иначе мы не встретились бы пять лет назад. Понимаешь, Сергей, Храм Вселенной — это больше чем символ бесконечности, многообразия и одновременно единства всех человеческих миров. Это еще и маяк. Понимаешь, мой Лорд, путешествовать в пространстве можно по-разному.

— Понимаю. Летать с досветовой скоростью...

— Нет. Это вообще не путешествие, это пытка. Можно лететь в гиперпространстве, ориентируясь по сигналам трех маяков, задающих координаты выхода. Так исследуют миры, где нет жизни и Храмов. Это путешествие наугад, методом проб и ошибок. Во-вторых, можно лететь от планеты к планете, от Храма к Храму напрямик. Это путь торговли и, одновременно, путь войн. И, наконец, можно вообще не лететь. Ограниченная, очень небольшая масса может мгновенно перебрасываться через гиперпереход на любую планету, пространственно-временные координаты которой известны. Это путь правительственных курьеров, разведчиков, богатых путешественников...

— Развлекающихся принцесс.

— Да, мой Лорд. Именно так. Груза, который может окупить затраченную на гиперпереход энергию, не существует.

— Кроме людей.

— Кроме очень немногих людей... Так вот, Сергей, никто в мире не способен определять пространственно-временные координаты Они даются нам Храмами. Как только цивилизация на планете разовьется до уровня использования гиперпространства — ее Храм включается в общую сеть. Как только колонисты, случайно нашедшие планету с кислородом и водой придут в ее Храм — он включается в общую сеть. И, одновременно, во всех действующих Храмах, в зале координат, ты сможешь его увидеть, появляются координаты планеты. Но есть планета, чьи координаты известны, но Храма на ней нет. Это Земля. По ней можно путешествовать, ее можно изучать как забавную диковину. Ее посещали еще в ту пору, когда люди Земли жили в пещерах и одевались в звериные шкуры. Сеятели знали вашу планету, они оставили другим мирам ее координаты. Они породили на вашей планете жизнь — ибо наши гены одинаковы, мы все их потомки.

Я проглотил готовый вырваться возглас. Конечно, происхождение слова «Сеятели» было вполне очевидно. И все же...

— Но Храма на Земле нет. Сеятели сочли его ненужным, изолировали вашу планету. С ней нельзя торговать — чем окупишь гиперпереход? С ней смешно воевать — через гипертуннель нельзя пронести мощное оружие, но и легкого более чем достаточно для победы. Земля затеряна в глубинах Вселенной, искать ее — бесполезно. Земля — планета, которой нет.

— Храм мог разрушиться, при землетрясении или от извержения вулкана... — я замолчал, сам осознав абсурдность предположения. Висящий над нами шар был надежнее, чем земная твердь. «Опираясь» на символическую колонну, насмехаясь над силой тяготения, он словно подчеркивал свою несокрушимость.

— Храм нельзя уничтожить. Многие цивилизации, проходя эпохи варварства, пробовали это сделать. На храмы бросали термоядерные бомбы, облучали лазерными пушками, резали атомарными лезвиями — и все бесполезно. Храм гибнет только вместе с планетой.

— Такое бывало?

— Да. Несколько раз.

Шедший впереди Ланс обернулся. Мы были уже под Храмом, метрах в двадцати от колонны.

— Принцесса, вы позволите сопровождать вас в Храме?

Девушка кивнула. На лице Ланса появился такой мальчишеский восторг, что я усмехнулся и спросил:

— Он что, никогда не бывал внутри?

— Конечно же нет. Храм впускает внутрь лишь правителей планеты... и тех, кто идет с ними.

«Интересный Храм, — подумал я. Не слишком склонный к демократии.»

И в эту секунду Ланс вскрикнул. Он подался назад, словно отступая от невидимой для нас опасности — но не смог оторвать ноги от земли. Беспомощно взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие, и упал.

Я бросился к нему. Ланс катался по черному щебню, в странной позе — руки были прижаты к туловищу, ноги медленно подтягивались к подбородку. Голова запрокидывалась, лицо на глазах начинало синеть.

— Назад, Лорд, — прохрипел он. — Пау...

Он со всхлипом втянул воздух и замолчал. Тело его корчилось, словно в эпилептическом припадке. Но это был не припадок — я вдруг увидел, что Ланса опутывает сеть из тончайшей, едва различимой нити. Там, где она врезалась в незащищенное тело, кожа вздувалась маленькими багрово-красными квадратиками. Сеть стягивалась — и медленно душила парнишку.

— Паутинные мины, — прошептала принцесса. Она стояла рядом, с обнаженным мечом в руках. — Кто посмел?! Паутинные мины у входа в Храм!

— Надо спасать его, — я умоляюще посмотрел на девушку.

— Невозможно, Лорд. Меч разрубит нити, но при этом разрежет и тело. На нем нет даже комбинезона. Его не спасти.

Затылок Ланса уже касался спины. На шее, расчерченной сетью на квадратики, выступили капельки крови. Он уже не пробовал вырываться, лишь глаза, наполненные ужасом и болью, следили за нами. Потом послышался хруст — тошнотворный звук ломающихся позвонков, и взгляд Ланса остекленел.

— Он больше не страдает, — принцесса посмотрела на меня, словно ища поддержки. — Это случилось очень быстро, правда, Лорд?

Я смотрел на скомканное, сжатое смертоносной паутиной тело. Как страшно тебе не везет, курсант Ланс. Ты остался жить благодаря темпоральной гранате, предотвратившей встречу с Шоррэем. Ты довел катер до Храма — и по-детски обрадовался тому, что войдешь в него. Но смерть не любит, когда с ней играют, держа в рукаве козырного туза. Она достала тебя и здесь. И оказалась не менее мучительной.

— Нам надо идти, Лорд, — голос принцессы дрожал. — Потом мы похороним его... но сейчас надо идти. Он погиб как герой.

Нет, принцесса, это в первый раз он погиб как герой... А сейчас его убила наша беспечность.

— Надо проверять дорогу мечом, тут могут быть еще мины... Лорд, очнитесь!

Вначале погиб Эрнадо. А я даже не мог его предупредить, начиная вторую попытку похищения. Точнее, мог, но струсил. Теперь настала очередь Ланса. Неужели я струшу снова?

Темпоральная граната ждала моих пальцев на дне кармана. Легкий холодок полированных граней, рельефный узор незнакомого алфавита. «Последний козырь. Сильнее времени.» Вот как надо читать название.

Я сдавил в ладонях узкий цилиндрик. Вначале слабо, потом изо всех сил. Бесполезно. Оружие Сеятелей не видело необходимости в своем использовании.

Облизнув пересохшие губы я шагнул вперед. Шаг, другой, третий... Я заставлю тебя подчиниться, самоуверенная игрушка Сеятелей.

— Лорд!

Шаг, еще шаг. Тонкие нити поднялись из каменного крошева, сковывая ноги, охватывая все тело.

И прозрачный цилиндрик в моих пальцах сломался.

Глава 13

ПРАВО ВОШЕДШЕГО

Темнота. Ледяное спокойствие, заполнившее сознание. И шепот, звучащий в глубине мозга.

— Темпоральная граната активирована, вы в безопасности.

Падение. Полет сквозь тьму.

— Применение мотивировано, опасность второй степени. Рекомендуется возвращение к первому узловому моменту.

Что это — первый узловой момент? Миг, когда я пошел к затаившейся мине? Нет, меня это не устраивает. Ланс уже был мертв...

— Изменение принято, возврат ко второму узловому моменту.

Мир вокруг меня возник вновь.

— Принцесса, вы позволите сопровождать вас в Храме? — спросил Ланс.

Девушка кивнула. Ланс, живой и невредимый, просиял от восторга. И пошел вперед.

— Он что, никогда... — начал я. И напрягся, вырываясь из потока прошлой реальности. Закричал, срывая голос: — Стой, Ланс! Замри!

Ланс остановился как вкопанный. Повиноваться приказам курсантов явно учили в первую очередь. Я быстро подошел к нему, нагнулся, всматриваясь в черный, обугленный гравий. Ни малейших следов ловушки... Вынув из ножен меч я провел им по камням.

Тонкие серые нити взметнулись вверх, обхватывая лезвие. И упали, рассеченные. Снова зашевелились, потянулись к металлу плоскостного меча, и распались на части. Я держал клинок до тех пор, пока коварная ловушка не превратилась в короткие, беспомощно шевелящиеся на камнях обрывки.

— Кто посмел поставить у Храма паутинные мины? — голос принцессы дрожал от негодования. — Это больше чем подлость, это кощунство!

— Очевидно, наш общий знакомый Шоррэй, — я медленно пошел к колонне, предваряя каждый шаг ударом меча по земле. Еще одна паутинная мина стала корчиться в тщетной попытке сломать плоскостное лезвие.

Ланс по прежнему стоял, глядя на шевелящиеся у его ног остатки паутинной мины. Похоже, у парнишки слишком живое воображение.

— Как ты узнал о ловушках, Сергей? — не то с недоумением, не то с легким подозрением спросила принцесса.

— У нас, жителей несуществующей планеты, есть вполне реальные способности, — ехидно соврал я. — Будем считать, что я применил одну из них.

Ланс, сбросив оцепенение, подошел ко мне. Сказал, без всякой ритуальной напыщенности:

— Лорд, вы спасли мне жизнь. Я ваш вечный должник.

Повернувшись к парнишке я протянул ему руку:

— Лучше будь моим другом, чем должником.

Секунду мы стояли, глядя друг другу в глаза. Потом принцесса с раздражением спросила:

— Молодые люди, все это очень трогательно, но не проложите ли вы дорогу через ловушки? У нас мало времени, а просить Храм поднять нас в церемониальный зал можно только у самого столба.

Ланс поспешно кивнул и достал меч. Вдвоем мы расчистили путь за полминуты, уничтожив при этом еще три паутинные мины.

Пока принцесса осторожно шла к нам по расчищенной дорожке я разглядывал тонкий столб, «поддерживающий» над нами исполинское сооружение Храма. Простая колонна из темного металла, едва ли десяти сантиметров в диаметре. А на вершине ее, касаясь зеркального квадратика облицовки, вылитая из того же металла человеческая кисть. Раскрытая ладонь, поддерживающая гигантский шар.

Я коснулся колонны — она была теплой на ощупь. Словно настоящая рука.

— Приказываю поднять нас троих в церемониальный зал Храма, — повинуясь подсознательному импульсу сказал я. — Немедленно.

И обугленные камни ушли из под ног. Неведомая сила плавно потащила нас вверх.

Мы прошли сквозь поверхность шара, как сквозь туман. Мне даже показалось, что я почувствовал влажный воздух, обдавший тело. Потом нас окутало облако тускло-желтого света — и в нем мы поплыли все выше и выше. Временами вновь возникало ощущение прохода сквозь влажный воздух — наверное, мы проходили сквозь внутренние стены Храма. Оригинальный лифт придумали Сеятели — то ли размягчающий все предметы на пути, то ли, что казалось более вероятным, делающий нас проницаемыми для материальных преград. Интересно, а есть ли в Храме обычные двери?

Желтое свечение померкло, и мы остановились. Я почувствовал под ногами пол — мягкий, пружинящий. Мы оказались в огромном зале кубической формы. Снежно-белые стены светились мягким, не раздражающим глаза светом.

— Почему Храм послушался тебя? — растерянно спросила принцесса. — Тем более, что ты приказывал, а не просил. Храм не терпит такого обращения даже от избранных!

Голос девушки звучал очень тихо, но внятно. Белые стены вокруг гасили звук. Церемониальный зал напоминал скорее операционную, чем помещение для торжеств. Та же холодная стерильная чистота, тот же бестеневой свет. Вот только размеры для операционной великоваты — в кубе с пятидесятиметровым ребром можно поместить целую больницу.

— Почему Храм повиновался тебе? — упорно повторяла принцесса. — Почему?

Ответ у меня был, и ответ, чертовски похожий на правду. Использовав оружие Сеятелей я мог показаться Храму кем-то вроде наследника его давно исчезнувших хозяев... Но ответ влек за собой долгие и ненужные разъяснения.

— Наверное, я чем-то ему понравился, — уклончиво сказал я. — Кто их поймет, этих Сеятелей...

Принцесса кивнула. Похоже, мнение о нелогичности сгинувшей сверхцивилизации было весьма распространено.

— Это и есть церемониальный зал, принцесса? — переводя разговор на другую тему спросил я. Но ответила мне не принцесса.

— Да, Лорд с несуществующей планеты. Это и есть церемониальный зал, куда ты так стремился.

Шоррэй стоял у нас за спиной. В своем белом, светящемся комбинезоне, почти неразличимом на фоне стен. Меч в алых ножнах он сдвинул куда-то на спину, волосы, и без того светлые, прикрыл капюшоном. Неудивительно, что мы его не заметили. Такой маскировке позавидовал бы любой ниндзя.

— Я знал, что встречу вас здесь, — проникновенный голос Шоррэя приводил меня в бешенство. — Жалко, что приходится переносить наш маленький спор на территорию Храма...

— Ты не посмеешь помешать нам, Шоррэй! — твердо сказала принцесса. В голосе ее звучало торжество. — Ты знаешь закон Храма, и не посмеешь его нарушить!

— Знаю. Тот, кто вошел в Храм, тот, кто оказался достойным, вправе исполнить свое желание. И никто не может помешать ему.

Впервые Шоррэй заговорил без тени напыщенности или позерства. Он признавал неподвластную ему силу — и не пытался спорить с ней.

— Ты проиграл, Шоррэй, — продолжала принцесса. — Мы в Храме, и став на нашем пути ты умрешь. Сеятели исчезли в минувшем, но законы их продолжают править Вселенной.

— Я не собираюсь преграждать вам путь. Я хочу полюбоваться торжественным мигом бракосочетания принцессы из древнего рода и дикаря с несуществующей планеты.

— Он провоцирует тебя, Сергей, — прошептала принцесса. — Не реагируй.

— Я понимаю.

— А зачем вы прихватили с собой мальчишку? В качестве запасного жениха, если Лорд не оправдает надежд? Или это последние остатки вашей армии?

Принцесса побледнела. А Ланс шагнул к Шоррэю... Но этого я ждал, и рванул парнишку за руку, вынуждая остановиться. Сказал, стараясь удержаться на той степени повелительности, которая еще не становится обидной.

— Ланс, если ты хочешь быть моим другом, если хоть в чем-то благодарен мне, то не станешь обижаться на оскорбления проигравшего. Успокойся.

Парнишка кивнул, не отрывая от Шоррэя ненавидящего взгляда. Отрывисто сказал:

— День расплаты настанет. Но праздник не будет омрачен даже твоей кровью.

Шоррэй невозмутимо кивнул. Ответил:

— День настанет, мальчик. Не сомневайся.

Принцессу била дрожь. Она повернулась ко мне и тихо сказала:

— Сергей, мне это не нравится. Он что-то задумал. Надо спешить.

— Разве я против?

Принцесса поправила волосы. Искоса взглянула на замершего в отдалении Шоррэя. И сказала, повысив голос:

— Я, принцесса императорского рода Тар, пришла сюда по праву повелительницы планеты. Я прошу совершить обряд бракосочетания, и признать моим мужем Лорда Сергея с планеты Земля.

По стенам зала словно прошла волна, окрашивая их в нежно-голубой цвет. И голос, звучащий только в нашем сознании, спросил:

— По чьим обычаям будет проведен обряд?

На холодный безличный тон темпоральной гранаты голос Храма не походил ничуть. Мягкий, красивый женский голос, которому позавидовала бы оперная певица.

— По обычаю моей планеты, — с некоторой растерянностью сказала принцесса.

— Согласен, — подтвердил я.

Зал начал погружаться в темноту. Исчезла высокая фигура Шоррэя, и даже его комбинезон перестал светиться. Растворилось во мраке довольное лицо Ланса. Лишь вокруг нас с принцессой осталось золотистое сияние. Словно светился сам воздух. Красивые обычаи на планете моей жены...

— По доброй ли воле вступаете вы в брак?

— Да, — твердо сказала принцесса.

— Да, — я вдруг осознал, что не испытываю ни малейшего ликования. Я словно бы выполнял нудную процедуру, необходимую для изгнания Шоррэя, а не женился на любимой девушке.

— Кто будет свидетелем вашего брака?

Я взглянул в темноту. И ответил:

— Курсант Ланс Дари, мой друг, и правитель Шоррэй Менхэм, мой враг.

— Все, кто находится сейчас в Храмах Сеятелей, на всех планетах Вселенной, — добавила принцесса.

— Есть ли препятствия к браку в законах ваших планет или ваших поступках?

— Нет, — принцесса посмотрела на меня. Я пожал плечами. Какие могут быть препятствия? Я не женат, и не исповедую никакой религии...

— Нет.

— Известны ли свидетелям препятствия к заключению брака?

Наступила тишина. Но странная, живая тишина, наполненная дыханием тысяч людей. Господи, ведь сейчас нас слышат — и наблюдают за нами — люди сотен обитаемых планет!

— Мне известно препятствие, делающее брак невозможным.

Я ждал этих слов. Шоррэй не мог не вмешаться. Это была его последняя попытка.

— В чем оно состоит?

— Неравенство в происхождении принцессы и Лорда.

Пауза. И спокойный вопрос Храма:

— Принцесса, противоречит ли законам вашей планеты неравенство происхождения супругов?

— Нет. Лорд Сергей — мой жених по обручению. Древний обычай допускает брак с человеком любого общественного положения.

— Лорд, противоречит ли вашим законам или убеждениям неравенство происхождения супругов?

Что-то странное, нелогичное было в этом вопросе. А может быть не в самом вопросе, а в его отличии от заданного принцессе... Но раздумывать не было времени.

— Нет.

— Вы сказали правду, — невозмутимо заключил голос. — Шоррэй Менхэм, ваше возражение ложно. Вторичная ложь повлечет за собой ваше исчезновение из реальности. Есть ли другие возражения?

Тишина. Тысячи глаз, жадно вглядывающихся в диковинный спектакль. Тысячи ушей, ловящих каждое слово. Тысячи плотно сжатых губ.

— Возражений нет. Приготовлены ли кольца, необходимые для заключения брака?

Я коснулся своего кольца. И ответил.

— Кольца имеются, но необходимо привести их в первоначальный вид.

Принцесса с ужасом посмотрела на меня. Неужели я сказал что-то лишнее, неправильное?

— Выполнено. Кольца снабжены гиперпространственной нитью.

Глаза принцессы смеялись. В них смешался восторг и удивление, как тогда, в ночном парке на Земле. А в гладкой поверхности кольца вновь сверкал крошечный кристалл.

— Лорд, согласны ли вы взять в жены принцессу династии Тар, делить с ней радость и горе, отдать свою силу и взять ее слабость, всегда и везде, от рождения и до угасания мира?

— Да.

— Принцесса, согласны ли вы стать женой Лорда с планеты Земля, делить с ним радость и горе, отдать свою силу и взять его слабость, всегда и везде, от рождения и до угасания мира?

— Да.

— Наденьте друг другу кольца.

«Не хватает только Мендельсона», — подумал я, делая шаг к принцессе, и протягивая ей свое кольцо. «Уж слишком все похоже.»

Принцесса осторожно надела кольцо на мой палец. Я взял ее кисть, поднес к губам, поцеловал. Меня начала бить мелкая дрожь. Детские мечты не сбываются — иначе в мире не осталось бы взрослых. Первая любовь не может быть счастливой — иначе вторая превратится в проклятие.

Я надел кольцо на палец принцессы. Посмотрел в ее глаза — в них было все, и радость, и успокоение, и прорвавшаяся усталость. Все, кроме волнения.

Все, кроме любви.

— Именем Вселенной вы признаетесь мужем и женой.

Зал начал наполняться светом. Появился улыбающийся Ланс и Шоррэй Менхэм. Тоже улыбающийся.

— Прошу Храм передать сообщение всем союзным планетам, — торжествующе произнесла принцесса. — По праву правителей своего мира, мы с Принцем просим военной помощи для пресечения наглой агрессии Гиарской армии во главе с правителем Шоррэем.

— Сообщение передано, — мгновенно ответил голос Храма.

— Благодарю, — принцесса кивнула неведомому собеседнику.

— Вы еще не поняли, в чем ваша ошибка, принцесса? — голос Шоррэя ничуть не утратил назидательности.

— Нет! — принцесса резко повернулась к нему.

— Каждый, вошедший в Храм, вправе исполнить свое желание. Я пришел сюда для поединка с Лордом... — Шоррэй улыбнулся, — простите, Принцем Сергеем с планеты Земля. Он похитил мою невесту, он оскорбил меня. Он умрет. Никто не вправе помешать нашему поединку.

Я увидел, как побледнел Ланс. Как прижала ладони к лицу принцесса. А Шоррэй торжествующе произнес:

— Прошу доставить нас в дуэльный зал.

Мы снова двигались сквозь стены Храма. В оранжевом свечении, через туманные, влажные касания. И не было ни одного чувства, кроме злой обиды на собственную глупость.

Не могла воинственная цивилизация Сеятелей построить Храм без дуэльного зала. Шоррэй понимал это. И рассчитал свои ходы наперед. А темпоральной гранаты, чтобы переиграть проигранную партию, уже не было.

Свечение померкло. Мы стояли в круглом зале, меньших размеров, чем церемониальный, но еще более впечатляющем. Черные стены, украшенные тускло светящимися барельефами. Куполообразный черный потолок, под сводами которого висел шар немигающего багрового пламени. Десяток дверей по периметру зала — и в каждой неподвижная фигура в форме гвардейца.

— Твоя дуэль больше напоминает убийство, Шоррэй, — сказал я, глядя в ненавидящие лица солдат.

— Не беспокойтесь, Принц. Это лишь почетный караул... и похоронная команда для проигравшего. Они не вмешаются в поединок. Я убью тебя честно, Принц.

— У меня нет оснований тебе верить.

— Хорошо, Принц... Я прошу Храм транслировать поединок на все планеты Вселенной! Начиная с этого момента — и кончая смертью одного из нас.

— Трансляция ведется, — на этот раз голос Храма был мужской. — Заявите условия поединка.

Шоррэй погрузился в показное раздумье, явно наслаждаясь ситуацией. Я коротко взмахнул рукой — и принцесса молча, не говоря ни слова, отошла к стене. Следом за ней последовал Ланс, бросая на меня умоляющие взгляды. Я покачал головой. Это мой поединок, и моя смерть. Чем закончится для Ланса вмешательство в бой я понимал прекрасно.

Чем закончится бой для меня, я знал тоже.

— Я выбираю холодное оружие, — произнес, наконец, Шоррэй. — Я буду драться только мечом — а Принц с несуществующей планеты может применять и свои плоскостные диски. Пусть это уравняет наши шансы.

Похоже, я недооценил Шоррэя. Он не был второсортным актером, играющим супермена. Он был звездой, вжившейся в образ. Он гениально написал свою роль — и каждая реплика должна была вызывать симпатию зрителей.

— Оружие выбрано, — сообщил Храм. — Деструкторы и лучевые излучатели участников поединка заморожены.

Я достал из чехла плоскостной диск. Шоррэй уклонится от него, или поймает в воздухе. Но почему-то я должен был его кинуть, повторяя начало предыдущего поединка. Почему?

Главный недостаток подсознательных поступков в том, что они непонятны самому себе.

Шоррэй не спешил начинать поединок. Он окинул взглядом зал — но я чувствовал, что Шоррэй следит за каждым моим движением. Сказал, обращаясь то ли ко мне, то ли к принцессе:

— Удивительно, как похожа символика всех планет. Даже на родине нашего забавного Принца черный цвет означает злобу и ложь, а белый — чистоту и благородство.

Я ощутил, как исчезает страх. По-настоящему великие актеры знали чувство меры...

— Ты переигрываешь, Шоррэй. На мне комбинезон твоей армии. Я не имел времени перекраситься в белый цвет.

По лицу Шоррэя мелькнула ярость. Он не терпел насмешек даже от обреченного противника.

— Нас рассудят мечи, Принц.

Оружие оказалось в его руке молниеносно. Хорошо иметь реакцию раза в три быстрее нормальной.

Плоскостной диск отправился в свой короткий полет. От моей руки — к руке Шоррэя.

— Варварское, чудовищное оружие, — с горечью сказал Шоррэй. — Ты ввел его в обиход — и в этом твоя вина.

Хорошие актеры способны разыгрывать одну и ту же сцену в любой обстановке. Шоррэй почти дословно повторял свои прошлые реплики.

Я почувствовал робкое дыхание надежды.

— Ты заслужил смерть, Шоррэй, — я достал пистолет. И нажал на спуск.

Серебристый веер крошечных плоскостных дисков. Размытая тень человеческой фигуры, с немыслимой скоростью уклоняющейся от них. — Ты даже не задел меня, — Шоррэй двинулся вперед. — Доставай меч, Принц с планеты, которой нет.

Я вынул из-за спины меч. Ну давай же, Шоррэй. Произноси придуманные загодя слова. Готовься к неизбежной и красивой победе...

— Каждого ожидает свой конец, — послушно заявил Шоррэй. — Ты умрешь красиво и без мучений. Этот поединок видят многие — они подтвердят мою правоту. Я знал как ты закончишь свою жизнь, еще до твоего появления на планете. Защищайся, Принц.

Короткий поединок. Обмен ударами. Мой меч, становящийся с каждым выпадом все короче...

Мне нужно хотя бы три-четыре сантиметра плоскостного клинка...

Я атаковал. Сложный прием... укоротивший мой меч наполовину. И нарастающий холодок в груди. Да, у меня есть шанс, ничтожный шанс кролика, которым может поперхнуться удав. Но в любом случае мне придется прыгнуть выше головы — пускай не сравниться с Шоррэем в скорости, но хотя бы приблизиться к нему.

— Ты знаешь больше, чем я думал. И мог бы стать интересным соперником... со временем.

— Стой, Шоррэй! — закричала принцесса. Но Шоррэй словно и не услышал ее.

— Умри, дикарь.

Он начал атаку — вполсилы, в треть доступной скорости. Так, чтобы успели восхититься невидимые зрители. Так, чтобы я успел осознать неизбежность смерти...

Меч Шоррэя срезал остатки моего клинка — на этот раз не полностью, я слегка задержал руку. И начал неотвратимое движение к сердцу.

Вот только за миг до удара я нырнул под опускающийся меч.

Он еще пытался достать меня клинком. Пробовал перейти в оборону, увернуться... Но красивый и эффективный удар в сердце опасен именно тем, что его нельзя прервать на половине. Даже с нечеловеческой реакцией...

Я упал под сверкающий плоскостной меч, под распластавшуюся в выпаде фигуру Шоррэя. И вскинул руку с коротким, жалким обрубком своего клинка.

Лезвие коснулось груди Шоррэя — и остановилось, словно упершись в непроницаемую броню. Шоррэй все-таки включил защиту комбинезона. Великий актер не хотел умирать от рук статиста...

Интуитивно, не отдавая отчета в своих действиях, я сжал рукоять меча, включая систему заточки лезвия. Остатки клинка окутались белым пламенем. И вошли в тело, легко, словно раскаленный нож в масло.

Шоррэй закричал. Он падал на лезвие, он все еще продолжал свой бесполезный удар. А светящийся, непрерывно заостряющийся клинок вспарывал его тело. Затачивающее поле, окружавшее лезвие, разрушало молекулярные связи, превращая тонкий хирургический разрез в зияющую рану.

Я выбрался из-под неподвижного тела. Пальцы все еще сжимали рукоять меча, и клинок полыхал белым огнем, утончаясь, тая, как кусок рафинада в горячем чае.

Никто не произнес ни звука. Гвардейцы словно окаменели. Принцесса вцепилась в плечо Ланса. Курсант не отрывал от меня остановившегося взгляда.

Шоррэй медленно перевернулся на спину. Попытался приподняться на локтях — и не смог. Что-то прошептал.

Я шагнул к нему. И услышал тихий голос, даже сейчас не утративший властности и уверенности.

— Ты не мог угадать удар... Ты не мог меня убить.

— Но я смог.

— Ты все равно... — Шоррэй закашлялся, на губах у него выступила розовая пена. Но он упорно продолжил: — все равно изгой. Победив меня ты не победишь предрассудки наших миров. Ты игрушка... в чужих руках. Ты пришелец с несуществующей планеты. Ты неполноценен.

— Я победил.

— Ты проиграл. Ты поймешь это... уже сегодня.

— Я победил. Я Принц.

— Ненадолго... Я понял твою тайну, но слишком поздно. А ты ее не узнаешь никогда. Нельзя было драться с тобой... здесь...

— Какую тайну?

Шоррэй улыбнулся. Издевательски и победно. Он доигрывал свою роль.

— Прощай, Принц...

Он закрыл глаза — и я понял, что никто и никогда больше не услышит голоса правителя Шоррэя. Он унес с собой мою тайну — если она действительно существовала. И умер в твердой уверенности, что я проиграл.

А Шоррэй Менхэм всегда рассчитывал будущее.

Я положил рядом с ним обломок меча, ставший тонким как швейная иголка. И спросил у растерявшихся гвардейцев.

— Кто старший в вашей похоронной команде?

Один из гвардейцев молча вышел вперед.

— Заберите тело и убирайтесь с планеты.

— Рекомендую сделать это быстро, — добавила подошедшая принцесса. — Союзный флот прибудет через несколько часов, и уничтожит всех, кто собирается сражаться дальше.

Она коснулась моей руки.

— Мы победили...

Я посмотрел в глаза — голубые, как небо Земли, в которых была радость и восхищение, спокойствие и уверенность. В которых не было и не могло быть любви.

Мы победили. Я проиграл.

Глава 14

ВЫБОР

Слуга поставил поднос с завтраком и замер, ожидая приказаний. Я кивнул, отпуская его.

За столом в моей комнате мог уместиться десяток человек. И принесенных продуктов вполне хватило бы для легкого завтрака всем.

Даже у игрушечного Принца есть свои привилегии.

— Хочешь перекусить?

— Не откажусь, Принц.

Эрнадо взял с подноса горсть крошечных оранжевых ягод.

— Попробуйте их, Принц. Это королевская еда — лишь на одной планете в галактике растет снежный виноград.

Я отправил в рот пригоршню ягод. Губы обожгло маслянистым холодком. Сок имел странный, дразнящий вкус — кисло-сладкий и мятный одновременно.

Никогда не любил сигарет с ментолом и мятных жевательных резинок.

— Рассказывай дальше, Эрнадо.

Мой бывший учитель торопливо отложил оранжевую гроздь.

— Я вел бой на самой границе нейтрализующего поля. Когда катер подбили, начал планировать. И вошел в поле за несколько секунд до взрыва, который из-за этого не произошел. После мне оставалось лишь приземлиться.

— Не самое простое занятие с неработающим двигателем.

— Гравикомпенсатор смягчил удар. Ну а в горах меня не смог бы взять и

батальон гвардейцев... Когда я увидел, что началась эвакуация, то стал пробираться к дворцу. Было ясно, что Шоррэй проиграл. Конечно, то что он мертв я не предполагал...

— Это была случайность.

— Шоррэя нельзя победить случайно, Принц.

В голосе Эрнадо звучала такая убежденность, что я не стал спорить. Перебрав несколько блюд я выбрал, наконец, приемлемое — копченое мясо, нарезанное узкими полосками и залитое почти безвкусным соусом.

Эрнадо взглянул в окно. Сквозь густую зелень парка проглядывало почерневшее от пожара здание одного из дворцов.

— Гиары выплатят компенсацию, и немалую, — мстительно сказал он. — Через месяц-другой все разрушенное восстановят. Жаль, что...

Он замолчал.

Я глотнул воды из хрустального бокала. Неплохая минералка, но «Боржоми» лучше.

— Продолжай, Эрнадо, — попросил я. — Жаль, что я этого не увижу? Не так ли?

Эрнадо опустил глаза.

— Отвечай!

— Да, Принц.

Я встал из-за стола. Подошел к огромному круглому зеркалу, висящему на стене. Деревянная рама, покрытая неизменной резьбой, походила на произведение искусства. Само зеркало, безукоризненно ровное и чистое, отражало меня в полный рост. Костюм из тонкой золотистой ткани. Великолепно уложенная парикмахером прическа. Принц...

— Повелителем великой планеты не может быть человек, пришедший ниоткуда. Лорд несуществующего мира, — сказал я. — Герой, победивший Шоррэя, — пожалуйста. Хороший парень, достойный золотого памятника в натуральную величину — ради Бога. Кто угодно. Но не повелитель планеты, не будущий император. Не муж принцессы. Так, Эрнадо?

— Да.

— Ты знал об этом всегда, с первой нашей встречи. Но ничего не сказал. Почему?

— Я спасал свой мир, Принц. Свою планету. Я виноват, но иначе поступить не мог.

Я задумчиво посмотрел на сержанта. Я тоже был виноват перед ним — вот только он этого не знал. Ужасно удобная ситуация, когда вина превращается в обиду...

— Быть может, я попрошу от тебя чего-то очень похожего, Эрнадо. Пусть даже окажусь в свою очередь неправым.

Сержант с любопытством посмотрел на меня. Ответил, тщательно подбирая слова:

— Это будет справедливо, Принц. Я в долгу перед вами, а моя планета в безопасности.

Я кивнул. И произнес неожиданно для самого себя:

— Кажется, мы договорились быть на «ты», Эрнадо?

— Тогда мне придется не называть вас Принцем или Лордом. С этими

словами фамильярность у меня не получится.

— Я не совсем Лорд, и совсем не Принц, Эрнадо. Я Серж, с планеты, которой нет.

Эрнадо ответил, словно переступая невидимый порог:

— Ты прав, Серж. Это, по крайней мере, честно... Ситуацию тебе объяснила принцесса?

— Нет. Она никак не решится на крупный семейный разговор.

— А кто же?

— Шоррэй. В доверительной, но увы, короткой, беседе.

Доканчивать завтрак Эрнадо пришлось в одиночестве. Меня охватило то странное состояние, в котором процесс размеренного поглощения пищи или просто пребывание на одном месте кажется преступлением. Я отправился к принцессе.

С каждой минутой дворец все больше казался похожим на лабиринт. Целеуказателя у меня не было, а спросить кого-нибудь из немногочисленных слуг мешало самолюбие. Принц, заблудившийся во дворце, пусть даже и чужом, — отличная тема для анекдотов.

Я бродил по огромным залам — камень и дерево, ни малейших следов техники, во много раз опередившей земную. Наверное, потому ее и не было видно, что она походила на земную, как умещающийся в дипломате компьютер на первые ламповые ЭВМ... Я проходил по галереям, абсолютно прозрачным изнутри, но выглядевшим как каменные снаружи. Я шел по коридорам, где дыхание древности было настолько достоверным, что становилось фальшивым.

Этот мир тоже играл свою роль, как Шоррэй — роль сверхчеловека. Он был монархией, потому что это устраивало каждого подданного. Лучше быть императорским солдатом или младшим дворцовым слугой, чем военнообязанным насквозь демократичного режима, или уборщиком в здании парламента. Легче жить по туманным обычаям и ритуалам столетней давности, трактуя их как только угодно, чем устанавливать и выполнять справедливые законы, устаревающие на следующий день после подписания.

А уж если существует монархия — то необходим очень древний и таинственный дворец. Не беда, что в его стенах больше металла и микросхем, чем камня. Главное — фасад. Главное — не выйти из роли.

С детства ненавижу написанные на бумаге экспромты и хорошо отрепетированные любительские спектакли.

Я остановился посредине очередного зала, напоминающего выставку батальной живописи. Картин здесь было не меньше сотни, а в сюжетах мирно соседствовали взмыленные лошади и падающие на скалы звездолеты. Наверное, художник нашел бы здесь немало интересного.

К сожалению, я абсолютно не умею рисовать.

— Кратчайший маршрут к помещению, где сейчас находится принцесса, — сказал я.

В этих дворцах легко заблудиться, прожив в них всю жизнь. А императору тоже не к лицу звать на помощь слуг.

На белых мраморных плитках, которыми был выложен пол, появилась тонкая, светящаяся красным линия. Я удовлетворенно кивнул.

Ритуал есть ритуал, против него не пойдешь. Если уж положено ввести голос принца в информационный центр дворца, то это будет сделано. А вот сообщать временному принцу об этом не обязательно.

Я пошел по светящейся линии, гаснущей под моими ногами.

У дверей стоял охранник. Не то из тех, кто скрывался в горах от превосходящих сил противника, не то из спешно завербованных на союзных планетах. В «электризованном» плаще, красиво облегающем фигуру, с плоскостным мечом и пистолетом на поясе. Если его и удивило мое появление, то он ничем это не показал. Лишь произнес подчеркнуто вежливым голосом:

— Принцесса просила не беспокоить ее.

— Меня эта просьба не касается, — ответил я, отстраняя охранника в сторону. Слава Богу, это было воспринято как должное.

Все-таки, я — «немного Принц».

Комната оказалась совсем небольшой и напрочь лишенной украшений. Наверное, потому что предназначалась для работы, а не для создания королевского антуража. Широкий письменный стол перед открытым настежь окном, заваленный россыпью бумаг и снабженный чем-то вроде портативного принтера, из прорези которого выползал очередной листок. Кожаное кресло, судя по размерам, предназначенное для принцессы. Больше ни одного кресла или стула не было. Посетители здесь не предполагались...

Принцесса поднялась мне навстречу. Сегодня на ней был строгий серый костюм «а ля секретарша большого босса». Длинная гофрированная юбка, короткий пиджачок... Красивый костюм, земная секретарша в таком пошла бы на первое свидание.

И все-таки, красный цвет принцессе идет больше.

— Доброе утро, — сказал я, усаживаясь на край стола.

— Доброе утро, Сергей.

Она казалась скорее смущенной, чем растерянной. Мой визит был неизбежной, но тягостной для обоих процедурой.

— Никаких новых сведений о судьбе императора не поступало?

Принцесса вздрогнула.

— Нет. Наверное, ситуация была безвыходной, и папа воспользовался кольцом...

Я понимающе кивнул. В семейную хронику императорской семьи меня немного посвятили. Принцесса росла без матери, это был то ли слегка завуалированный развод, то ли длительная размолвка по непонятной никому причине. О том, где находится его жена, не знал и сам император. И все же он предпочел позорному плену путешествие в никуда — через гиперпространственный туннель, соединяющий его кольцо и кольцо императрицы.

— Твой отец смелый человек, — просто сказал я.

Передо мной сидела уже не принцесса — а безмерно уставшая девушка, волнующаяся о судьбе отца. Наверное, он очень многое для нее значил — немолодой, одинокий человек, единственный, кто звал ее по имени, чья похвала не была неизбежной лестью, а порицание — государственным преступлением. Император был единственным связующим звеном, живым, реальным человеком между принцессой и длинной чередой титулованных предков.

Он был ее отцом — и это значило ничуть не меньше, чем на Земле.

— Ты думаешь, что папа жив? — нерешительно спросила принцесса.

Ей было важно даже мое мнение...

— Думаю, что да.

— Почему?

— Он поступило так нелогично, что ему должно повезти.

Принцесса пожала плечами. Мою теорию о неразрывной связи нелогичных поступков и удачи она не разделяла.

— Много дел? — спросил я, поднимая со стола покрытый мелко отпечатанным текстом листок.

— Да. Планета не скоро оправиться от случившегося. Мы потеряли две трети армии.

— Я вижу, ты справляешься.

— Я принцесса.

Ее голос неуловимо изменился. Начинался разговор, которого мы оба не хотели.

— Я мог бы помочь.

— Тебе нужно отдохнуть.

«Я — принцесса. Ты — чужак. Смелый, сильный, полезный, но чужой.»

— После Храма прошло двое суток. Я вполне отдохнул. А прогулки посаду тоже, по-своему, утомительны.

— Я распоряжусь об организации путешествия по планете. Ты герой, которого все хотят увидеть собственным и глазами.

«Увидеть, пока герой не отбыл на родину.»

Я посмотрел в глаза девушки, которую любил всю жизнь. Они не были сейчас голубыми, они были цвета пасмурного осеннего неба.

Но дождь из такого серого неба не прольется.

— Для развода нам придется пойти в Храм? Или эта формальность требуется лишь в особых случаях?

Наступила тишина. Из принтера выскользнули на стол еще два листа с неотложными сообщениями.

— Ты все понимаешь? — тихо спросила принцесса. — Дело не в тебе, а в твоей планете. Это была забавная мелочь для тринадцатилетней девочки, но сейчас я знаю...

— Твой народ не примет правителя из несуществующего мира. Союзные планеты не захотят общаться с Принцем, на чье родине лежит проклятье Сеятелей. Мудрых, всеведущих существ, посчитавших землян недостойными для галактической цивилизации.

— Да.

Я покачал головой.

— Это неправда, принцесса. Точнее, меньшая часть правды. Ты не любишь меня — и это главное.

Принцесса отвернулась.

— Я никого сейчас не люблю, Сергей.

Я отошел к окну. Не люблю осенний дождь и женские слезы. А еще — ненавижу, когда горло перехватывает бессильная обида на чужую подлость.

— Я никогда не предал бы тебя.

— Наверное... Я очень многим тебе обязана... как и вся наша планета. Я была бы тебе женой, настоящей женой, и смогла бы полюбить. Но на твоем мире — клеймо прокаженного.

Я закрыл глаза. Не хочу видеть горы, за которыми стоит Храм Сеятелей. Не хочу думать о существах, покоривших пространство и время — но забывших построить на маленькой планете зеркально-черный шар: волшебный ключ, открывающий двери во Вселенную.

Я не хочу снова учиться ненавидеть!

— Ты можешь взять с собой все что захочешь. Оружие, технику, драгоценности. Максимальная масса переброски через гипертуннель составит около семидесяти тонн. Планета отдаст тебе весь энергетический потенциал, накопленный за сотни лет. Я уверена, никто не будет против. Это достойная награда, но и она мала за то, что ты совершил!

Я засмеялся. Черт, истерики мне только не хватало! Оружие, техника, драгоценности... Атомарный меч в ножнах на оклеенной обоями стене квартиры! Небоскреб в центре города, выстроенный на золото инопланетной цивилизации!

Парочка боевых катеров, перемалывающих авиацию сопредельных стран...

Нейтрализующее поле, прикрывающее новоявленную империя от старомодных термоядерных бомб.

Вооруженная деструкторами армия, которую легко сплотить вокруг возвышенной цели всепланетного государства. Или, на худой конец, сотня-другая психопатов с деструкторами, которым не нужно никакой возвышенной цели. Только приказ! И непокорные города превращаются в молекулярную пыль.

Мир во всем мире!

Длительные аплодисменты!

Звездные корабли, которые строятся на земных заводах по неземной технологии...

Приказ Верховного Правителя отважным пилотам: найти планету, где правит императорская династия...

— Нет... — прошептал я. — Нет. Нет!

Подлости не стоит даже любовь.

Земля сама придет к всемирному государству и звездным кораблям. Без разрушенных городов и безумствующих тиранов. Со мной, или без меня — она докажет свое право войти в галактическую цивилизацию.

Земля не станет планетой, лучше всего умеющей убивать.

— Нет, — повторил я.

— Сергей, я не понимаю...

— Не обращай внимания. Это свое... воспоминания о прошлом и будущем.

Я повернулся к принцессе. Наверное, в лице у меня было что-то страшное — она вздрогнула.

— Принцесса, мне не нужен энергетический потенциал, который накапливался сотни лет. И семьдесят тонн драгоценностей тоже. Мне нужен только звездный корабль, способный летать без маяков, в свободном поиске.

— Зачем? — она осеклась. И спросила: — Ты хочешь найти Землю?

— Да.

— Это безнадежно, Сергей. Сеятели изолировали твой мир навсегда.

— Тогда я найду Сеятелей. Те, кто покорил время, не исчезают бесследно.

Будь на месте принцессы христианка, она бы перекрестилась.

— Ты не найдешь экипаж, который отправится в такой путь!

— У меня есть друг, который кое-чем мне обязан.

— Ланс? Он согласится, но он почти ребенок…

Я невольно улыбнулся.

— Ланс? С удовольствием, если он рискнет. Но я говорю о другом человеке. О несостоявшемся главнокомандующем вашей армии…

Принцесса не стала ничего переспрашивать. Она смотрела на меня — и я узнавал этот взгляд.

Растерянный и гордый взгляд девочки, из-за которой пошли на смерть.

— Тебе дадут лучший корабль.

Я кивнул. И, поколебавшись, спросил:

— Мне нужно сделать заявление о разводе?

Теперь медлила с ответом принцесса.

— Если ты улетишь с планеты…и будешь фактически отстранен от правления…необходимости в такой поспешности не будет. Не стоит так откровенно демонстрировать фиктивность брака.

Я почувствовал слабость во всем теле, как после жестокой драки. Словно я выиграл самый важный бой. Словно не только я, но и принцесса сделали свой главный выбор.

Всеми силами заставляя себя не оглядываться я пошел к двери. И услышал голос принцессы:

— Сергей, ты ведь даже не дал мне имени. Это наш обычай.

— Я знаю, — ответил я, остановившись. — Но я еще не придумал его.

— Хорошо. Я подожду.

Я остановился, прижавшись к теплому дереву двери. И тихо сказал:

— Если устанешь ждать…или сможешь влюбиться…одень кольцо. Я сделаю все, что будет нужно.

— Я и не собираюсь его снимать.

Толкнув тяжелую дверь я переступил порог. Не оборачиваться, главное — не оборачиваться. Иначе я не заставлю себя уйти в неизвестность.

И снова меня остановил голос принцессы.

— На твой поиск уйдет вся жизнь! Но даже тысячи жизней будет мало!

— Знаю, — ответил я. — Знаю. — И, прежде чем закрыть за собой дверь, сказал то, что понял у Храма Сеятелей, стоя рядом с принцессой и еще оставаясь самонадеянным Лордом с несуществующей планеты.

— Любовь стоит жизни.

Часть II

ПЛАНЕТА, КОТОРОЙ НЕТ

Глава 15

НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Улица была до неприличия узкой и состояла из сплошных поворотов. Я бежал по растрескавшейся от времени мостовой, оскальзываясь в отбросах и поминутно задевая каменные стены домов. Из окон, расположенных не ниже двух-трех метров от земли и забранных вдобавок толстыми решетками, падали вниз тусклые блики света. Однажды из окна запустили вслед пустой бутылкой — к счастью, не метко.

Топот преследователей приближался. Они знали закоулки города гораздо лучше меня, да и опыта погонь в каменных лабиринтах у них было больше. Единственное, что им мешало — собственная многочисленность и желание поскорее разделаться со мной. Несколько раз я слышал позади шум падения и ругань, неизбежно сопровождавшую возникающий затор.

На очередном повороте я заметил мелькнувшую впереди фигуру. Человек, которого я выслеживал почти две недели, удирал с энергией, порожденной смертельной опасностью. Удивительно, какую скорость ухитрился развить тщедушный, прихрамывающий и к тому же избитый полчаса назад человек...

Не останавливаясь, я вытащил из нагрудного кармана два легких белых шарика, напоминающих теннисные мячи. Сжал их в ладони, сминая защитную оболочку, и бросил за спину. Ничего против своих преследователей я не имел, они действительно имели все основания для недовольства. Но у меня не было времени на мирные переговоры...

Шарики, оставленные мной на дороге, действовали безотказно. Я не видел, как они раскрылись, превращаясь в квадратные сети из тонкой, почти невидимой для глаз нити. Но крик людей, попавших в ловушки, не услышать было невозможно...

Уже через мгновение крики смолкли. Паутинные мины убивали не сразу, но сворачивающиеся в шар сети в первую очередь лишали жертву возможности дышать.

Кости начинали ломаться лишь через несколько минут.

Я напрягся, увеличивая скорость. Если улица начнет разветвляться, то у моего собственного преследуемого появится шанс удрать...

Шанса не появилось.

Сильным ударом в плечо я повалил его на мостовую прямо в очередную лужу. И остановился, переводя дыхание.

Сзади пока было тихо. Погоня приостановилась.

— Придурок, — едва удерживаясь от более крепких выражений, сказал я. — Ты думаешь, я бы стал спасать карточного шулера ради удовольствия лично его прикончить?

Мужчина не ответил. Он ворочался в грязи, не делая даже попыток подняться. Сероватая кожа уроженца Дальедо, черные волосы и блеклые голубые глаза, рваный шрам через правую щеку. Все приметы сходились...

— Отвечай честно, и останешься жив. Понял? — Я коснулся незаметных кнопок на широком золотом браслете, и прозрачный овальный кристалл засветился желтым.

— Это детектор лжи, — честно предупредил я. — Так что подумай, прежде чем отвечать.

Мужчина молча кивнул. С опаской покосился в темноту, откуда вновь доносился шум погони.

— Ты Редрак Шолтри, бывший пилот флагманского корабля второй трансгалактической экспедиции с планеты Дальедо. Верно?

— Меня давно не называли этим именем...

— Отвечай!

— Да.

— Молодец, — похвалил я, когда кристалл на браслете мигнул зеленым. — Продолжай в том же духе. Какие районы были обследованы экспедицией?

— До двенадцатого включительно, по шестой координатной оси в системе измерений Дальедо.

Браслет снова подтверждающе засветился.

— Неплохо, — искренне обрадовался я. — Пятьдесят кубических единиц...

— Пятьдесят две...

Не так уж он был прост. Память бывшего пилота явно не пострадала от многолетнего пьянства.

— Причина гибели экспедиции?

Мужчина молчал.

— Это чисто познавательный интерес, — успокоил я его. — У меня нет намерений за кого-либо мстить.

— Мятеж, — неохотно ответил Редрак.

Зеленый огонек на браслете. Я усмехнулся.

— Что ж, не буду задавать невежливого вопроса, интересуясь, на чьей стороне ты был. И так понятно... Ты слышал о такой планете — Земля?

— Нет... Кажется, не слышал...

— Ее еще называют планетой, которой нет.

Редрак поднялся, придерживаясь за стену здания.

— Я понял, кто ты, — сообщил он.

— Оставь свое знание при себе, — посоветовал я.

— Разумеется, принц.

Топот и злые голоса неумолимо приближались.

— Я знаю о планете Земля, — продолжил Редрак. — Но прежде чем отвечу, вы должны поклясться, что спасете меня... от этих дикарей.

— А если я не поклянусь?

Редрак усмехнулся.

— У вас есть детектор лжи, но нет времени на пытки или укол правды. Мое знание останется при мне... пусть даже в могиле.

— Клянусь.

— Я догадываюсь, что вы хотите спросить, принц. Нет, наша экспедиция не обнаружила планеты Земля. И не встретила никаких намеков на ее расположение.

Кристалл мигнул зеленым. Правда, с небольшой задержкой... Но времени на размышления не было — из-за поворота показались преследователи. Я повернулся к ним лицом — у Редрака не было ни малейших оснований наносить мне удар в спину. Наоборот, я был его единственной надеждой на спасение.

— Вот они! — заорал бегущий первым двухметровый верзила. Смелость его явно соответствовала росту — возглавлять погоню после паутинных мин решился бы не всякий.

В руках у здоровяка появилась внушительных размеров дубинка. Увесистый набалдашник усеивали длинные металлические шипы. Занеся оружие над головой, он пошел ко мне. Сзади напирали желающие поучаствовать в расправе.

Я неторопливо извлек из ножен меч. Длинный и тонкий меч, из рукояти которого выступала красная кнопка.

Верзила пренебрежительно хрюкнул. Саданул дубиной по стене — вниз посыпалось каменное крошево.

Я медленно встал в боевую стойку. И нажал кнопку на рукояти меча.

По клинку пробежала волна яркого белого пламени, на мгновение высветив десяток разъяренных лиц и самое неподходящее оружие.

Верзила замер как вкопанный. И хрипло произнес:

— У него атомарный меч!

Толпа остановилась. И медленно начала отступать.

— Верно, — подтвердил я. — Это атомарный меч, которым я неплохо владею. Так что у вас есть выбор: либо мы мирно расходимся в разные стороны, либо ухожу я с приятелем, а вы остаетесь здесь до утра. С рассветом вас уберут, чтобы не было вони.

Толпа начала рассасываться. Никому не хотелось встречать рассвет в таком виде. Только здоровяк с дубиной продолжал стоять.

— Ты защищаешь мошенника, который обдирал нас три вечера подряд! — сварливо заявил он.

— Он мне нужен, — просто ответил я.

— Ты убил двоих ребят в трактире, а еще двоих — своими ловушками на улицах.

— Но ведь вам сначала предлагали выкуп за его жизнь?

Похоже, довод показался убедительным. Верзила опустил бесполезное оружие, тоскливо обернулся. Его спутники стояли далеко позади, но продолжали напряженно вслушиваться в разговор.

— Семьи убитых твои слова не очень-то утешат. . .

Я отстегнул с пояса тяжелый кожаный кошелек. Ужасно неудобно, что здесь не в ходу бумажные деньги. . .

— Возможно, золото окажется убедительней?

Верзила кивнул и быстро подобрал упавший к его ногам кошелек. Пробормотал:

— Возможно. . . Только не убедительней твоего меча.

Я подождал, пока неудачливые игроки и не менее невезучие линчеватели скрылись. И повернулся к Редраку.

Как ни странно, он никуда не убежал.

— Пошли, — коротко бросил я, направляясь в противоположную толпе сторону. Редрак, ощутимо прихрамывая, заспешил за мной.

— Твоя паршивая жизнь куплена дорогой ценой, — зло сказал я. — Вряд ли она стоит еще четверых.

— Не переживайте, принц, — жизнерадостно заявил Редрак. — В этот трактир честные люди не ходят. А глотку они друг другу режут каждую неделю, без всякой помощи со стороны. . .

— Меня зовут Серж. Капитан Серж, если угодно, — оборвал я разговорчивого шулера. — Остальное советую забыть.

— У капитана Сержа, очевидно, есть корабль? — вкрадчиво поинтересовался Редрак.

Я промолчал.

— Рискну попросить капитана о небольшой услуге. . . На этой планете мне больше не хочется оставаться, а заработал я совсем немного. . . Не подвезете ли вы меня до любой планеты, где есть воздух, вода и азартные люди?

Мне захотелось расхохотаться.

— Редрак, меня часто называют наглецом. Но тебе я не гожусь даже в ученики.

— Ну что вы, капитан, вы еще так молоды.

Все-таки я засмеялся. И, неожиданно для самого себя, сказал:

— Хорошо, Редрак. Я отвезу тебя на другую планету. Но весь путь ты проделаешь в наглухо закрытом карцере. Он не используется уже два года, а это расточительно.

— Вполне разумная мера, — вежливо произнес Редрак. — Карцер стандартный? Два на два и пять выше нуля?

— Разумеется.

— Что ж, в гробу теснее и прохладнее, — философски заключил Редрак. — Благодарю вас, капитан. . .

— И это вся твоя признательность?

Некоторое время мы шли молча. Улица петляла по-прежнему, но стала чуть шире. Мне приходилось укорачивать шаг из-за ноги Редрака.

— Капитан, вы поступаете очень благородно.

— Даже слишком.

— Нет, капитан, как раз достаточно для неплохой новости. Вторая трансгалактическая действительно ничего не узнала о планете Земля. Но год назад я встретил человека, который говорил, что побывал на планете, которой нет. Он достиг ее на поврежденном корабле. . . уходя от слишком назойливого патрульного крейсера.

Сердце гулко застучало в груди. Я сдавленно произнес:

— Чего стоит пьяная болтовня?

— О да, капитан, он был весьма пьян. Даже слишком пьян для азартного игрока. . . Но очень убедительно рассказывал о том, как закупал плутоний и титановые плиты в большом городе на берегу океана. Этот город назывался. . . кажется, Ньюорк.

— Повтори! — закричал я, хватая Редрака за плечи. — Повтори название города!

Раздельно, подчеркивая каждое слово, Редрак произнес:

— Я встречал человека, утверждающего, что он побывал на планете, которой нет. В городе, под названием Нюорк или Ньюорк, он покупал материалы, необходимые для ремонта корабля. Я уверен, что он говорил правду.

Индикатор браслета-детектора светился зеленым. Редрак Шолтри не лгал.

А люди, подобные ему, никогда не говорят правды, не выгодной лично для них.

— Боюсь, Редрак, что наше знакомство продлится дольше, чем мне хотелось бы, — прошептал я, отпуская дальедианца.

Редрак кивнул и сказал:

— Очень надеюсь на это, принц.

Бывший пилот просидел за компьютерным терминалом больше трех часов. Все это время я провел на маленьком угловом диванчике, ощущая себя гостем в собственной каюте.

Редрак Шолтри обращался с компьютером поистине виртуозно. Он то шептал в микрофон отрывистые слова команд, то переходил на управление с клавиатуры, а порой просто принимался чертить что-то в воздухе тонкими гибкими пальцами. О таком уровне общения с машиной мне приходилось только мечтать...

Повинуясь командам Редрака, компьютер строил голографическое изображение. В медленно вращающемся над терминалом видеокубе появилось вначале туманное, расплывающееся человеческое лицо. Затем линии обрели четкость, показалась короткая стрижка, тонкие брови. Изображение обрело цвет — бледная кожа с едва заметным желтоватым оттенком, черные волосы, темно-серые глаза.

Редрак продолжал корректировать портрет. Уши претерпели ряд изменений и тоже обрели четкую форму, глаза стали 'уже, на переносице возникло маленькое пятнышко — то ли родинка, то ли след от ожога. Скулы слегка заострились.

Некоторое время Редрак разглядывал результат своих творческих усилий. Затем, покосившись на включенный браслет-детектор, лежащий на столе между нами, заявил:

— Это портрет человека, утверждающего, что он был на Земле. Я сделал его с максимально доступной точностью.

Браслет светился зеленым.

— У него очень заурядная внешность, — досадливо сказал я. — Каждый десятый, если не каждый пятый мужчина его возраста оказывается под подозрением. Цвет волос может быть изменен, кожа — потемнеть от загара. Он мог поправиться или похудеть...

— Да, капитан. Прошло уже три года... Человек его профессии сильно меняется за такой срок. Конечно, если вообще остается в живых.

— И ты действительно не знаешь его имени или родной планеты?

— Нет, капитан.

Некоторое время я молча глядел на объемный портрет космического пирата, доставшего в Нью-Йорке плутоний и титан для ремонта своего корабля. Редрак Шолтри упорно добивался своей цели — и при этом действовал вполне честно. Он знал, что мне нужно, и пользовался своим преимуществом на все сто процентов.

— Почему-то я уверен, — язвительно произнес я, — что ты узнаешь этого человека, как бы сильно он ни изменился.

— Вы совершенно правы, капитан.

Я усмехнулся. А ведь Шолтри нуждается во мне не меньше, чем я в нем.

— Не слишком приятная перспектива — иметь в экипаже бывшего мятежника.

— Понимаю ваши сомнения, капитан. Но я не имею ни малейшего желания предавать вас. Просто нынешняя профессия с каждым днем становится для меня все труднее.

Редрак смотрел на меня подкупающе честным взглядом. Такой взгляд бывает лишь у очень талантливых обманщиков.

— Есть лишь одна возможность зачислить тебя в экипаж, — твердо сказал я. — Психическое кодирование.

Редрак вздрогнул. И быстро поднялся из кресла.

— Не проводите ли меня в карцер, капитан? — вежливо поинтересовался он. — Я с удовольствием поскучаю там до первой обитаемой планеты.

— А может быть, проводить тебя до шлюза? — поинтересовался я. — Мы еще не стартовали, и через пару часов ты можешь вернуться к прежним занятиям.

Редрак кивнул. И со странной гордостью сказал:

— Хорошо, капитан. Я согласен погибнуть свободным человеком. Но жить рабом не соглашусь никогда.

Вот так шулер-пропойца... Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Впрочем, против этого лозунга я ничего не имею.

— Я предлагаю тебе частичное кодирование, а не полное подавление воли. Улавливаешь разницу?

— И какие же правила ты собираешься мне навязать?

Я насмешливо разглядывал настороженное лицо Редрака. К счастью, мне не приходилось изобретать велосипед. Умный писатель, живущий неподалеку от «Ньюорка», придумал их давным-давно. Все, что от меня требуется, это переделать три азимовских закона робототехники для человека...

— Первое. Ты не должен своим действием или бездействием причинить вред членам экипажа моего корабля. Справедливо?

Редрак неуверенно кивнул.

— Второе. Ты должен выполнять свои уставные обязанности в той мере, в которой они не нарушают первый закон. Согласен?

— Да...

— Третье. Ты вправе совершать любые поступки, которые не нарушают два первых закона. Вот и все условия.

Разумеется, я порядком исказил азимовские законы. Начиная с того, что свел понятие человека к гораздо более узкому кругу членов экипажа... Но что поделаешь, Редрак не робот, а я не миротворец, решивший его перевоспитать.

В белых перчатках в космосе не путешествуют.

— Твои правила очень напоминают клятву верности на пиратских кораблях, — хмуро сказал Редрак.

— Тебе виднее.

— А какое наказание последует за нарушением закона?

— Обычное. Остановка дыхания и сердечной деятельности.

Редрак молчал.

— Решай, — сказал я. — Решай, Шолтри. Я всего лишь хочу получить гарантию твоих обещаний. Соглашайся — или отправляйся в карцер. До ближайшей планеты, где есть жизнь, тебя доставят.

Глава 16

НОЧНОЙ ГОСТЬ

В люк постучали. Тихо, но настойчиво.

Я раскрыл слипающиеся глаза и приподнял голову. Да, место для отдыха я выбрал замечательное. В шлюзовой камере, на холодном, покрытом шершавой керамической броней борту вездехода. Если я не получу воспаление легких, то буду обязан этим лишь надежной теплоизоляции полетного костюма. Под головой у меня лежала сумка с ремонтным комплектом, а сантиметрах в десяти от вытянутой руки светился раскаленным жалом невыключенный паяльник.

Присев, я потер лицо холодными ладонями. Какого дьявола автоматика поддерживает в шлюзе температуру окружающей среды? Морально готовит к обстановке на планете или экономит энергию?

Последнее нам не требуется. Падая в джунгли, корабль повредил не реактор, а дюзы и половину всей автоматики.

Другая половина вышла из строя еще раньше, по время короткого, занявшего не более двух секунд, поединка с пиратским кораблем. Его деструкторы, настроенные на материал логических кристаллов компьютеров, вывели из строя большую часть нашей электроники, прежде чем залп наших лазерных излучателей пробил защиту корсара. Вражеский корабль превратился в облако раскаленного газа, а мы пошли на вынужденную посадку...

В люк постучали снова. Я взглянул на часы и вздохнул. Пять часов сна явно недостаточно после двух суток непрерывной работы... Интересно, а зачем барабанить в люк, не проще ли нажать кнопку?

Я повернул голову на звук. И лишь после этого в полной мере осознал нелепость происходящего.

Стучали не в дверь, ведущую во внутренние помещения корабля. Стучали в наружный люк.

Сон как ветром сдуло. Я коснулся короткого плоскостного меча, висящего в магнитных ножнах на поясе, откинул фиксатор. Ничего, способного противостоять атомному оружию, снаружи быть не могло — сразу же после посадки корабль включил генератор нейтрализующего поля. Ни лазерные пушки, ни деструкторы, ни термоядерные бомбы в нейтрализующем поле не сработают.

Впрочем, какие лазеры могут быть на планете, где господствует феодальный строй?

Наверное, это мое самое слабое место. Я не могу не открыть дверь, в которую стучат — пусть даже за ней неизвестность. С детства не терпел отключенных телефонов и запертых замков.

Конечно, наружную броню корабля покрывали сотни детекторов, способных, помимо всего прочего, дать отличное объемное изображение пространства перед кораблем. Но ремонтом этих датчиков я как раз и занимался, когда меня сморил сон.

Коснувшись управляющих сенсоров, я набрал комбинацию цифр, разблокирующих люк. Электронный замок был слишком прост, чтобы выйти из строя под ударом деструктора.

По экрану климатических детекторов — их тоже пощадил случай — скользнула строчка символов, автоматически переведенных подсознанием в привычные величины.

«Атмосфера пригодна для дыхания, токсические примеси отсутствуют. Температура — плюс семь градусов, влажность — сорок шесть процентов, скорость ветра — полтора метра в секунду».

Не слишком-то уютное место...

Повторно коснувшись сенсора, я подтвердил команду на открытие люка. Тяжелая, полуметровая толщина плиты медленно поползла вверх.

Яркий белый свет включившихся ламп разогнал темноту перед люком. Водяная морось, оседающая на раскисшую землю, узкая и короткая металлическая лесенка, уходящая вниз, поваленные при посадке деревья, напоминающие обмотанный колючей проволокой саксаул.

Никого...

Я постоял, вглядываясь в темноту, жмурясь от мокрых касаний ветра. Никого нет. И быть не могло — мы приземлились в глубине леса. Ну а если кто-то из туземцев и оказался поблизости, к кораблю он по доброй воле не подойдет. Огромный металлический шар, в клубах пламени опускающийся на лес, выдвигающий толстые колонны-опоры, ломающий как спички вековые деревья... Такое зрелище не для средневековья. А уж лезть по лестнице к люку...

Я повернулся к внутреннему люку. Возможно, стучали все-таки в него? Или у меня слуховые галлюцинации?

— Я заблудился...

Точно. Слуховые галлюцинации. Я снова посмотрел в открытый люк.

Галлюцинации явно прогрессировали, переходя в зрительные. На данный момент они приняли вид маленькой темной фигурки, стоящей на лесенке, на полпути к люку.

— Я заблудился, — повторила фигурка тонким детским голосом.

— Поднимайся, — велел я, протягивая руку. Ситуация становилась более объяснимой. Возможно, местные рыцари и не рискнут стучаться в спустившийся с неба шар. А вот заблудившийся и замерзший ребенок в первую очередь испугается ночного леса — а лишь потом таинственного «замка».

Крепко взяв мальчишку — или девчонку? — за руку, я втянул его в люк.

Мальчишка. Лет одиннадцати – двенадцати, худенький, большеглазый. Цвет волос и кожи оставался загадкой, скрываясь под равномерным слоем жидкой грязи. Изодранные клочья ткани при хорошем воображении можно было считать брюками и курточкой.

— Ты один? — спросил я, с невольным состраданием разглядывая неожиданного визитера.

— Да... Я заблудился.

— Это и так понятно. Считай, что теперь ты нашелся.

Я закрыл люк. Мальчишка стоял на месте, никак не реагируя на происходящее. Сил на удивление у него просто не осталось.

Первым делом мальчишке была необходима горячая ванна. Потом можно будет заняться лечением, кормлением, выяснением местожительства и ответами на неизбежные вопросы.

— Идти можешь? — Я легонько похлопал мальчишку по плечу.

— Да...

Придерживая мальчишку за руку, я вошел в лифтовую кабину. Когда лифт остановился, и мы вышли в широкий коридор жилого уровня, он прошептал:

— Тепло...

Босые ноги оставляли на белом ворсистом покрытии пола бурые отпечатки. Я с сожалением вспомнил, что большинство автоматов-уборщиков вышло из строя, а до ремонта руки еще не доходили. Мало, слишком мало человеческих рук на моем корабле...

— Заходи...

Я открыл двери своей каюты, прошел в ванную. Мальчишка пока не задавал никаких вопросов, и меня это вполне устраивало. Чем меньше он запомнит из происходящего, тем лучше для него. Когда он объяснит мне, откуда он появился, то получит пару таблеток сильного снотворного. А затем — полчаса полета на флаере и пробуждение на пороге дома. Корабль останется у него в памяти как красивая волшебная сказка...

В крайнем случае, на планете появится легенда о добром чародее из заколдованного волшебного замка.

Я установил температуру и напор воды, открыл упаковку бактерицидного мыла.

— Давай сюда.

— Я сам...

— Я помогу тебе. Не стесняйся.

Мальчишка взглянул на свои лохмотья. И с неожиданной иронией произнес:

— А мне уже и нечего стесняться.

Я помог ему снять лохмотья, поставил в центр ванны. И принялся за процедуру. Больше всего дальнейшее напоминало выкапывание картофеля с раскисшего осеннего поля.

Минут через десять я критически взглянул на результат своих усилий. Мальчишка выглядел вполне по-земному. Слегка загорелый темноволосый пацан, исцарапанный в самых неожиданных местах. Серьезных ран, слава Богу, не было. Сменив воду, я усадил его греться, а сам сходил в каюту.

Неожиданно возникающие проблемы лучше решать как можно быстрее. И с наименьшей затратой сил... Достав из нагрудного кармана пластинку внутрикорабельного фона, я коснулся сенсоров.

— Ланс, ты занят?

На маленьком плоском экранчике возникло лицо второго пилота. Судя по всему, он выбирался из узкой трубы, забитой паутиной проводов и вскрытыми коробочками логических схем. Даже не подозревал, что на корабле есть такие закоулки…

— Не слишком, капитан. Заканчиваю настройку внешних детекторов.

Я усмехнулся. Вещь нужная, но запоздалая.

— Ты можешь подойти ко мне в каюту?

— Конечно, капитан, — с готовностью отозвался Ланс. — Что-то случилось?

Я коротко пересказал ему произошедшее. Ланс тем временем выбрался из туннеля и, не прерывая связи, направился к лифтовым шахтам. Краем уха прислушиваясь к плеску за полуоткрытой дверью, я объяснил Лансу задание.

— Мальчишку надо накормить, напичкать всеми лекарствами, которые только можно ввести за один раз. Хорошенько расспросить, выяснить, где расположено его селение. И доставить на флаере прямо к порогу.

— Ясно.

Ланс уже спускался к нам в тесной кабинке скоростного лифта. Фон он продолжал держать перед собой, и я заметил мелькнувшую на его лице тень.

— Капитан, вы поручаете мне это задание, как самому младшему? — обиженно спросил он.

Я примиряюще улыбнулся. Настоящая причина была еще обиднее — Ланс разбирался в ремонте электронных схем немногим лучше меня.

— Да. Ты старше его лет на пять, вам будет легче найти общий язык. Надо побыстрее избавиться от нашего юного гостя и продолжить подготовку к старту.

Дверь лифта открылась. Ланс вошел, на ходу пряча фон в карман комбинезона. Коротко спросил:

— Он еще в ванной?

Я кивнул.

— Можешь вытаскивать его из воды, вытирать и приступать к кормлению. Управься побыстрее, хорошо?

Ланс хмуро пообещал:

— Обязательно, капитан. В кадетском корпусе мне часто давали в подшефные трудных новичков. Опыт имеется…

Я с трудом подавил улыбку. Ланса я знал достаточно долго, чтобы не обращать внимания на напускную свирепость. В честном бою семнадцатилетний пилот мог хладнокровно прирезать пару-другую противников. Но беззащитному мальчишке он не даст даже шлепка.

Прикрыв глаза, я погрузился в дремоту. Имею я право еще на час сна, пока Ланс будет возиться с юным туземцем…

— Капитан!

Я удивленно посмотрел на Ланса, прогоняя сонное оцепенение. Такого удивления в его голосе не было даже после поединка в Храме Вселенной, когда я убил непобедимого Шоррэя Менхэма, владеющего мечом раз в сто лучше меня…

— Капитан, — уже тише повторил Ланс. — Простите, но…на каком языке вы разговаривали с мальчиком?

Наш ночной гость стоял за Лансом, кутаясь в огромное пушистое полотенце и с любопытством поглядывая на пилота.

— Глупый вопрос…на стандартном галактическом, конечно. Других я не знаю.

— Знаете, капитан, — тихо возразил Ланс. — А на галактическом мальчишка не понимает ни слова.

Усталость окончательно лишила меня способности соображать. Я упрямо повторил:

— Мы говорили на стандарте, Ланс.

— Откуда он может знать галактический язык? Планета крайне отсталая, корабли на ней приземляются лишь случайно. Согласно справочникам, туземцы общаются на нескольких местных диалектах…

Я подошел к мальчишке, присел перед ним на корточки. Спросил:

— Ты понимаешь мою речь?

— Да.

— А то, что говорит мой друг?

— Нет.

Я начал кое-что понимать — но все еще слишком медленно. И тупо спросил:

— Каким языком ты владеешь?

Мальчишка зевнул. После горячей ванны он совсем размяк, его неудержимо тянуло в сон.

— Русским.

Я сел. Хорошо хоть не из стоячего положения. А Ланс разочарованно спросил:

— Так что же, это и есть Земля, принц?

Глава 17

МОЗГОВАЯ АТАКА

Комната для совещаний рассчитана на большой, полноценный экипаж. Сейчас, когда в ней находились только четыре человека, она казалась пустой.

Я обвел взглядом товарищей. Эрнадо, мой наставник в воинском искусстве, бывший сержант, а ныне лейтенант императорских ВВС планеты Тар. Развалившись в удобном мягком кресле, в накинутом поверх комбинезона свободном «электризованном» плаще, он выглядел более чем мирно — если бы не корявые шрамы на скуле.

Ланс. Единственный курсант, уцелевший из двухсот тридцатого выпуска офицерского корпуса на Таре. Получивший орден Верности — высшую награду своей планеты... И лишенный звания за решение прервать обучение и отправиться со мной в бесконечный полет к Земле.

Редрак Шолтри. Один из лучших пилотов планеты Дальедо. Подонок. Мошенник. И — после сеанса гипнотического кодирования — мой охранник поневоле.

Экипаж. Два друга и один недовраг. Люди, по самым разным причинам решившие помочь мне в поисках Земли.

Молчание затягивалось. Наверное, у всех было что сказать, но правила устава и неписаные законы корабельной этики требовали первого слова от капитана.

— На моей планете, — начал я, — на той самой, которую мы так успешно ищем уже два года, есть понятие мозговой атаки. Суть ее проста: говори любой вздор по интересующей проблеме, а потом разбирайся, не сказано ли случайно чего-то умного.

— Ты всегда так делаешь, — буркнул Эрнадо. Наш давний уговор избавлял его от излишней почтительности в отношении ко мне.

Ланс кивнул, молча соглашаясь то ли с Эрнадо, то ли с моим предложением.

Редрак заерзал в кресле. Недовольно произнес:

— Я хотел бы вначале получить больше информации, капитан. Поговорить с мальчишкой...

— Он спит, — твердо возразил я. — Мальчик целую ночь провел в лесу, под проливным дождем, ему надо отдохнуть.

— Можно и разбудить, ничего страшного не случится. Лишняя сентиментальность...

— Отставить, Редрак! — оборвал я его. — Мальчишка с моей планеты, понимаешь! Я за него отвечаю. И пока остаюсь капитаном на корабле, он будет здесь гостем, а не пленником!

— Я не совсем уверен, что мальчик действительно с Земли, — упрямо не сдавался Редрак.

— Мы с Лансом проверяли все его слова на детекторе лжи. Тебе ведь знакомо это устройство? — съязвил я. Редрак замолчал. Удовлетворенный этим, я продолжил:

— Итак, что нам известно? Мальчика зовут Даниил, ему одиннадцать лет...

— Это земное имя? — быстро спросил Редрак.

— Земное. Не самое распространенное, но... Он живет в городе Курске. Это земной город, Редрак! Я бывал там, проездом. И даже помню улицу, которую назвал мальчик.

Редрак удовлетворенно кивнул. Эрнадо ухмыльнулся. Он откровенно забавлялся происходящим, тем усердием, с которым Шолтри пытался разоблачить подозрительного пришельца и отвести от меня малейшую опасность. Что поделаешь — если Редрак Шолтри почувствует личную вину за случившееся с кем-нибудь из экипажа несчастье, в его подсознании сработает «мина замедленного действия». Гипнотический приказ активизируется, и он умрет...

Что он находится не на Земле, Даниил не предполагал. По его словам, он заблудился в лесу, попал в какое-то болото и очень долго выбирался оттуда. Потом стемнело, он шел через лес, не останавливаясь, потому что было очень холодно и лил дождь. Даниил заметил, что деревья вокруг «странные», но значения этому не придал. Потом, наткнувшись на корабль, решил, что это завод или станция космической связи.

Нашел люк и принялся в него стучать...

— Удивительная история, — саркастически заметил Редрак. — Заблудился на одной планете, нашелся на другой. Шел через лес, раскинувшийся на полконтинента, а набрел на единственный в этом мире звездолет. Причем именно в тот момент, когда защитные системы выведены из строя, а капитан уснул в шлюзе и может услышать стук. Постучаться в люк звездолета — это же надо додуматься!

Я хотел было одернуть Шолтри. Но меня опередил Ланс:

— Недоверчивость штука полезная, Редрак. Но если ты не веришь мальчишке, выскажи логичную версию случившегося.

Редрак пожал плечами.

— С удовольствием. Начнем мозговую атаку с меня, капитан?

Я кивнул.

— Версия первая — мальчишка не землянин. И вообще не человек. Это существо — назовем его так, владеющее телепатией и способное перестраивать свое тело. Оно вытащило из памяти капитана все, необходимое для имитации земного ребенка, и проникло в корабль. Существо притворяется землянином — потому что это родная планета капитана, первого, кто встретился ему на корабле. Существо приняло облик ребенка, потому что это усыпляет нашу бдительность... или же ему просто не хватает массы для имитации взрослого человека.

— А после того, как существо нас всех сожрет, массы у него хватит для имитации бегемота, — серьезным тоном подхватил Ланс. — Чушь, Редрак! Подобное сверхсущество сразу разделалось бы с капитаном, затем — со мной. Сейчас оно бы заканчивало переваривать вас с Эрнадо. К тому же мы проверили мальчишку кибердиагностом. Никаких отклонений в организме нет.

— Те остатки диагностической аппаратуры, которые есть на корабле, ничего серьезного не выявят, — неожиданно пришел на помощь Редраку Эрнадо. — Первая причина гораздо убедительнее. Полуразумный хищник напал бы сразу. Разумное существо придумало бы более стройную версию.

— Хорошо, — легко согласился Редрак. — Версия вторая. Мальчик — местный житель, опять-таки владеющий телепатией. Аборигены заслали его, чтобы овладеть кораблем. Возможности у него невелики, сил наших он не знает... Вот и ждет, пока мы утратим бдительность.

На этот раз возражений не последовало. Но и поддержки Редраку не оказали.

— Твои версии кончились? — поинтересовался я. — Знаешь, на Земле ты стал бы неплохим сценаристом фильмов ужасов... Ланс?

— У меня лишь одна версия, — слегка смущенно начал Ланс. — Наверное, я слишком доверчив, но мальчику вполне верю. Дело в том, что, согласно теории гиперпространства, возможны самопроизвольные проколы четырехмерного континуума. Короче, мальчик действительно с Земли. По естественным причинам возник гипертуннель, перебросивший его на эту планету.

— Слишком уж дикое совпадение, — презрительно возразил Редрак. — Мальчик попал туда, где находится единственный во Вселенной землянин, покинувший свою планету!

— А ты знаешь, что теория гиперпространства не разработана до конца? — с неожиданным жаром возразил Ланс. — Капитан мог сыграть роль катализатора переноса, живого маяка, на который наводится гипертуннель! Мальчик попал туда, где есть крошечная частица Земли!

Я засмеялся. Сказал, обращаясь к слегка покрасневшему Лансу:

— Слушай, твоя версия вполне правомерна... Я просто восхищен двумя новыми именами, которые сейчас получил. Живой маяк и крошечная частица Земли... Куда лучше, чем игрушечный лорд, верно?

— Катализатор переноса — тоже неплохо звучит, — задумчиво сказал Эрнадо.

Ланс покраснел до корней волос. Пробормотал:

— Я же образно...

Привстав из кресла, я пожал ему руку. Сказал:

— Мир, пилот. Извини. Честно говоря, твоя версия мне очень нравится... Эрнадо?

Мой бывший инструктор достал из кармана коробочку со стимулятором. Отправил в рот пахнущий цитрусами шарик. Тихо произнес:

— В случайный гиперпереход я не верю... Если уж высказывать сумасшедшие версии, то вот одна: Даниил — действительно мальчик с Земли, но умеющий усилием воли переходить через гиперпространство. В космосе ходят легенды о таких людях... В такой версии наш капитан действительно мог сыграть роль «маяка».

— Это лишь легенды, — с сомнением сказал Ланс. — Из разряда живых планет и озер бессмертия. Такие трюки были не под силу даже Сеятелям и их врагам.

— Возможно. Вторая версия будет реальнее...

— Спасибо, что предупредил... — буркнул Редрак.

— Она соединяет в себе предположения Ланса и Редрака, — невозмутимо продолжал Эрнадо. — Я начну издалека. Как получилось, что мы вышли из промежуточного гиперпрыжка возле этой планеты, а не в районе Схедмона, куда направлялись?

— Флюктуация поля, — с досадой ответил Редрак. — Такое случается, хотя и редко.

— Очень редко. Тебе это известно лучше меня... Продолжим. Что делал на орбите планеты пиратский корабль? Здесь для него нет никакой поживы.

— Скрывался от патрульных крейсеров сектора, — предположил Ланс.

— Тоже возможно. Но зачем он атаковал наш звездолет? На полицейский крейсер мы не похожи, но и на легкую добычу — тем более. Что и подтвердилось в ходе боя.

— Ты хочешь сказать, — вступил я в разговор, — что против нас идет война?

— Война, или жестокая игра — как угодно. Мы искали Землю два года, капитан. И большей частью путешествие напоминало экскурсию по малоисследованным районам космоса. Прыжок к звезде спектрального класса Солнца, проверка планет... Еще два-три прыжка — и возвращение на ближайшую обитаемую базу. Ремонт, заправка, отдых... Но за последний месяц ситуация изменилась. Карантин на Ледовом Куполе. Некачественное горючее, проданное на Оранжевой. Отказ в ремонте корабля шестой и четырнадцатой космобазами. Полицейский штраф за сверхнормативное излучение двигателей.

— Ты хочешь сказать, — с тихой яростью произнес Редрак, — что все неприятности начались после моего появления на корабле? Не так ли?

Эрнадо выдержал его взгляд.

— Верно. Из-за твоего появления на корабле, но вовсе не из-за тебя самого. Подобный массированный нажим тебе просто не под силу. Скорее, ты действительно навел нас на след Земли. И кому-то это не понравилось.

Наступила тишина. Я с трудом заставил себя заговорить:

— Эрнадо, ты ошибаешься. Кому повредит, если мы найдем Землю? В галактике десятки тысяч обитаемых миров, торгующих и враждующих между собой, на всех ступенях развития — от деревянного плуга до гиперпространственных звездолетов. Кому помешает еще одна — не самая цивилизованная, не самая сильная и даже не самая красивая? Кто будет нам мешать?

— Не знаю, капитан. Но я чувствую нажим — и он все усиливается. Началось с мелких неудобств — а кончилось космическим боем. И мальчик — лишь очередное звено в цепи.

— Очередное мелкое неудобство, — попытался пошутить Редрак.

— Надеюсь, что так. Я думаю, что Ланс прав, и Даниил действительно с Земли. Допускаю, что сам он не подозревает о происходящем... Но появился он у корабля не случайно. Его доставили с Земли — во сне, или под парализующим лучом, похитив во время прогулки в лесу. Гиперпространственный туннель выбросил бы мальчишку в любой точке планеты, так что с ним наверняка были сопровождающие на катере. Даниила высадили возле нашего корабля, задали направление движения под легким гипнозом... И проконтролировали дальнейшее, пользуясь тем, что наш корабль после поя ослеп и оглох.

— Переброска катера через гипертуннель... Десять — пятнадцать тонн массы, — вслух прикинул я. — Ты представляешь, сколько энергии на это уйдет? Дешевле нанять эскадру кораблей для нашего уничтожения! Чем может помешать одиннадцатилетний пацан, не знающий о своей роли!

— Скажи честно, Сергей, — тихо спросил Эрнадо. — Когда ты узнал, что мальчик с Земли, поговорил с ним — тебе не захотелось бросить поиски? Вернуться на Землю через гиперпереход, увидеть родных и друзей — зажить прежней жизнью, но с новыми знаниями и возможностями?

Я до боли сжал кулаки. Эрнадо попал в точку.

— Ностальгия — наше общее свойство, — задумчиво сказал Эрнадо. — И разбудить ее несложно. На тебе решили испробовать еще одно оружие, психологическое. Вполне гуманное.

Я покачал головой.

— Гуманное оружие меня не возьмет. Я не откажусь от поиска.

— В таком случае Даниил тоже окажется при деле. В его сознание могли ввести кодированный приказ — взорвать реактор или убить тебя в том случае, если ты не решишь вернуться на Землю.

По спине прошел ледяной холодок. Мирно спящий в моей каюте мальчишка мог внезапно превратиться в смертельного врага. Беспомощный ребенок, которого я отмывал и перевязывал час назад, мог стать вполне опасным противником, если в его сознании проявится гипнотический приказ.

— Такое впечатление, Эрнадо, — произнес я, — что для своей мозговой атаки ты собрал все наше серое вещество. Не знаю, чья версия более верная, но действовать придется, исходя из твоей.

Редрак удовлетворенно кивнул. Ланс отвел глаза.

— Первое. Все расходятся по каютам. Для меня и Ланса — сон шесть часов, для Эрнадо и Редрака — четыре. Надо отдохнуть.

Возражений против неравенства отдыха не последовало.

— Эрнадо и Редрак должны через два часа после сна подготовить к действию наблюдательные системы звездолета и один из боевых катеров. Мы с Лансом... и мальчиком совершим небольшую экскурсию по планете.

Редрак поморщился, но спорить не решился.

— Второе. В общении с Даниилом придерживаться версии Ланса. Мальчик не должен знать, в чем его подозревают. После возвращения на ближайшую развитую планету мы переправим его через гипертуннель на Землю.

— Если сможем оплатить гиперпереход, — пессимистично заметил Эрнадо. — Ремонт корабля сожрет остатки нашего кредита...

— Третье. До тех пор, пока поведение мальчика адекватно, и он не предпринимает враждебных действий, Даниил становится членом экипажа корабля. Юнгой или кадетом — как угодно.

Редрак страдальчески покачал головой. Мой третий приказ был рассчитан именно на него. Теперь дальедианец вынужден охранять жизнь мальчика, как свою собственную.

— На этом все. Отдых. — Я поднялся из кресла.

— Капитан, переведите мальчика из своей каюты ко мне или к Эрнадо, — безнадежным тоном попросил Редрак.

Я с сочувствием посмотрел на него. И успокоил:

— Он останется со мной, но твоей вины в этом нет. Ты меня предупреждал. Так что, твой психокод не активируется, даже если Даниил придушит меня во сне. Спокойной ночи.

В каюте было темно, лишь на панели внутрикорабельного фона светился желтый огонек.

— Слабый свет, — без особой надежды на успех попросил я.

Потолочные панели разгорелись мягким матовым светом. Я удивленно покачал головой. Молодец, Редрак. За ремонт сервисных устройств отвечал именно он.

Я бесшумно прошел через комнату. Апартаменты из четырех помещений на корабле полагались лишь капитану. Все остальные довольствовались каютой из одной-единственной комнаты.

Открыв дверь в спальню, я прошептал:

— Ночник, слабый свет.

Над кроватью появилось бледное розовое свечение. Я подошел ближе.

Даниил спал, обхватив обеими руками подушку. Скомканное одеяло валялось на полу.

Интересно, как можно сбросить во сне «электризованное» одеяло? Наверное, нужен большой опыт по борьбе с обычным...

Я осторожно укрыл мальчишку. Тонкое одеяло словно парило в воздухе, едва касаясь маленького тела. На коже слегка поблескивали полоски защитной пленки, прикрывающие многочисленные порезы.

— Спи, малыш, — прошептал я. — Спи, Данька...

Если в его сознание действительно заложена кодированная программа, то я найду человека, отдавшего приказ, и убью его. Если же никакой программы нет, то я убью того, кто бросил полуодетого ребенка посреди инопланетного леса.

Мы, земляне, очень жестокие люди.

Я провел ладонью по мягким взъерошенным волосам Даниила. Все-таки, он очень счастливый человек. День назад он был на Земле, дышал ее воздухом и шел по нормальному, доброму лесу. Через неделю Данька окажется там снова.

Для меня дороги на Землю нет.

Я достал из стенного шкафа чистое белье. На цыпочках вышел из спальни. Ненужная предосторожность — мальчика сейчас не разбудит никакой грохот. Усталость плюс таблетка снотворного — очень надежная смесь.

Постелив себе на кушетке в кабинете, я прошел в душ. Постоял несколько минут под прохладными струями воды. Насухо вытерся, не одеваясь прошел в кабинет. С наслаждением вытянулся на чистой постели. Прошептал, чувствуя, что погружаюсь в сладкие глубины сна:

— Сигнал на пробуждение через пять часов сорок минут.

— Таймер включен, — таким же тихим шепотом отозвался сервисный блок у изголовья.

Уже засыпая, я с раскаянием подумал, что так и не принял участия в «мозговом штурме». И не высказал собственную сумасшедшую идею, до сих пор кружащуюся в голове...

Глава 18

РЕЙД

Когда диафрагма люка разошлась, и катер плавно вылетел из ангара, Даниил быстро обернулся.

На экране заднего обзора был виден стремительно удаляющийся корабль. Серебристый шар, вцепившийся в землю десятком толстых опорных колонн, окруженный кольцом поваленных и обгоревших деревьев, напоминал Храмы Сеятелей. Очень слабо, конечно. Так дешевая малолитражка походит на шикарный «Роллс-Ройс»...

— Вот теперь я верю, что мы не на Земле, — прошептал мальчишка.

Я кивнул. Встающее за кораблем солнце было цвета тусклой меди и раза в два больше земного светила. Истинные размеры, конечно, различались еще сильнее. Звезда Шор-17 представляла собой типичный красный гигант.

— Всегда знал, что со мной случится... такое, — продолжал Даниил.

Все мы в детстве верим в свою неординарность. Именно нам предназначены удивительные приключения и древние клады, прекрасные принцессы и страшные чудовища. Может, это и к лучшему, что мы так быстро забываем детские мечты. Иначе не все нашли бы в себе силы жить.

Ланс, сидящий в кресле пилота, вполголоса произнес:

— Эрнадо, спасибо, мы вышли из зоны защиты. Включай генератор.

В голографическом тумане видеокуба возник розовый купол, окружающий корабль. Нейтрализующее поле, выключенное на момент нашего старта, вновь прикрывало звездолет.

Даниил, как зачарованный, уставился на видеокуб. Потом перевел взгляд на Ланса. Спросил:

— Он не понимает по-русски, капитан?

— Нет. Мы общаемся на стандартном галактическом, это основной язык гуманоидных планет. Кстати, когда мы говорим неофициально, можешь звать меня Сергеем. А то я рискую забыть собственное имя.

— Ладно. Тогда вы меня зовите просто Данькой, — серьезно сказал мальчишка.

Я кивнул.

Даниил снова посмотрел на Ланса. Вполголоса произнес:

— Он совсем, как человек, точно? А тот, серокожий, сразу видно, что инопланетянин.

— Его зовут Редрак.

Данька вдруг хихикнул. Поймав мой недоуменный взгляд и пояснил:

— Ред Рак. Я анекдот вспомнил... Про фамилию Блюхер, которая с английского не переводится.

Я с трудом подавил хохот. Анекдот я помнил, и связь уловил сразу. Почему-то ни на одной планете анекдоты не были так распространены, как на Земле... Но Даниила придется одернуть.

— Слушай меня внимательно и запоминай получше, юнга, — сказал я.

Данька сразу сжался, словно понял, что сморозил глупость.

— В галактике тысячи планет, населенных людьми. Иногда они очень похожи на землян, часто многим от нас отличаются. Серая кожа — это мелочь по сравнению с роговым панцирем или игольчатой шерстью. Но все мы происходим из общего источника — всех нас создали Сеятели. В большинстве своем жители разных планет генетически совместимы. Понимаешь?

Мальчишка неуверенно кивнул.

— Я встречал много имен, звучащих для землянина более чем забавно. Но иронизировать над ними не стоит. Хотя бы для собственной безопасности. Земля и так не слишком уважаемая планета. Понял?

Данька быстро кивнул. Жалобно произнес:

— Я больше не буду...

Удовлетворившись эффектом, я отвернулся. Ланс незаметно подмигнул мне. Смысл разговора он не понял, но строгий тон в переводе не нуждался. Спросил:

— Учите кадета вежливости, капитан?

— Приходится.

— Полезное занятие... Пойдем по спирали, капитан?

— Да. Понимаешь, что мы ищем?

— Чужой катер.

— Скорее, его след. Шансов мало, но стоит попробовать.

Мы летели невысоко, метрах в двадцати над деревьями. Скорость полета мешала разглядеть что-либо детально, но на зрение мы и не полагались. Работали поисковые детекторы, просматривая лесную чащу во всех возможных диапазонах. Скопление металла, тепловое излучение, источник радиоактивности — все это могло навести на след.

— Капитан, — тихо позвал Данька. — Капитан...

Я посмотрел на мальчишку. Господи, да он до сих пор выглядел, как побитый... Пожалуй, я выбрал слишком суровый тон.

— Что, Данька?

Он чуть приободрился.

— Капитан, а почему Земля — не очень уважаемая планета? Из-за того, что мы все время воюем, да?

Меня слегка передернуло. Какой же я идиот... Ведь вполне достаточно узнать от Даниила о случившемся за последние два года на нашей с ним родине...

Продукты по карточкам, электроэнергия по три часа в день, промерзающая зимой квартира... Это с той стороны, к которой принадлежал Даниил.

Дачи на черноморском побережье, многоэтажные особняки, длящиеся неделями банкеты. Это для других...

Этап первоначального накопления капитала. Законы истории, черт бы их всех побрал!

А еще — леса, куда ходят не гулять, а собирать грибы и ягоды, насквозь пропитанные химикатами. Захоронения токсичных отходов, привезенных из благополучных, добропорядочных стран. Сменяющие друг друга правительства. Бесконечные конфликты на непризнанных границах. И преступность — повсюду, от школы, где учился Даниил, до улиц, пустеющих с наступлением темноты.

Мир, из которого хочется убежать. Мир, где только дети верят в возможность бегства. Но при этом абсолютно уверены — где бы они не оказались, там будут властвовать те же законы. Право сильного. Право одного решать за многих. Право на незыблемость лживой истины.

Неужели я хочу, чтобы Данька запомнил и этот мир таким? Строгой отповедью очередного начальника, увешанной оружием формой... Презрением к его собственной планете.

— Это длинная история, малыш, — ласково сказал я. — Но дело вовсе не в том, что мы хуже других.

Мальчишка быстро кивнул. Словно соглашался с тем, что никаких объяснений не будет...

Я вздохнул и повернулся к нему вполоборота.

— Время, в общем-то, есть, — не очень последовательно заявил я. — Так вот, все началось миллионы лет назад. В нашей галактике существовала цивилизация, называющая себя Сеятелями. Больше всего она любила воевать... и создавать новую жизнь.

Я говорил, стараясь лишь подобрать выражения попроще. О Сеятелях, оставивших перед своим исчезновением зародыши жизни на всех кислородных планетах. О Храмах-маяках, позволяющим возникшим цивилизациям летать от планеты к планете. О Земле, на которой почему-то не был построен Храм. И о том клейме, знаке неполноценности, которое из-за этого легло на наш мир.

Я рассказал ему о принцессе с планеты Тар, которая, следуя древнему обычаю и полудетской причуде, объявила меня своим «ритуальным» женихом. О ее подарке — кольце, заключавшем в себе устройство гиперперехода. И о том, как она позвала меня на помощь — спасти ее мир, попавший в ловушку своих собственных обрядов. Об Эрнадо, ставшем моим учителем.

Данька следил за мной горящими глазами, когда я описал бегство из дворца на флаере с неработающим двигателем, встречу с Лансом на базе императорских ВВС. Он затаил дыхание, когда я рассказал ему про дуэль с Шоррэем — самоуверенным суперменом, правителем Гиарской Федерации. И сжал кулачки, словно собираясь броситься в драку, когда я объяснил, почему был вынужден, уже став принцем, отправиться в добровольное изгнание, на поиски планеты, которой нет, нашей родины — Земли.

— Так значит, вы принц? Повелитель целой планеты? — вымолвил он наконец.

— Формально. Пока Земли нет на звездных картах — я бродяга. Пришелец ниоткуда.

— Все равно... Вы же найдете Землю?

— Не знаю. — Я словно достиг невидимой границы откровенности. Психокод, заложенный в сознание мальчика? Чушь... И все же я сказал:

— Возможно, я вернусь вместе с тобой.

Мне показалось, что Даньку эти слова не очень-то обрадовали. Но сказать он ничего не успел.

— Впереди селение, — слегка изменяя курс, сказал Ланс.

— Сейчас пролетим над деревней, — перевел я, автоматически переходя на русский. Коснулся управляющей панели, переключая боковые экраны на обзор пространства под катером. Данька вздрогнул — впечатление было таким, словно мы внезапно завалились набок. Под нами стлался коричнево-серый ковер леса. При дневном свете он выглядел ничуть не гостеприимнее, чем ночью.

— Сбавь скорость до двухсот, — приказал я. — Хочется взглянуть на аборигенов.

Через мгновение лес начал редеть. Появились выжженные проплешины, квадратики засеянных каким-то злаком полей. Подсечно-огневое земледелие, один из самых примитивных способов добывания пищи.

Потом поля кончились. Мелькнули цепочки изгородей, маленькие конусообразные хижины, чем-то напоминающие африканские. Между ними, застыв в самых причудливых позах, прижимаясь к земле, смотрели в небо люди. В длинных меховых накидках, с неожиданно белой кожей и соломенно-желтыми волосами.

— Типичная реакция гуманоидов на незнакомый летающий объект, — пояснил Ланс. — Нас учили основам контактологии. Если здесь найдут ценные руды или экзотические полезные растения — планета быстро цивилизуется. Какой-нибудь развитой мир установит над ней протекторат...

Деревня осталась позади.

Контактология, протекторат, экзотические растения... Мой мозг преобразует стандартный галактический язык в понятные мне слова. Для Даньки, возможно, они звучали бы, как наука о контактах, опека, редкие травы...

А для более умного, чем я, представителя землян, понятия стали бы еще сложнее — и наверняка лучше передавали бы истинный смысл галактического языка...

— Теперь ты видишь, что это не Земля, — иронически сказал я Лансу. — Мы с Данькой на этот народ ничем не походим.

Ланс молча кивнул.

Ничем не походим... Так ли это? Цвет кожи и волос — детали, я сам объяснял это Даниилу. Главное — уровень технологии. И в этом отношении Земля такая же отсталая планета, как негостеприимный мирок, вращающийся вокруг холодной звезды Шор-17. Над нами тоже могут установить опеку. И начать разработку урана — он ценится в космосе не меньше, чем у нас. Вывозить павлиньи перья и китайские шелка, индийские пряности и древние картины. Попутно Землю «цивилизуют», прекратят на ней мелкие ненужные войны, а взамен начнут вербовать молодежь в армию планеты-покровителя...

Может быть, нам несказанно повезло, что на Земле нет Храма? Мы развиваемся сами, не чувствуя своей ущербности. Мы тянемся к звездам, не предполагая, что можем оказаться в длинной шеренге отсталых, никому не интересных миров... Стоит ли искать Землю, открывать к ней широкую дорогу вместо нынешней извилистой тропинки? Не лучше ли вернуться на нее вместе с Даниилом... или хотя бы прекратить поиски, за которые в будущем меня будут проклинать тысячи поколений землян.

— Еще одно селение. — Голос Ланса вырвал меня из задумчивости. — Мы прочесали круг радиусом в сто километров вокруг корабля. Никаких следов...

— Продолжаем поиск. — Я сказал это не только Лансу, но и самому себе.

Я должен найти Землю. Хотя бы потому, что на ней уже побывал проходимец, купивший плутоний и титан за несколько дешевых технических новинок. И Данька, обычный мальчишка с Земли, не случайно оказался возле моего корабля. Кто-то включился в игру — а призом в ней Земля. И лучше уж протекторат Тара, обязанного своей свободой землянину, чем любого другого мира. Пусть я и не стану правителем Тара, но принцесса никогда не причинит зла моему миру.

Я найду Землю — или погибну. Это даже больше, чем любовь. Это жизнь Земли, породившей меня, и все, что мне дорого. Я буду убивать и нарушать незыблемые галактические законы, смогу стать предателем и палачом. Но Земля должна остаться свободной. Память миллионов предков, соленая вода земных океанов в моей крови — все это никогда не даст мне отступить.

— Снова деревня! — Данька с восторгом повернулся ко мне и снова прилип к экрану. Он искренне наслаждался происходящим. — А эти разбежались, трусы...

Ланс с улыбкой посмотрел на меня. Спросил:

— Даниил в полном восторге?

Я кивнул. Что-то заставило меня насторожиться...

— У вас красивый язык, принц. Непонятный, но его приятно слушать. Даже хочется выучить…

— Я русский бы выучил только за то, что им разговаривал принц… — привычно сострил я и вдруг замолчал, сообразив, что меня насторожило.

— Поворачивай к селению, Ланс!

Вначале пилот выполнил приказ — с такой скоростью, что шар гравикомпенсатора сжался, поглощая предельные перегрузки. Ланс почти мгновенно изменил направление движения на противоположное. Данька застонал — для него оказалась чрезмерной даже полуторная перегрузка. И лишь потом Ланс спросил:

— В чем дело, капитан?

— Двоечник, — выдавил я, преодолевая навалившуюся тяжесть. — Чему тебя только учили в офицерском корпусе? В этой деревне жители нестандартно реагируют на появление катера! Они видели летающие машины и раньше!

— Понял…

Катер завис над конусообразными хижинами. Шар гравикомпенсатора медленно расширялся, вываливая на нас собранную про запас гравитацию. На окраинах селения виднелось несколько фигур, стремительно улепетывающих в лес. Женщины с детьми, отряд рослых мужчин с копьями… Два крепких аборигена, поддерживающих дряхлого старика.

— Парализатор на ту троицу, Ланс! Это старейшина, он должен многое знать!

Из днища вырвался почти невидимый голубой луч. Запоздавшие беглецы повалились на землю.

— Я обездвижил всех, капитан. На всякий случай, чтобы избежать нападения…

— Три с плюсом, пилот. — Я подхватил под мышки едва шевелящегося Даньку. — Спускайся.

Люк катера раскрылся, я выбрался наружу, с трудом удерживая на руках потяжелевшего мальчишку. Перегрузка исчезла. Следом за нами выпрыгнул Ланс, словно и не замечая увеличившейся гравитации. В руках его покачивался чемоданчик лингвенсора.

Мы отошли на пару шагов от катера, и тяжесть отпустила. Данька немедленно выбрался из моих объятий, помотал головой, спросил:

— Что это было, Сергей?

— Потом объясню. Держись у нас за спиной, ясно?

Мы побежали вдоль хижин по утоптанной глинистой почве.

— Вот они, капитан!

Мы остановились перед неподвижными фигурами. Старик и двое стражей, распластавшиеся на земле.

— Активируй старика, Ланс.

Ланс склонился над предполагаемым старейшиной деревни, провел вдоль его тела диском депарализатора. Старик шевельнулся. Ланс торопливо раскрыл чемоданчик лингвенсора, набрал несколько команд на клавиатуре. Извиняющимся тоном произнес:

— В памяти машины лишь один диалект этой планеты. Надеюсь, его хватит…

Я нагнулся над стариком. Сказал:

— Мы пришли с миром и не обидим никого из вас. Не нападайте первыми, и все будет хорошо.

Лингвенсор издал серию отрывистых, лающих фраз. Старик с трудом поднялся — и заговорил на таком же грубом, неприятном языке. Лингвенсор перевел:

— Демоны, пришедшие с неба и говорящие словами горных варваров. Что вам нужно от нас снова? Вы обещали уйти навсегда!

Мы с Лансом переглянулись.

— Вы не ошиблись, капитан. Здесь уже побывали до нас…

— Допроси его, Ланс. Мне нужна вся информация. Вся, целиком, даже если тебе придется выжать его мозг.

Ланс с небольшой заминкой кивнул.

— Слушаюсь, капитан.

Данька тронул меня за руку.

— Сергей… а что мы хотим узнать?

— Понимаешь ли, — самым невинным тоном произнес я, — мы ищем своих знакомых, которые должны были прилететь на планету раньше нас. Я очень боюсь с ними разминуться.

Данька кивнул. И принялся с неподдельным любопытством разглядывать валяющегося в сторонке аборигена. Мужчина был вооружен коротким копьем и мечом из напоминающего бронзу сплава. Потом мальчишка уставился на мой собственный меч, висящий в ножнах за спиной. Похоже, вечером мне придется объяснять ему принцип действия плоскостного оружия…

Глава 19

СЛЕД В НЕБЕ

Мы ожидали Ланса в шлюпке, благо гравикомпенсатор уже успел разрядиться. Коротая время, я успел описать Даньке возможности боевого катера и особенности управления им. Объяснения облегчались тем, что я не понимал многого из собственного рассказа, а мальчик, в свою очередь, боялся переспросить незнакомые ему термины.

Ланс вернулся минут через двадцать. Едва увидев его лицо, я включил прогрев двигателей катера.

Опустившись в свое кресло, Ланс торопливо произнес:

— Мы выследили их, капитан. Я включаю связь с кораблем, хорошо?

Я кивнул. Подождав, пока на экране появится лицо Эрнадо, Ланс принялся рассказывать.

Первый раз жители деревни увидели катер прошлым утром. Он приземлился посреди деревни, и «демон с пылающим мечом» потребовал от жителей воды и пищи. Дары были немедленно принесены, и демоны улетели. Кто-то из аборигенов заметил, что в открывшемся люке мелькнула фигурка мальчика, сидевшего «как каменный». Услышав об этом, я с состраданием посмотрел на Даньку. Итак, его все-таки держали под гипнозом. Легкая добыча — ребенок, видевший гипноз лишь в выступлениях телешарлатанов.

Ночью демоны появились повторно — и на двух катерах. Они потребовали еще пищи, а в единственный деревенский колодец опустили «гибкие трубы», высосавшие оттуда почти всю воду. После чего незваные пришельцы скрылись, пообещав, что больше в деревне не появятся.

— У них явно неприятности с продуктами, — злорадно сказал Ланс. — Если уж они польстились на местное зерно и грязную воду — значит, ситуация критическая. Но самое главное в том, что аборигены заметили, откуда появлялись и куда улетали катера! В сторону, противоположную восходу — где и обитают демоны, по мнению местных жителей.

— Тебе не пришлось применять силу? — спросил я.

— Нет. Чуть-чуть угроз и много обещаний.

Эрнадо волновали совсем другие проблемы.

— Какого типа были катера? — спросил он.

— Трудно добиться описания от человека, не державшего в руках ничего сложнее мотыги...

— Не скромничай.

— Скорее всего, малый разведывательный и десантный. Это, если судить по форме — линза и сигара.

Эрнадо прикрыл глаза, явно что-то вспоминая. Удовлетворенно кивнул. Сказал:

— Либо у них нестандартный набор снаряжения, либо — корабль крейсерского типа. Первое предпочтительней.

— Ты уверял, что наш корабль способен дать бой крейсеру, — вступил я в разговор.

— Но я не утверждал, что мы непременно выйдем из него победителями. Тем более, в нашем нынешнем состоянии.

— Ладно. Состояние корабля обсудим позже. Ланс, стартуй. Мы летим на запад.

Мы снова шли на предельно низкой высоте. Но на этот раз не в поиске чужаков. Бреющий полет уменьшал риск быть обнаруженными.

— Сергей...

Я вопросительно взглянул на Даньку.

— А мне обязательно возвращаться на Землю?

— Ну и ну... А родителей тебе не жалко?

Данька опустил глаза.

— Жалко... Но если уж я попал сюда... Они бы за меня обрадовались, я знаю. Мама всегда говорила, что на все готова, лишь бы я жил в нормальной стране.

Теперь настала моя очередь отводить взгляд. Мальчишка попал в самое больное место. Что дает мне право быть единственным землянином, вышедшим за пределы Солнечной системы? Могу ли я запретить чудом попавшему в далекий космос Даниилу хотя бы прикоснуться к чудесам галактической цивилизации?

Должен запретить.

— Даниил, — мягко сказал я. — Это вовсе не нормальная страна в понимании твоей мамы. Не Штаты и не Германия. Ты находишься в мире, состоящем из тысяч планет, очень часто и крайне жестоко воюющих между собой. Здесь тоже бывает скучно... и страшно, и больно. Многим приходится голодать, а многим — жить в самом настоящем рабстве. Добиться хорошей жизни здесь не легче, чем на Земле. Тем более ребенку, знающему в десять раз меньше, чем его здешние сверстники. Что ты будешь делать, если я вернусь на Землю?

Данька прошептал так тихо, что я едва услышал ответ:

— Помогите мне устроиться на какой-нибудь звездолет... я тоже буду искать Землю. Пусть она станет настоящей планетой.

Мне стало не по себе. Я крепко пожал его ладошку.

— Данька, ты молодец, но... Мы поговорим об этом позже.

Мальчик безнадежно кивнул. И спросил:

— А мне можно будет оставить эту одежду? На память...

Я вспомнил, с каким восторгом Данька надевал серебристо-серый полетный костюм, с трудом подобранный ему на складе. Магнитные застежки, тонкие перчатки, пристегнутые к рукавам, невесомый капюшон из короткого синтетического меха, вшитые в ткань датчики и индикаторы, режим мускульного усиления, многочисленные карманы, наполненные необходимым на корабле или в рейде снаряжением, пристегнутая к поясу кобура деструктора — пусть даже и пустая, ножны с тяжелым виброклинком, режущим дерево, как бумагу. Мечта любого мальчишки.

Но одновременно — крайне полезная штука для любого проходимца. И предмет национальной безопасности для государства, в котором Данька окажется после гиперперехода. Технология, заложенная в полетный костюм, на Земле неизвестна. Одна только формула синтетической ткани, выдерживающей жесткое рентгеновское излучение, не прожигаемой напалмом и отталкивающей концентрированные кислоты, послужит веской причиной для захвата мальчишки.

— Нет. Мы подыщем тебе что-нибудь попроще.

Данька кивнул и отвернулся к экрану. Черт возьми, единственное, чего мне не хватало — так это детских обид...

— Приближаемся к горам, — сказал Ланс. — Самое удобное место для скрытной посадки корабля...

Он вдруг замолчал, уставившись в видеокуб. Кроме далекой гребенки гор, там ничего не было видно, но катер вдруг стремительно пошел вниз.

— Что случилось? — Я подался к Лансу.

— Ионизированный столб! Там корабль, прогревающий двигатели перед стартом!

Теперь и я заметил тускло-желтую колонну, подымающуюся вверх над горами и медленно тающую в стратосфере. Раздробленный излучением воздух, заметный лишь для детекторов катера, плыл наверх, как дымок от разгорающегося костра.

Катер опустился среди деревьев, ломая ветки и подминая молодые деревца. Сверкнула вспышка лазерного луча — Ланс сжег слишком толстый ствол, оказавшийся под нами. Катер в последний раз тряхнуло, и выдвинутые до предела опоры коснулись грунта.

— Надеюсь, что мы сели не в болото, — бодро произнес Ланс. И переключил что-то на пульте. Изображение в видеокубе мигнуло и стало менее четким.

— Я отключил локатор, — пояснил Ланс. — Могут засечь.

Понимающе кивнув, я вгляделся в синтезированное компьютером изображение. Ионизированный столб становился все темнее и толще, расплывался, окутывая горы дымкой. Судя по силе излучения, там действительно находился крейсер.

Одно дело — искать стоящий на земле корабль, наверняка окруженный нейтрализующим полем. Прежде, чем поле успеют снять, катер, идущий на форсаже, окажется в тысяче километров от корабля, вне зоны поражения... И совсем другое — наткнуться на вражеский крейсер, готовый к старту, все защитные системы которого активированы. Нас могли сжечь раньше, чем мы осознали бы происходящее.

В полной тишине мы следили за экранами. Данька, не понимающий, что произошло, испуганно смотрел на меня, не решаясь ничего спрашивать.

— Вот он, — произнес Ланс.

В видеокубе уже не было нужды. Стартующий в сотне километров от нас крейсер был прекрасно виден и на обзорных экранах.

Маленький снежно-белый конус, под основанием которого дрожало багровое пламя, плавно поднимался над горами. Расстояние делало его безобидным, похожим на яркую елочную игрушку.

— Большой одиночный Рейдер, — прошептал Ланс. — Огневая мощность достаточна для подавления планетарной крепости. У нас не оказалось бы ни единого шанса...

— У Шоррэя Менхэма случайно не было наследников? — поинтересовался я. — Гиарский правитель тоже любил белый цвет.

— Это просто защитная обшивка, рассеивающая лазерное излучение. Ее изобрели еще пять лет назад... но я никогда не слышал, чтобы выработанного материала хватило на покрытие целого корабля. Максимум — на оболочку для боевого катера.

— Ясно. Дай связь с кораблем по узкому лучу.

Ланс склонился над пультом связи, нацеливая на наш корабль узконаправленный передатчик. Белый конус крейсера таял в небе.

— Это и есть ваши друзья, капитан? — спросил Данька.

— Да, — неохотно ответил я.

— У меня тоже были такие приятели. Я однажды полдня от них прятался в школьном спортзале, под матами. Меня на счетчик поставили, а денег не было.

Секунду мы с Данькой внимательно разглядывали друг друга. Потом я сказал:

— Данька, в твоем возрасте меня тоже обижало, что взрослые считают детей глупышами. Ты прав, это именно такие друзья. Но я не могу тебе ничего объяснить. Считай это военной тайной.

— Хорошо, капитан, — серьезно ответил Данька.

Я пожал ему руку — крепко, как взрослому. И повернулся к Лансу.

— Скоро будет связь?

— Сейчас...

По экрану фона скользили расплывчатые серые тени.

— Изображения не будет, капитан, только звук. Слишком уж далеко.

— Ерунда... Эрнадо, ты видишь корабль?

— На связи Редрак. Эрнадо в боевой рубке.

— Подключай его к разговору.

— Есть, капитан.

— Вы лоцируете крейсер?

В разговор вступил Эрнадо.

— Конечно, капитан. Он в прицеле, и я должен признаться, что полностью он там не помещается.

— Мы можем его достать?

— Это приказ?

Я заколебался.

— Нет, просьба.

— Тогда не можем.

— Ты встречал корабли подобного типа?

— Да, к сожалению. Но не в противолазерной броне.

— Как его можно уничтожить?

— Очень просто. Берется эскадра из десяти-двенадцати кораблей нашего класса...

— Можешь не продолжать.

Я развел руками. Ланс понимающе кивнул. И сказал:

— Сидим и не высовываемся.

— Вот именно.

Коротко объяснив Даньке, что ближайшие пару часов нам предстоит заниматься ничегонеделанием, я открыл встроенный в стенку шкафчик. Достал из ниш пластиковые контейнеры с полетным рационом. Спросил:

— Как экипаж относится к обеду?

Экипаж относился положительно. Мы принялись вскрывать доставшиеся каждому емкости.

Один из совершенно непонятных мне обычаев планеты Тар — это то, что полетные рационы на кораблях никак не маркируются. Цветные полоски на этикетках позволяют установить лишь энергетическую ценность пищи, а форма коробок — что в них находится: первое, второе, десерт. Видимо, этот полусадистский прием позволяет внести элемент неожиданности в каждый предстоящий обед. Но увы, неожиданности делятся на приятные и не очень. Вторые более распространены.

Мне достался напиток, по вкусу напоминающий смесь турецкого чая и польского кофе. Не самый худший вариант, между прочим... Вторая баночка скрывала в себе кашу из крошечных белых зернышек, перемешанных с узкими полосками вареной рыбы и неимоверным количеством пряностей. И вкус, и вид ее наводили на мысль, что задолго до меня в галактике побывали представители корейского народа, причем их влияние на кулинарию ничуть не пострадало от времени.

Я принялся торопливо глотать кашу, запивая ее щедрыми глотками бодряще-теплого напитка.

Даньке повезло больше. Коричневая однородная масса в его рационе была, несмотря на подозрительные ассоциации, хорошо проваренным мясным пюре. Напиток оказался сладковатым соком со слабым запахом шоколада. Через минуту Данька уже приканчивал пюре, предварительно опорожнив банку с соком.

Достав из шкафчика еще пару банок, я молча дал их мальчишке. Ланс удивленно сказал:

— Не думал, что проведенная в лесу ночь так влияет на аппетит.

— Дело не в прошлой ночи, — с трудом выдавил я и закусил губу. — В стране, где живет Данька... не слишком-то высокое благосостояние.

Ланс отвел глаза. Словно ему, а не мне, было сейчас нестерпимо стыдно за свою родину... Потом спросил:

— Простите мой вопрос, принц... Вам никогда не хотелось вернуться на Землю через гипертуннель? С небольшим отрядом и подходящим снаряжением?

— Хотелось. Но слишком уж усердно меня к этому подталкивают.

Не сговариваясь, мы повернулись к экрану, где крошечная точка крейсера продолжала удаляться от планеты. Данька с энтузиазмом расправлялся с добавкой.

— Он слишком уж энергично разгоняется, — нарушил Ланс затянувшееся молчание. — Излишняя трата топлива.

— Ты думаешь, он хочет уйти в гиперпространство?

— Похоже. С его мощностью можно совершить прыжок в непосредственной близости к планете.

— Вызывай Редрака.

Бодрый голос бывшего пирата подтвердил наше предположение. Отлет вражеского крейсера явно прибавил ему оптимизма. Связавшись с Эрнадо, я отдал несколько распоряжений — наверняка излишних, но достаточно важных, чтобы подстраховаться. И мы продолжили свое вынужденное ожидание.

Крейсер не заставил нас слишком долго скучать. Вначале на экране возникло легкое мерцание, окружившее удаляющийся корабль. Потом экраны затянуло молочно-белым свечением. Когда они очистились, крейсера на них уже не было.

Я открыл рот и выпрыгнул из катера. Посмотрел в небо — как раз вовремя, чтобы увидеть гаснущую звезду, на мгновение затмившую тусклое красное солнце.

— Ушел в гиперпрыжок, — удовлетворенно заметил Ланс. — Если у них и есть недостаток пищи, то энергию им явно некуда девать. Притяжение планеты сожрало у них процентов семьдесят мощности.

Забравшись обратно в катер, я поймал вопросительный взгляд Даньки. Сказал:

— Все в порядке, кадет. Мы разминулись со своими друзьями.

Данька кивнул и ловко запустил пустой банкой в закрывающийся люк.

Я вздохнул, но поучения отложил до следующего раза. Подсел к пульту связи и спросил:

— Эрнадо, вы отследили прыжок?

— Да, капитан. Он шел напрямую, на сигнал одного маяка.

— Сигнал идентифицирован?

— Да. Планета Рейсвэй, входящая в тройственный союз вольных миров. Это на самой окраине галактики.

— Бывал там?

— Первый раз слышу. И про планету, и про вольный союз. Будем преследовать?

— Не сразу, — с искренним сожалением ответил я.

Глава 20

КОКТЕЙЛЬ «НОСТАЛЬГИЯ»

Ресторан «Галактика» помещался на территории космопорта. При всей своей тривиальности, название было верным — планета Аргант являлась перевалочным пунктом множества торговых путей, и в ресторанчике можно было встретить представителя любой планеты. Кроме землян, разумеется.

Над пирамидальным зданием вращалась, переливаясь всеми цветами, а иногда заходя в ультрафиолетовые и инфракрасные области спектра, надпись — название ресторана на местном и стандартном языках. Маленькое объявление над входом выглядело куда скромнее: «Только для экипажей космических кораблей».

Я вложил идентификационную карточку в прорезь контрольного устройства, и дверь открылась. Данька никаких документов еще не имел, но это было неважно — каждый член экипажа имел право провести с собой гостя.

Еще одна надпись в холле предупредила нас, что ресторан снабжен собственным генератором нейтрализующего поля, и перестрелка в его стенах невозможна.

— Очень приличное заведение, — сказал я. — Неудивительно, что Редрак не спешит к нам присоединиться. Его идеал вечернего отдыха — это грязный бар, где каждый час происходит потасовка.

Данька кивнул, озираясь по сторонам. На стенах мелькали, сменяя друг друга с калейдоскопической быстротой, объемные пейзажи самых разных планет. Я узнал багровые леса Рантори-Ра и выжженные дочерна равнины Шейера, планеты-самоубийцы. Мне даже показалось, что я заметил пшеничное поле с березовой рощей вдали. Но это, пожалуй, было самовнушением.

К нам подошел пожилой мужчина в сиреневой униформе обслуживающего персонала. С вежливой улыбкой на лице и уверенной поступью знающего себе цену специалиста.

— Отдельный кабинет?

Я поморщился.

— Столик в общем зале, на пятерых. К нам подойдут друзья. И побыстрее, слуга.

Мужчина вздрогнул, но проглотил оскорбление. Коснулся кнопок на пластиковой планшетке с планом ресторана. Я заметил его секундное колебание и понял, что ответ не заставит себя долго ждать. Бойся маленьких начальников.

— Следуйте за указателем.

Перед нами вспыхнула и поползла по полу светящаяся зеленая точка.

Пожав плечами, я взял Даньку за руку и пошел за указателем.

Общий зал занимал почти всю надземную часть ресторана. Стены и пирамидальный потолок были окутаны слабо светящейся дымкой, поднимающейся из нескольких мелких бассейнов. Между ними в строго продуманном беспорядке были разбросаны овальные столики разных размеров и высоты. Некоторые столики накрывала такая же светящаяся дымка, позволяющая угадывать лишь общие очертания посетителей, желающих уединения.

Мы уселись за отведенный нам столик. Я огляделся и с некоторым удивлением понял, что место досталось вполне неплохое. Пускай довольно близко от соседних столиков, но зато близко с маленькой круглой эстрадой, где приятным голосом пела симпатичная девушка. Песня была на аргантском, и я не понимал ни единого слова, но музыка оказалась тихой, грустной и красивой.

Перед столиком возник официант в сиреневой униформе. Молодой, но такой же самоуверенный, как и распорядитель.

— Наши гости желают попробовать национальные блюда Арганта? — поинтересовался он. — К охлажденным палочкам желе рекомендую выдержанное вино «Черный маг». Первая бутылка бесплатно, за счет ресторана.

Не люблю, когда пытаются все решить за меня.

— Мы желаем других блюд, — вежливо ответил я.

В руках официанта появились передающая пластинка и карандаш.

— Мальчику — мясной суп из кухни планеты Тар, котлеты по их же рецептам, лейанские сладости и сок киланы.

Официант кивнул, явно удовлетворенный стоимостью заказа. Лейанские сладости рисковал заказывать не каждый посетитель.

— Для меня — жареное мясо и холодный реграв.

Реграв — дешевый и не слишком популярный напиток. Но это лучший заменитель томатного сока, который мне удалось найти.

— Все? — переспросил официант.

— Еще охлажденный раствор этилового спирта. На сорок частей чистого спирта — шестьдесят частей дистиллированной воды и чуть-чуть сахара.

Официант обалдело уставился на меня. Поинтересовался:

— А как называется этот напиток?

— Коктейль «Ностальгия», — любезно ответил я. — Попробуйте, не пожалеете.

— В каком количестве подавать мясо и... коктейль?

— Полкило мяса, пол-литра коктейля и столько же реграва.

— Мясо прожарить со специями? — сделал последнюю попытку наставить меня на путь истинный официант.

— Никаких приправ. Соль подадите отдельно.

В ожидании заказа мы с Данькой разглядывали посетителей. Зрелище было интересным не только мальчишке, но и мне. Жаль только, что места поблизости пустовали. Лишь за соседним столиком беседовали трое молодых людей с лимонно-желтой кожей, но вполне земной наружности. На столе перед ними были лишь пустые тарелки и что-то вроде большой квадратной кастрюли.

Двое официантов принесли заказанные блюда. Данька с любопытством уставился на прозрачный бульон, в котором плавали аккуратные кубики мяса и мелко нарезанные овощи.

— Попробуй, это очень вкусно, — сказал я, разглядывая собственную тарелку.

Хорошо прожаренный кусок мяса с минимальным количеством подливки. Как и заказывал...

Посредине стола официанты поставили хрустальные графинчики с соком киланы для Даньки, «томатным соком» и коктейлем для меня.

— Благодарю, — сказал я, наливая в самый вместительный бокал до половины «томатного сока».

— Мальчику употреблять коктейль запрещено правилами нашего ресторана, — сообщил один из официантов.

— Он и не будет его пить, — успокоил я поборника нравственности. — Это все для меня.

Официанта передернуло. Товарищ пришел ему на помощь:

— Мы обязаны предупредить, что за вашим столиком включен блок автоматического контроля. Если вы предложите мальчику алкоголь, то будете вынуждены покинуть ресторан.

— Согласен, — вполне искренне произнес я. — Мне у вас определенно нравится...

Я долил бокал «коктейлем» и понюхал образовавшуюся смесь. Официанты торопливо отошли в сторонку. Данька неодобрительно посмотрел на меня. Спросил:

— Будешь пить водку?

— Немного, — ответил я, опорожняя бокал. По пищеводу пробежало жгучее тепло, следом — смывая неприятный вкус, порция «томатного сока».

Данька с обиженным видом принялся хлебать суп. Я отрезал кусочек мяса, прожевал... И взглянул на соседний столик.

Один из парней как раз открывал крышку «кастрюли». Запустил туда руку, порылся на дне... И достал маленького пушистого зверька, напоминающего большеглазого бесхвостого котенка, покрытого короткой серой шерсткой.

Зверек жалобно пискнул. Парни засмеялись — и я увидел длинные клыки, медленно выдвигающиеся у них из верхних челюстей.

Я вздрогнул и отвел глаза. Но было уже поздно — Данька проследил мой взгляд. Вначале он улыбнулся, разглядывая животное. Потом глаза у него распахнулись на пол-лица, а губы задрожали. Он понял.

— Сергей... Это... это неправда?

— Правда, — жестко ответил я. — Это вампиры с планеты Пэл. Они могут питаться любой пищей, но предпочитают кровь живых существ. Очень жаль, что я не узнал этих тварей раньше.

— Сергей...

В его голосе было раз в десять больше мольбы и страха, чем я мог перенести.

Я поднялся из-за стола, с грохотом отшвыривая стулья. Отличная месть маленького чиновника — усадить нас по соседству с вампирами...

Парни дружно повернулись ко мне. Из закрытых ртов торчали тонкие кончики «прокалывающих» клыков.

Я медленно пошел к столу. Что мне известно о планете Пэл? Бывшая гиарская колония. Жители — неплохие бойцы и отличные строители. Любят кровь теплокровных животных.

— У меня есть к вам небольшая просьба, — тихо сказал я.

— Говори, — на хорошем галактическом ответил парень, продолжающий держать в руке обреченного зверька.

— Включите голографическую завесу над своим столом. Нам неприятен ваш способ питания.

— Просьба отклоняется, — с неприкрытой издевкой ответил парень. — Каждое разумное существо имеет право на открытое исполнение своих обычаев.

— Если они не оскорбляют других разумных существ.

— Мы не находим в своем поведении ничего оскорбительного. В отличие от твоего.

Парень опустил зверька на тарелку. И небрежно коснулся рукояти плоскостного меча на поясе.

Вооружены были все трое.

Я даже не потянулся к своему мечу, висящему в ножнах за спиной. Если уж дело дойдет до драки, я выхвачу его быстрее, чем любой из улыбчивых вампиров. Им помешают стол и близость друг к другу.

— Я принц планеты Тар, — все так же негромко сказал я. — Тот самый, кто убил правителя Гиар, триста лет державших вашу планету в рабстве.

Клыки вампиров дрогнули, втягиваясь обратно.

— Ты сделал это не ради нашего мира, — не убирая ладони с меча, сказал пэлиец. — Мы ничем тебе не обязаны.

— Я убил Шоррэя Менхэма, — повторил я. — Вы хотите дуэли?

До них, наконец-то, дошло.

— Чего ты хочешь?

— Теперь — большего, чем вначале. Но требования могут еще возрасти.

— Говори.

— Прибавь: ваше величество.

Клыки мелькнули в уголках губ и вновь исчезли.

— Говорите, ваше величество.

— Вы ограничиваете свой ужин традиционными местными блюдами. Животных отошлете обратно с просьбой выпустить их на волю.

Пэлийцы молчали.

— Я не хочу видеть кровь этих зверьков. Но могу захотеть узнать цвет вашей.

— Хорошо.

— Ваше величество!

— Хорошо, ваше величество.

Я поднял с тарелки зверька. Посадил на сгиб локтя. И пошел обратно, всей спиной чувствуя испуганные и ненавидящие взгляды.

Официант, приносивший заказ, едва заметно подмигнул мне. И направился к столику вампиров с явным намерением забрать клетку-кастрюлю. Неплохой слух у парня...

Данька ждал меня, вцепившись в рукоять своего виброножа. А ведь похоже, не раздумывая бросился бы на помощь, завяжись драка... Я ощутил что-то вроде гордости — не за себя и не за мальчишку, а скорее за Землю.

У нее складывается вполне определенная репутация. А для планеты, «которой нет», это уже неплохо.

— Держи. — Я кинул зверька Даньке на колени. — Трофей. Остальных сейчас выпустят.

Данька прижал к груди шевелящийся «трофей», почти неотличимый по цвету от его костюма. Восхищенно произнес:

— Они вас здорово испугались!

— Дело не в этом, Данька. Пэлийцы не уклоняются от боя. Просто их мир кое-чем мне обязан...

Я налил себе полный бокал водки, выпил, отрезал ломтик мяса. Данька, поглаживая зверька, спросил:

— Это котенок, да?

— Что-то вроде. Можешь взять его на корабль, он должен неплохо переносить полеты.

— Я назову его Трофеем, — заявил Данька.

— Валяй... Пускай будет Трофеем...

По телу разливалась бездумная эйфория опьянения. Мир вокруг становился все приятнее.

— А вон Эрнадо с Редраком. — Мальчишка привстал, махнул идущим через зал.

Эрнадо казался как всегда невозмутимым. А вот Редрак был явно чем-то расстроен. Подозвав официанта, решившего, наверное, обосноваться поблизости от нас в ожидании новых развлечений, заказал две бутылки «Черного мага» и фрукты.

— Рассказывай, — приказал я. — Но только, прежде чем скажешь плохие новости, сообщи хорошие.

— Тогда мне придется молчать.

— Придумай что-нибудь.

Редрак пожал плечами. Приподнял бутылку, разглядывая вино на свет. Заявил:

— Это настоящее выдержанное вино, настоянное на тонизирующих травах. Сойдет за хорошую новость?

— Сойдет. Переходи к остальным.

— Я нигде не нашел своего знакомого. Или его нет на планете, или он радикально изменил вкусы. Его не видели ни в «Звездной короне», ни в «Приюте одержимых»...

— Ясно. Продолжай.

— Мы уточнили стоимость переброски на Землю. Наших денег хватит на гиперпереход для мальчика, имеющего при себе два-три килограмма груза.

Я покачал головой.

— Это не годится. Даньку может выбросить в любой точке планеты — посреди океана, в пустыне, в джунглях... Нет, на это я не пойду.

— Мальчик очень рвется домой? — поинтересовался Эрнадо.

— Совсем не рвется, — признался я.

— Тогда появляется вариант... — Эрнадо замолчал.

— Ну?

— В распределителе космопорта нам предложили выгодный фрахт. Доставка небольшого и ценного груза на колонизируемую планету. Нас выбрали, как скоростной корабль с надежным капитаном. Принц планеты Тар не польстится на выгоды перепродажи груза...

— Похоже, мое инкогнито ненадежно.

— Да, капитан.

— Детали?

— Груз — зародышевые клетки колонистов. Три «инкубатора», общий вес — пять тонн. Срок выполнения — десять дней. Оплата после возвращения, шесть тысяч энергоединиц. Хватит для переброски двухсот килограммов массы на Землю.

— Неплохо... Такое задание можно считать и хорошей новостью.

— Можно было бы... Но есть одна сомнительная сторона в этом фрахте.

— Какая?

— Груз надо доставить в систему Рейсвэя, куда улетел от нас белый крейсер. Очень похоже на западню.

Я кивнул. Западня? Возможно. Но уничтожить нас крейсер мог и на планете. Невелик труд — добить поврежденный корабль.

— Эрнадо, если мы повременим с отправкой Даньки домой, нам хватит денег на полный ремонт «Терры»?

— Да.

— Тогда заключай договор о перевозке фрахта и приступай к ремонту.

— Это уже выполнено, капитан. Я взял на себя смелость предугадать ваше решение.

Мы уставились друг на друга. Эрнадо примиряюще сказал:

— Фрахт мог уйти, капитан, а вы не захватили интерком. Мне пришлось действовать на свой страх и риск.

— Я надеюсь, — тихо сказал я, — что это твоя первая и последняя догадка такого рода. Не рискуй, хорошо? Свои решения я принимаю сам.

— Слушаюсь, капитан. — На лице Эрнадо не дрогнул ни один мускул.

Напряжение разрядил появившийся официант. Он нес в руках большой пластиковый пакет с эмблемой ресторана, наполненный такими же фирменными бутылками.

— Небольшой сюрприз от нашего ресторана, — заявил он. — Пять бутылок коктейля «Ностальгия» и пять вина «Черный маг».

Поставив пакет возле столика, официант быстро удалился. Редрак пораженно посмотрел ему вслед. Сказал:

— Никогда не слышал о такой разорительной рекламе заведения. Возможно, и они знают, что вы принц, капитан?

Я кивнул в сторону Даньки, играющего с котенком.

— Нет. Скорее, им пришлась по душе моя беседа с пэлийцами. Никогда не встречал планеты, где любят вампиров.

— Драки не было? — озабоченно спросил Редрак.

— Нет, мы поладили миром.

Еще с полчаса мы провели в ресторане, поглощая заказанные блюда и почти не разговаривая. Данька распробовал лейанские сладости и полностью отключился от окружающего. Неудивительно, творения лейанских кондитеров превосходили... ну, скажем, швейцарский шоколад настолько же, насколько этот шоколад был лучше карамели «Взлетная».

Из ресторана к кораблю мы шли пешком мимо административных зданий, где, несмотря на ночь, светились все окна, и огромных складов с дежурившей у входов охраной. Впереди шли Эрнадо с Редраком, за ними — мы с Данькой. Я нес дремавшего Трофея, вцепившегося мне в комбинезон как самый настоящий кот, мальчишка — пакет с ресторанными подарками.

Когда мы проходили мимо глубокой бетонированной траншей — одной из многих, пересекающих взлетное поле и предназначенных для отвода пламени взлетающих кораблей — Данька очень натурально ойкнул. Я услышал, как звякнули бутылки в упавшей с пятиметровой высоты на бетон сумке.

— Я случайно, — быстро сказал мальчишка. — Простите...

Остановившись, я с любопытством посмотрел на всем своим видом выражающую раскаяние фигурку. В свете далеких фонарей и крошечной местной луны довольная улыбка Даньки едва угадывалась.

— Там была коробка с твоими сладостями, — сказал я.

— Ну и черт с ней, — искренне сказал Данька.

— А ты знаешь, что бутылки из местного стекла не бьются?

Данька опустил глаза и покачал головой. Я потрепал его по щеке.

— Ладно, малыш, пойдем. Ты зря за меня боишься, но все равно — спасибо.

Глава 21

МСТИТЕЛЬ

Меня разбудил настойчивый сигнал интеркома. Я взглянул на светящиеся цифры часов и соскочил с постели. До выхода из гиперпространства оставалось еще четыре часа. Должно было случиться что-то чрезвычайное, чтобы меня разбудили посреди ночи.

— Капитан слушает, — сказал я, натягивая форму. На экране интеркома появилось лицо Редрака.

— Мы проходим мимо дрейфующего корабля.

— Ну и что с того?

— Корабль подает сигналы бедствия во всех диапазонах.

— Он в обычном пространстве?

— Да.

— Действуй по уставу.

Я быстро прошел через комнаты, взглянул на Даньку — тот мирно спал в моей спальне, в ногах у него свернулся клубочком Трофей. За трое суток полета «котенок» вымахал до размеров пуделя, ничуть не утратив при этом игривости.

Пока лифт поднимал меня в рубку, я торопливо пролистал маленькую книжечку полетного устава, свод правил, единых для всех кораблей галактики. Мы были обязаны прийти на помощь — если только не видели убедительных признаков ловушки. В первом же космопорту, где мы сядем, контролеры проверят записи нашего «черного ящика», контейнера, имеющего прямой выход к компьютеру и невообразимое количество пломб. Если будет обнаружено нарушение, да еще такое, как неоказание помощи терпящим бедствие, нас объявят вне закона.

Говорят, пиратские корабли часто пользуются этим пунктом для перехвата идущих в гиперпространство торговцев.

В рубке уже были и Эрнадо, и Ланс. Я кивнул им, усаживаясь в свое кресло. Внешне стандартный пульт перед ним позволял отдавать приоритетные команды, перекрывающие сигналы с любого другого пульта и отменяющие решения центрального компьютера.

— Мы будем рядом через три минуты, — сказал Редрак. — Я запустил «мерцающий зонд».

Мерцающий зонд был сложным и дорогим устройством, способным на мгновение выйти из гиперпространства в реальный космос, собрать информацию и вновь вернуться к кораблю.

— А что обнаруживают наши локаторы?

Я мимоходом взглянул на огромный экран гиперлокатора и отвернулся. В переплетении разноцветных линий и точек, дающих отображение на плоскости пятимерного пространства, мог разобраться лишь пилот высочайшего класса. Такой, как Редрак.

— Упрощение до минимума, — скомандовал Редрак. Экран мгновенно очистился, теперь на нем были лишь две точки: мерцающая зеленым — наш корабль, идущий на сверхсветовой скорости, и неподвижная красная — чужой корабль, дрейфующий в обычном пространстве.

— Информации мало, капитан. Корабль больших размеров, сопоставим с крейсером. Защитные поля отключены, вокруг корабля — множество мелких предметов и полурассеивающееся газовое облако.

— Похоже на правду, — с сожалением сказал Эрнадо. Картина катастрофы полная, пройти мимо нельзя.

— Сейчас вернется зонд. — Редрак переключил экран обратно на сложный режим. — Он уже входит в гиперпространство.

На вспомогательных экранах появилось изображение. Чернота «настоящего» космоса, разноцветная мозаика звезд... И что-то смятое, оплавленное, напоминающее исполинский цилиндр, плавно переходящий в небольшой шар.

— Это не западня, — дрогнувшим голосом сказал Ланс. — Это крейсер клэнийских наемников! И кто-то разнес его на кусочки! Двигательный отсек оторван, боевые палубы разрушены, жилые отсеки разгерметизированы...

— Выходим из гиперпространства, — хмуро сказал Редрак. — Не понимаю, что тут произошло, но эскадра, уничтожившая клэнийский крейсер, напрашивается на неприятности, которые нам не нужны. С этими ребятами ссориться не стоит.

Пол мелко завибрировал. Наш корабль выходил в трехмерное пространство и гасил скорость. Где-то в глубине машинных палуб стремительно сжимались шары гравикомпенсаторов, поглощая чудовищную энергию торможения. За несколько минут мы сбросили скорость, близкую к скорости света — и за это придется расплачиваться неделями и месяцами полуторной перегрузки. Существовал, правда, еще один выход из положения...

Я подумал о Даньке, задыхающемся сейчас под внезапно навалившейся тяжестью, и приказал:

— Щадящий режим для капитанской каюты.

— Есть, капитан.

Индивидуальный гравикомпенсатор моей каюты включился, снижая силу тяжести вокруг себя до единицы. Я включил интерком, коротко произнес:

— Данька, оденься и оставайся в каюте до дальнейших распоряжений.

— Скорость погашена, — сообщил Ланс. — Мы в полусотне километров от цели.

— Сколько гравикомпенсаторов было задействовано на снятие инерции?

— Тридцать два процента, капитан.

— Дать команду на отстрел их в космос.

Редрак заколебался.

— Слишком расточительно, капитан... Треть общего запаса... Мы лишимся боевого резерва.

Я молча коснулся клавиш, отдавая команду со своего пульта. Корабль вздрогнул, и перегрузка исчезла. Собравшие в себя энергию торможения черные шары компенсаторов были выброшены в космос. Теперь они будут годами плыть в пространстве, распространяя вокруг себя зону гравитационной аномалии, медленно расширяясь от размеров спичечной коробки до полутораметровых шаров.

— Мы не можем ползать по «Терре», как пришибленные мухи, — сказал я. — Премии за спасение корабля будет достаточно, чтобы закупить новые компенсаторы.

Возражений не последовало. Впрочем, они уже были бесполезны...

— Спасательная команда — Эрнадо, Редрак. Возьмите два катера, аварийные зонды, спасательные капсулы. Мы с Лансом прикроем вас с корабля.

— Надеюсь, это не понадобится, — заявил Редрак, выбираясь из кресла. — Клэнийский крейсер способен уничтожить пару-другую боевых катеров даже в таком состоянии. У него каждый метр обшивки нашпигован датчиками и излучателями.

Я кивнул. Риск был крайне велик, но, увы, неизбежен.

— Подавайте сигналы «Друг. Иду на помощь» непрерывно, — посоветовал я. — Возможно, это подействует.

Редрак вяло махнул рукой: «Знаю, знаю...» — и скрылся вслед за Эрнадо в дверях лифта.

Я снова включил интерком.

— Данька, можешь подняться в рубку. Только без нашего пушистого друга, ясно?

— Планета Клэн — это маленький скалистый мирок в системе белого карлика, известного как Дьявольская Звезда, — рассказывал я Даньке то, что когда-то слышал от Эрнадо. — Температура на поверхности колеблется от минус семидесяти до плюс шестидесяти пяти. Излучение Дьявольской Звезды убивает незащищенного человека за несколько дней. Но на Клэне есть кислород и вода, есть Храм Сеятелей, есть жизнь. Вполне соответствующая местным условиям, надо сказать... Клэнийцы гуманоиды, но диапазон условий, в которых они могут жить, немыслим. Жесткое излучение, кипящая вода, жидкий азот, ртутные и свинцовые испарения, пятипроцентное содержание кислорода — все это для них неприятная, но терпимая внешняя среда. Они столетиями воевали между собой и, войдя в галактическую цивилизацию, освоили лишь одну профессию — солдат-наемников.

— Крайне дорогих солдат, — вставил Ланс.

— Да. Нанять на несколько месяцев клэнийский крейсер под силу не каждой планете. К тому же, у них очень четкие правила чести. Они соглашаются воевать лишь в том случае, когда считают это этичным, когда их вмешательство не нарушает законов враждующих планет. Шоррэй Менхэм в свое время не смог уговорить их участвовать в захвате Тара.

— Мне кажется, дело в том, что они уважают нашу планету, — снова вступил в разговор Ланс. — Мы продаем им оружие веками...

На обзорных экранах мы видели катера Эрнадо и Редрака, кружащие вокруг разрушенного исполина. Пока никаких признаков жизни клэнийский корабль не подавал...

— Чаще всего крейсеры клэнийцев нанимают в качестве патрульных целые планетные федерации. Они охраняют торговые трассы, охотятся за пиратскими кораблями... Экипаж каждого крейсера — одна семья, в прямом смысле этого слова. Они дерутся до конца, даже если силы абсолютно не равны. Предать свой корабль для клэнийца немыслимо...

Я замолчал, осознав немыслимую деталь нашего разговора. Ланс вступил в беседу, которую мы с Данькой вели на русском!

— Ланс!

Пилот смущенно отвернулся. Данька покраснел.

— Это еще что за новости, — тихо спросил я. — Заговор за спиной капитана? Мы не клэнийцы, но...

— Капитан, я не думал, что вам будет неприятно, — немного растерянно сказал Ланс на стандарте. — Мальчик просил научить его галактическому, но я счел это излишним. На Земле он ему не пригодится... да и не все корабельные разговоры ему следует знать. А для вас всегда будет радостно вспомнить родной язык, поговорить на нем с кем-либо... Мы использовали лингвенсор и церебральный гипнотранслятор, так что я теперь владею русским в том же объеме, что и Даниил.

Я набрал побольше воздуха. И выдал очень длинную фразу на родном языке. Ланс покраснел.

Видимо, словарный запас бытового русского у Даньки был неплохой.

Черт побери, действительно приятно вспомнить родной язык. Даже в чем-то радостно, как выразился Ланс.

— Кто еще пользовался гипнотранслятором? — спросил я. — Эрнадо?

— Нет, он знает девятнадцать языков, его мозг и так перегружен. Редрак.

Я слепо уставился на экран. Глупо было обижаться, Ланс действовал из лучших побуждений. А Даньке, конечно же, надоело общаться только со мной. Тем более, что последние дни я безвылазно провел с Эрнадо в тренировочном зале, занимаясь безжалостной порчей плоскостных мечей.

И все же обида не отпускала. Данька мог и сказать мне о том, что занимался с Лансом...

— Сергей...

Я повернулся к Даньке.

— Мы думали, выйдет сюрприз...

— Если я найду на корабле настоящий кожаный ремень, сюрпризы участятся, — пообещал я.

Данька без тени улыбки кивнул.

— Капитан, лучше я отсижу пару дней в карцере, — на галактическом произнес Ланс. — Моя вина гораздо больше...

— Дурак, — тоже переходя на галактический, сказал я. — Того, кто хоть пальцем тронет мальчишку, я убью на месте.

— Я понимаю. Но Данька любую угрозу воспринимает всерьез. Его воспитывали... излишне строго.

Я вновь выругался, на этот раз стараясь подбирать выражения помягче. Сказал:

— У меня великолепный экипаж. Мальчишку нельзя наказывать, ему вдоволь досталось на нашей родной планете. Ты всегда готов признать своей чужую ошибку. А Редрак Шолтри умрет на месте, если его убедить, что он виновен... Идея была его?

— Да... Как вы узнали?

— Он сходит с ума от подозрительности. Редрак спокоен за свою жизнь до тех пор, пока предупреждает нас о всех мыслимых и немыслимых опасностях. А Даньку он считает вражеским агентом. Язык врага надо знать, как говорят на Земле...

Из фона послышался голос Редрака:

— Капитан, есть новый сигнал из жилых ярусов! Выхожу из катера, попробую войти внутрь...

— А еще у вас говорят: легок на помине, — похвастался новыми познаниями Ланс.

Я кивнул. Произнес на русском:

— Хорошо, Редрак, валяй...

Нагнулся поближе к микрофону и прошептал еще пару слов.

Мы вошли в ангар, как только компрессоры заполнили его воздухом. От серебристых дисков катеров тянуло холодом, на броне выступала изморозь. Ланс расстегнул кобуру деструктора, пробормотал:

— Даже один клэниец — это уже слишком много. Так нам говорили в училище...

Люк одного из катеров раскрылся, наружу выбрался Эрнадо. Я заметил, что фиксатор меча был расстегнут, мой учитель явно готовился к любым неожиданностям.

— Уверены, что на крейсере никого не осталось? — спросил я.

Эрнадо покачал головой.

— Жилые ярусы мы обшарили полностью. А на боевых постах и машинных палубах радиация слишком велика... Даже для них.

Редрак тоже открыл люк. Но выходить не спешил... Ланс поморщился и положил руку на пистолет.

Клэниец вышел первым. Он слегка пошатывался, но, в общем-то, выглядел неплохо для человека, шесть часов пролежавшего в полуразгерметизированном скафандре под обломками металлических переборок. Следом за ним выбрался Редрак, прихрамывая куда больше обычного.

На первый взгляд клэниец мало чем отличался от человека. Широкоплечий, но вполне пропорционально сложенный, со светлой кожей... Последнее, впрочем, было фактором непостоянным. Цвет кожи у клэнийцев менялся в очень широких пределах, выполняя роль природного маскировочного халата и одновременно защищая от солнечного излучения... Лицо было молодым, абсолютно безэмоциональным и лишенным каких-либо шрамов или ожогов. Это, впрочем, не говорило о его малом боевом опыте или потрясающей удачливости. Просто регенерация у клэнийцев развита куда больше, чем у других народов галактики. Говорят, что отсеченное ухо или палец вырастают у них заново через два-три месяца.

Окинув нас быстрым взглядом, клэниец безошибочно выделил меня в качестве старшего. Прошел по металлическому полу ангара — его высокие ботинки на толстой подошве издавали лязгающий звук и словно прилипали к полу. Остановился в нескольких шагах, склонил голову.

— Капитан, я благодарен за то, что мой долг продлится. Вы вправе выбрать награду: деньгами, иммунитетом или служением.

Его произношение было безукоризненным, а вот смысл довольно запутан в ритуальных фразах. Еще на Таре меня злили подобные словесные обороты... Я вопросительно посмотрел на Ланса.

— Он должен что-то выполнить, иначе на его семью падет презрение родной планеты, — пояснил Ланс на русском. — А в благодарность за то, что получил возможность исполнить долг, предлагает денежное достояние своей семьи, неприкосновенность со стороны всех клэнийцев — они никогда не поддержат наших врагов — или пожизненное служение после выполнения долга. Я бы выбрал вторую награду, капитан.

Клэниец с любопытством взглянул на Ланса. Конечно же, он не знал всех языков галактики. Но его, похоже, учили определять планету по фонетике произносимых слов. Вряд ли русский или любой другой земной язык входили в список для обучения...

— Я отказываюсь от награды — спасение в космосе наш общий долг, — сказал я. Эрнадо за спиной клэнийца одобрительно кивнул. — Если это возможно, объясни, что случилось с твоим кораблем и в чем твой долг?

— Это один и тот же вопрос, — не колеблясь, ответил клэниец. — Корабль уничтожен в честном поединке. Мой долг — отомстить за свою семью.

— Насколько я понимаю, это теперь долг всей планеты Клэн?

— Нет. Поединок был честным — один на один, после нашего вызова. Гибель корабля — позор моей семьи. Я единственный, кто остался в живых. Если я отомщу, то смогу возродить наш род.

Ланс покачал головой, тихо сказал на стандартном:

— Поединок был честным? Вам достался хороший противник...

— Да. Слишком хороший... — безучастно ответил клэниец.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Клэн.

Все верно... Для чужаков он может носить лишь два имени — своей семьи или своей планеты. Семья опозорена, ее имя не должно звучать, пока не свершится возмездие. А если последний оставшийся в живых не отомстит за семью — ее имя исчезнет навсегда.

— Как случилось, что крейсер с планеты Клэн был уничтожен в поединке один на один? — продолжал я расспросы.

— В этом нет тайны. Мы несли патрульную службу по контракту с тройственным союзом вольных планет. Восемь часов назад наблюдатели обнаружили в гиперпространстве корабль, идущий без позывных. Мы вынудили его выйти в открытое пространство и потребовали досмотра.

— Досмотр — крайняя мера, — задумчиво сказал Ланс. — Только из-за того, что корабль шел без позывных?

Клэн словно и не услышал его слов.

— После того, как корабль отказался принять десантную группу, мы открыли предупредительный огонь. Бой был честным, но мы проиграли.

— Корабль, с которым вы сражались, был Рейдером одиночного класса в противолазерной броне? — Я выпалил эти слова, уже не сомневаясь в ответе.

Клэн вздрогнул.

— Да. Откуда тебе известно о Белом Рейдере?

— Это и наш враг, — твердо сказал я. — У нас с ним свои счеты. Рейдер дал какую-либо информацию о себе перед боем?

Кожа клэнийца медленно темнела. Он буравил меня холодным, почти нечеловеческим взглядом, словно решая, не вцепиться ли в горло. Ланс сжал ладонь на рукояти деструктора.

— Я принц планеты Тар, — быстро произнес я. — У меня нет оснований лгать тебе. Белый Рейдер — наш враг.

Клэн пристально посмотрел в мое лицо.

— Да, принц, я узнал вас. И верю вашим словам. Человек, убивший на дуэли Шоррэя, не станет лгать без необходимости.

Интересная мысль, ничего не скажешь...

— Рейдер отказался от досмотра под предлогом того, что принадлежит секте Потомков Сеятелей и выше подозрений.

Редрак вздохнул.

— Этого нам только не хватало... Кучка религиозных фанатиков, завладевшая сверхкораблем...

Я знал о секте Потомков достаточно, чтобы мне стало не по себе.

— Клэн, — почти умоляюще произнес я. — Твой враг — это и наш враг. Почему вы требовали досмотра корабля сектантов?

Он молчал так долго, что я уже перестал надеяться на ответ.

— В излучении Рейдера, идущего в гиперпространстве, наши детекторы обнаружили спектр кварковой бомбы.

Я почувствовал страх. Дикий, беспредельный страх человека, у которого уходит из-под ног Земля. Земля с большой буквы, не просто почва, не песок и глина чужих миров, не сталь корабельного пола, а целая планета.

Земля.

Кварковая бомба использовалась для одной-единственной цели. И применяли ее лишь дважды, после чего самые воинственные миры галактики присоединились к договору о запрещении такого оружия.

Кварковая бомба уничтожала целую планету. Защиты от нее не существовало.

Глава 22

ПОТОМКИ СЕЯТЕЛЕЙ

Космопорт планеты Рейсвэй не отличался загруженностью. Кроме нас, на нем находилась пара неуклюжих грузовых кораблей, окруженных непрерывно подъезжающими грузовиками, и маленький патрульный корабль, современный, но не слишком хорошо вооруженный. Он встретил нас на выходе из гиперпространства и эскортировал до планеты — символическая охрана, дань традиции и самолюбию молодой планеты.

Я сидел в своем кабинете перед широким панорамным окном, которое на самом деле не было ни окном, ни экраном. Тонкая ниточка световодов шла к нему от оставленного на броне корабля объектива, проецируя на тончайшую стеклянную пленку усиленное фотоумножителями изображение.

Снаружи была ночь. Светлая ночь, прорезанная лучами прожекторов и отсветами двух десятков крошечных лун. Волшебная ночь красивой малонаселенной планеты, в столице которой не было и ста тысяч жителей, планеты, покрытой лесами и цепочками прозрачных озер. Здесь был Храм Сеятелей и со временем могла развиться человеческая жизнь. Но на планету пришли колонисты древних, задыхающихся от перенаселения миров, и местная жизнь уже никогда не поднимется к высотам разума.

Аборт в планетарном масштабе — вот что такое колонизация планеты, не имеющей разумной жизни.

Но сделки здесь совершали честно. Вчера, после того, как последний инкубатор с зародышами был проверен и под надежной охраной увезен с корабля, на наш счет в центральном галактическом банке немедленно перевели всю обусловленную сумму. Власти планеты знали, за что платят. Уже через год каждая женщина получит на воспитание пятерых здоровых крепких малышей. А лет через пятнадцать-двадцать удвоившееся население планеты будет на девяносто процентов состоять из молодежи. И сможет, наконец-то, приступить к преображению своего мира...

Жаль только, что он при этом утратит большую часть своей красоты...

Данька осторожно заглянул в открытую дверь кабинета. Спросил:

— Можно войти?

Я кивнул.

— Тоже не спится, Данька?

— Ни капельки.

— Так всегда, когда корабельное время не совпадает с планетарным. Днем ходим, как сонные мухи, а ночью глотаем снотворное. Тебе дать таблетку?

— Нет, не надо...

Данька удобно устроился в соседнем кресле и стал с любопытством разглядывать компьютерный терминал.

— Сергей, а можно мне научиться работать на этой машине? У нас в школе стояли «Атари», я чуть-чуть умею программировать.

— Можно. Этот компьютер управляется как угодно, даже голосом. Важно лишь четко давать задания и подсказывать оптимальные пути решения...

В окне показалась длинная тяжелая машина на гусеничном ходу, медленно подползающая к нашему кораблю.

— Привезли гравикомпенсаторы, — пояснил я. — К утру экипаж установит их и можно будет стартовать.

— А нам не надо помогать? То есть, я хотел сказать, мне...

Данька явно смутился.

— Думаю, не стоит. Ни ты, ни я не разбираемся в местной технике так, как это требуется для монтажных работ. Наши пилоты с Эрнадо и Клэном в придачу справятся быстрее, если им не лезть под руку.

— Обидно быть неумехой, — серьезно сказал Данька.

— Еще обиднее быть помехой, — ответил я.

С минуту мы молчали. Данька, похоже, испугался, что обидел меня...

— Хочешь искупаться? — неожиданно для себя спросил я.

— Что?

— Искупаться. В инопланетном озере. При свете двадцати лун. Слетаем туда на пару часов в боевом катере. Потом вернемся в звездолет и ляжем спать. Хочешь?

В глазах Даньки вспыхнул дикий восторг. Восторг мальчишки, никогда не бывавшего в Диснейленде, раз в год ездившего к обидно близкому Черному морю, а из «заграницы» повидавшего лишь независимую Украину.

— Я сейчас! — крикнул он, пулей вылетая из кресла. — Только Трофея позову, ладно?

Озеро было маленьким, круглым, как блюдце, а вода теплой и неправдоподобно чистой. Ста километров от столицы вполне хватило, чтобы единственным признаком цивилизации стал наш катер, стоящий на берегу.

Я давно уже выбрался из воды и валялся на теплой, «согревающей» подстилке, а Данька все еще плескался на мелкоте. Трофей, жалобно повизгивая, бегал вдоль берега. Странная внеземная смесь кошки и собаки, с голосом и преданностью пса и вполне кошачьей внешностью и отвращением к воде...

Десяток крупных и штук пять маленьких лун, разукрасивших ночное небо, давали света чуть больше, чем на Земле в полнолуние. Но этот свет был соткан из нескольких цветов: лимонно-желтого большой луны, оранжево-красного — средних лун, синевато-белого — маленьких, неправильной формы ледяных астероидов, кружащих по низким орбитам.

Когда один спутник планеты закрывал другой — а это за последний час случилось дважды, местность вокруг преображалась, как по волшебству. Лес становился то таинственно-мрачным, темным, то словно наполнялся собственным светом, делался прозрачным и мирным. Вода в озере мерцала голубизной и отливала янтарем, отзываясь на причуды лунного света.

Я лежал, потягивая прямо из бутылки сладкое и крепкое местное вино, и думал о том, что Рейсвэй мог бы стать великолепным курортом. Сюда стремились бы все — от верноподданных жителей Тара до угрюмых клэнийцев и улыбчивых пэлийских вампиров. Как ни странно, понятие идеальной красоты одинаково почти на всех планетах...

Только какой курорт может существовать на окраинном мире, окруженном воинственными соседями? Чтобы выжить, любая планета в галактике стремится вооружиться до зубов. Здесь построят космодромы и ракетные базы, станции слежения за космосом и военные заводы. И лишь попутно будут сохранять заповедники, где под светом лун, превращенных в орбитальные крепости, станут отдыхать жители дружественных планет...

Отличную шутку сыграли с галактикой Сеятели, великая цивилизация воинов и творцов жизни. Они исчезли — то ли встретив превосходящую силу, то ли исчерпав в бесконечных войнах и дуэлях собственный жизненный потенциал. Но память о них обрела бессмертие — в генах созданных ими народов, в неуничтожимых твердынях Храмов, в невесть откуда берущихся легендах, в раздробленных на микронную пыль планетах и погашенных звездах, бывших миллионы лет назад ареной галактических битв. Дрейфуют в космосе опустевшие корабли Сеятелей, и бережно изучаются жалкие остатки их оружия. Война оставлена нам в наследство великими творцами жизни, война и смерть, и желание превзойти исчезнувшую расу.

Сеятели стали богами галактики, пусть и не все понимают это.

А жестоким богам не читают добрых молитв.

— Данька, выбирайся на сушу! — позвал я. — Плавники у тебя все равно не отрастут, а простуду ты заработаешь!

Данька пошел к берегу, звонко шлепая по воде босыми ногами. Остановился на секунду, с восхищением глядя, как мгновенно высыхают на нем плавки из гидрофобной ткани. Спросил:

— Сергей, а можно будет мне взять на Землю...

— Можно, — великодушно согласился я. — Трусы взять можно. Такая синтетика есть и на Земле.

Данька кивнул и погладил трущегося об ноги Трофея. Безнадежно сказал:

— А его нельзя, конечно...

Я промолчал. К сожалению, ни Мичурин, ни его последователи не научились скрещивать собак с кошками...

— Ты знаешь, что подрос за эти две недели?

— Правда?

— На корабле гравитация немного ниже земной. Организм в твоем возрасте реагирует на это очень быстро. Позвоночник распрямляется, костная ткань вытягивается...

А еще росту помогает полноценное питание. Только Даньке это объяснять не обязательно...

Мальчишка лег рядом со мной, подложил руки под голову. Задумчиво сказал, глядя на разноцветный лунный хоровод в небе:

— Я раньше думал, такое только в кино бывает... Или во сне. А у меня получились такие каникулы, что теперь фантастику смотреть будет противно... Спасибо, Сергей...

— За каникулы?

— Да.

— Боюсь, они могут затянуться, Данька.

— Я не против... А почему?

— Из-за людей, которые называют себя Потомками Сеятелей.

— Это те, которые победили крейсер Клэна?

— Да.

Не знаю, почему меня потянуло на откровенность. Наверное, Данька был для меня в первую очередь землянином, самым близким в галактике человеком, а лишь потом — ребенком, мальчишкой «среднего школьного возраста», для которого полеты на межзвездном корабле от планеты к планете лишь увлекательные каникулы. И как землянин он должен был знать то, что не следовало говорить ребенку.

— Секта Потомков Сеятелей стара как мир. На каждой планете религия обожествляла Храмы и их создателей. И даже когда люди понимали, что Сеятели были всего лишь очень развитым народом, оставались фанатики, ищущие высший смысл в их поступках. Чаще всего смысл находили в том, что Сеятели не исчезли бесследно, а просто удалились куда-то: в другую галактику, в иное измерение, откуда продолжают наблюдать за созданной ими жизнью. Возникла вера в то, что людям необходимо совершить какой-то особый, ритуальный поступок, выдержать загадочное испытание, чтобы стать достойными своих богов. Тогда они вернутся... и все в мире изменится, все станет хорошо.

— Это от Сеятелей станет хорошо? Они же только и умели, что воевать!

— Правильно. Значит, испытание тоже должно быть соответствующим. Надо уничтожить какого-то врага, не добитого Сеятелями, и доказать свою верность им. Врагов таких находили много... особенно вначале. Примитивная нечеловеческая жизнь или слишком уж удачливый завоеватель-человек — все годилось. Ведь своих настоящих противников Сеятели истребили полностью. Ну, а потом это надоело. Истребили разумных рептилий на Алге, загнали в резервации пернатых ц-трэсов, едва взявших в рукокрылья каменные топоры. Пэлийцев и еще пару народов отделали так, что они тысячи лет прозябали на своих планетах, даже не высовываясь за пределы атмосферы... А Сеятели, конечно же, и не думали появляться. Секта почти угасла. Но у тех, кто в ней остался, есть еще одна кандидатура на роль врага. Проклятая планета, планета, которой нет... Земля. Не зря же Сеятели не поставили на ней Храм. Намекали, выходит — вот они, неполноценные, наши и ваши враги. Найдите, уничтожьте, покорите — и выполните испытание.

Данька вздрогнул и прижался ко мне. Спросил:

— И они ищут?

— Искали, потом бросили. Секта совсем пришла в упадок, ее идеи никого не вдохновляли. Повоевать можно было и между собой, а не гоняться за отсталой планетой, которая и в космос тогда еще не вышла. А вот сейчас, похоже, ищут. На корабле, который способен уничтожить целую эскадру. И с кварковой бомбой, которая может превратить Землю в облако пыли.

Данька крепко взял меня за руку. Прошептал:

— Мы им должны помешать, правда? Найти их корабль и разнести на кусочки.

— Я попробую, Данька. Мы попробуем. Пока над Землей опасность — я тебя туда не отпущу. Шансов справиться с Белым Рейдером у нас мало — но возвращаться на Землю еще опаснее.

Я отбросил в сторону пустую бутылку. С горечью произнес:

— Вот так все получилось, Данька. Я отправился сражаться за свою любовь, а оказалось, что должен драться за свою планету. Все переплелось, запуталось. Друзья — Эрнадо, Ланс. Бывший враг — Редрак. Случайный союзник — Клэн. И ты.

— А я кто?

— Ты? — Я рассмеялся. — Больше, чем друг, это уж точно. Я сражаюсь теперь за нашу планету, за Землю. Значит, и за тебя тоже.

Белый Рейдер порядочно просчитался, подбрасывая мне Даньку. Во имя этой любви к родине можно отступить — но можно, наоборот, идти до конца.

— Сергей, но ты же начал искать Землю просто, чтобы доказать принцессе, что наша планета не хуже других. Ведь ты не стал бы возвращаться домой, поженись вы с принцессой.

— Наверное.

— А если принцесса вдруг полюбит тебя? И скажет, что никакой Земли искать не надо? Ты вернешься к ней и перестанешь преследовать корабль Потомков Сеятелей?

— Она такого не скажет, Данька.

— А если все-таки...

Я молчал, глядя на разноцветный лунный узор в небе. Потом сказал:

— Данька, не знаю, для твоего ли возраста то, что я скажу. Но постарайся понять. Я стал искать Землю не просто чтобы доказать принцессе свою полноценность. И даже не потому, что это мой долг перед родиной. Я слишком долго был игрушечным лордом, ритуальным женихом, марионеткой в чужой игре. Даже став принцем, я не почувствовал себя настоящим. Моя победа над Шоррэем — результат случайности, помощи друзей и удачи. Я должен совершить что-то свое, неподдельное, выбранное мною самим. Доказать, что я стою большего, чем мне отведено. Лишь тогда я достоин своей любви, достоин быть принцем. Когда-то я сказал, что любовь стоит жизни. И лишь потом понял, что и обратное правильно: жизнь должна стоить любви... Не слишком я заморочил тебе голову?

— Нет, я понял... Ты думаешь, что недостоин принцессы?

— Да. Она отвергла меня из-за глупого предрассудка, но есть причина гораздо серьезнее. Пусть даже она понятна лишь мне...

Я встал и направился к катеру.

— Пойдем, Данька. Спать все-таки необходимо.

Мальчишка поднял с земли термоподстилку, встряхнул. Убежденно сказал:

— Нет, я ни в кого влюбляться не буду. От этого одни неприятности. Доказывать что-то, переживать...

— Правильно, — сказал я, забираясь в люк. — Я тоже так думал в твоем возрасте. Обидно, что с годами мы глупеем и забываем свои гениальные решения...

Глава 23

РАБОТА ДЛЯ КЛЭНИЙЦА

Воспоминания — коварная вещь. Они могут дремать годами, но стоит их затронуть, и память принимается усердно подбрасывать то, что хотелось бы забыть.

Я не хотел вспоминать планету Тар. Ее равнины и горы, императорский дворец и безмолвную громаду Храма на выжженной земле. Легче забыть, чем страдать, лучше жить настоящим, чем прошлым, у которого нет будущего.

Принцесса, вложившая в мою ладонь обручальное кольцо в ночном парке на Земле — куда более приятное воспоминание, чем девушка, логично объясняющая, почему она не может меня полюбить даже после подвига, совершенного для ее родной планеты Тар.

Я был один в центральной рубке корабля. «Серединная вахта» — самая легкая из возможных в тот промежуток времени, когда звездолет идет в гиперпространство и нет необходимости в коррекции курса.

Я — капитан, которому можно доверить лишь самую легкую вахту. Смешно и стыдно... Доказывая Даньке, что мне необходимо совершить поступок, поднимающий меня над ролью «игрушечного принца», я верил в свои слова. Но не превратился ли я в марионеточного капитана, за которого все делают друзья?

Ланс взял на себя пилотирование корабля, подаренного мне принцессой. Эрнадо подсказал, что гораздо полезнее искать и допрашивать космических авантюристов, пиратов и мятежников, чем прочесывать неизученные районы космоса. Редрак указал след — человека, побывавшего на Земле.

А я лишь даю указания. «Не отступать и не сдаваться». Лететь на ту или иную планету — причем критерием выбора является зачастую благозвучность названия.

Я действительно верил, что смогу найти Землю и у принцессы не останется оснований отказывать мне в браке. Но неужели я не видел других возможностей завоевать ее любовь?

Два-три месяца в роли героя планеты, временного «мужа» — не такой уж малый срок. Вполне достаточный, чтобы склонить симпатии немногочисленных жителей на свою сторону, уменьшить неприязнь к «планете, которой нет». И гораздо больший, чем требуется для покорения сердца девушки, разочаровавшейся в прежнем возлюбленном и спасенной симпатичным когда-то человеком...

Трудный путь к цели выбираешь лишь тогда, когда легкий кажется оскорблением мечты. Или когда сам путь важнее результата. Хочется верить, что мной руководила первая причина...

Дверь в рубку открылась, издав тихий предупреждающий сигнал. Мягким, неслышным шагом вошел Эрнадо.

— Нечем заняться, — сообщил он. — Я побуду в рубке до конца вашей вахты, капитан.

— Я способен отдежурить самостоятельно, — резко ответил я.

— Как угодно. — Эрнадо остановился возле кресла навигатора, которое обычно занимал. Цепким взглядом окинул приборы. — Мне действительно нечего делать.

— Садись, — буркнул я. В конце концов мои комплексы касались только меня...

— Спасибо, — без тени иронии ответил Эрнадо.

Некоторое время мы молчали. Эрнадо задумчиво смотрел на экран контроля гиперпространственных генераторов. Я перехватил его взгляд и торопливо усилил режим охлаждения — генераторы слегка перегрелись. Черт глазастый...

— Ты давно связывался с Таром? — спросил я.

— Дней пять назад, после того, как мы подобрали Клэна.

— Как там дела?

— Нормально... — В голосе Эрнадо, казалось, скользнула ирония. — Тар заключил договор о дружбе, торговле и...

— Хронику по информсети я тоже просматриваю, — оборвал я его. — Ты наверняка беседовал с друзьями из десантных войск. Расскажи пару сплетен...

— Распространение слухов, порочащих правящий императорский дом, — начал Эрнадо, — карается двумя годами ссылки, а если эти слухи...

— Брось. Я сам принц.

— Говорят, что недавно принцесса неофициально встречалась с Праттером, своим давним знакомым, известным гонщиком в классе легких гиперпространственных яхт. Встреча прошла в дружественной обстановке и завершилась через полчаса, после чего Праттер отправился на космодром и покинул планету.

— Спасибо, Эрнадо. Что еще?

— Военный флот пополнен тремя кораблями среднего класса. Два из них направлены на поиск императора и императрицы. Неофициальная просьба принцессы в беседе с капитанами — собирать информацию о планете Земля.

— Дальше.

— На приеме по случаю двухлетней годовщины изгнания гиарских войск принцесса высоко оценила роль принца Сергея с планеты, которой нет, его мастерство и хладнокровие в поединке с Шоррэем Менхэмом.

— Эрнадо, если бы ты был поваром, то пересластил бы все блюда.

— Возможно. Скажи, Серж, тебе не приходила мысль не ограничивать переписку с принцессой отправкой поздравлений по торжественным датам?

— Нет, не приходила, — сухо ответил я. — Так же, как и принцессе.

На пульте пискнул таймер. Я коснулся клавиатуры, переключая управление.

— Капитан вахту сдал. Прямого пути.

— Навигатор вахту принял. Курс верен, замечаний нет...

Эрнадо поудобнее устроился в кресле, включил проверку систем корабля. Достал из кармана комбинезона гибкий пластиковый листок, протянул мне.

— Взгляните. Новое увлечение кадета.

Это была обычная объемная фотография. Эрнадо и Клэн с плоскостными мечами в руках, стоящие в стойках в тренировочном зале. Судя по напряженным фигурам, они занимались при силе тяжести в полторы-две единицы...

— Неплохо, — сказал я. — Хорошая композиция, и момент схвачен очень удачно... Кто победил?

— Клэн, — неохотно ответил Эрнадо. — Он знает массу оригинальных приемов... Мальчик просил меня показать ему фотографию Храма и был очень удивлен отказом.

— Объяснил ему причину?

— Да... Он умеет задавать интересные вопросы...

Голос Эрнадо вдруг неуловимо изменился.

— Капитан, разрешите связаться с космопортом назначения?

— Со Схедмоном? Зачем?

— Дать заказ на подготовку гипертуннеля к Земле. Мы сможем отправить мальчика домой через несколько часов после посадки.

Я присел на корточки перед пультом, взглянул в лицо Эрнадо поверх мерцающих индикаторных панелей. Оно было как всегда невозмутимо, лишь глаза стали еще холоднее и невыразительнее, чем обычно. Но в этом, наверное, был повинен синеватый отсвет включенных экранов.

— Эрнадо, ты понимаешь, что означает кварковая бомба на Рейдере сектантов?

— Да. Они хотят уничтожить Землю.

— И ты предлагаешь отправить мальчишку на планету, которая в любой момент способна превратиться в облако пыли?

— Да. У них ничего не выйдет. Иначе сектанты давно уничтожили бы планету, переправив бомбу через гипертуннель. На нашем корабле мальчик в большей опасности. Следует отправить его на Землю.

— Эрнадо, опомнись, — тихо сказал я. — Ты несешь чушь. Если это твое окончательное мнение, то лучше закажи билет до Тара. Принцесса даст тебе хорошую должность в армии.

Эрнадо вздрогнул и опустил глаза. Произнес неожиданно растерянным голосом:

— Извини, Сергей... Я не подумал. Но мне кажется... казалось, что это необходимо...

— Вредное влияние Редрака, — попытался я улыбнуться. — Может быть, прислать тебе на смену Ланса? Потренируемся на мечах, или отдохнешь?

— Нет, Серж. Спасибо, я в полном порядке. Это моя вахта.

Я пожал плечами и молча вышел из рубки.

Когда Данька попросил Эрнадо показать ему фотографию Храма, он действительно задал очень интересный вопрос.

Фотографий Храма в природе не существовало. Равно как и видеопленок, кристаллографий и кинофильмов. Храм не позволял фиксировать себя на любом из существующих видов носителей информации. Природа этого оставалась загадкой — одной из миллионов загадок Храмов.

В лучшем случае место Храма на фотографии занимало расплывчатое пятно. В худшем — засвечивалась вся пленка. Магнитные носители информации просто стирались, прочнейшие кристаллы оптической записи разрушались. Храмы словно считали себя нефотогеничными и упорно препятствовали любой попытке запечатлеть их. Тем планетам, где Храмы до сих пор оставались предметами поклонения, приходилось довольствоваться картинами многочисленных художников, избравших целью своего творчества огромные зеркально-черные шары. Надо признать, что выглядели эти своеобразные иконы весьма впечатляюще. Некоторые по точности изображения немногим уступали фотографиям...

Я вспомнил, что на планете Схедмон было что-то вроде музея, посвященного Храмам, и решил непременно выкроить полдня, чтобы показать его Даньке. Картинная галерея в музее была великолепной. А потом можно будет устроить экскурсию к Храму Схедмона.

Приняв душ и повалявшись полчаса на кровати, я выбрался из каюты. Дремлющий на кресле Трофей проводил меня пристальным взглядом узких желтых глаз и вопросительно тявкнул.

— Место, — приказал я и почесал пса-кота за ухом.

Странный зверь был потрясающе смышленым. Это еще больше усиливало мою неприязнь к пэлийцам — если только ей было куда увеличиваться.

Войдя в лифтовую кабину, я набрал номер тренировочного зала. Обычно это самое оживленное место на военном корабле, но мой экипаж был настолько малочислен, что я надеялся позаниматься с мечом в гордом одиночестве...

Надежды не сбылись. Посередине маленького круглого зала стоял Клэн и лениво отмахивался мечом от Ланса и Редрака. Клинки у обоих пилотов были уже порядочно укорочены. В сторонке от них лежал на полу Данька, крутя в руках маленький фотоаппарат. Он явно решил заснять бой в необычном ракурсе.

При моем появлении тренировка прекратилась. Пилоты отправились к стойке с оружием — менять мечи, Данька вскочил с пола, навел на меня объектив и сфотографировал, прежде чем я успел согнать с лица недовольное выражение. Клэн остался стоять, опустив меч. Я заметил, что кожа у него обрела легкий оранжевый оттенок — как у стен тренировочного зала.

— Ты хорошо дерешься, — сказал я.

Клэн кивнул.

— Я специализировался на рукопашном и близком бое. Ничего лучше одноатомного меча для схватки в нейтрализующем поле не придумано.

— А плоскостные диски? — ревниво спросил я.

— Оружие против толпы. Шоррэй доказал, что настоящему профессионалу они не страшны.

Я не стал спорить. У Шоррэя была нечеловеческая реакция, он мог уклониться от летящих дисков, а для меня это навсегда останется недоступным. Но кто знает, какую скорость движения в бою считают нормальной клэнийцы...

— Прошу капитана о спарринге, — продолжил Клэн.

— Не думаю, что окажусь интересным соперником, — с долей сожаления ответил я. — Уровень подготовки у меня, Ланса и Эрнадо примерно равный. У Эрнадо, наверное, повыше.

Клэн слегка улыбнулся — первый раз за все время на корабле. И сказал:

— Я видел твой бой с Шоррэем. Это пример, когда предельное мастерство встретилось с запредельным. Запись поединка показывают на всех циклах обучения в клэнийских школах. Усыпление бдительности соперника, использование его атаки для подгонки величины собственного меча, предугадывание решающего удара, уклонение в момент неизбежности удара, вспарывающий выпад в падении, использование режима непрерывной заточки меча для преодоления защиты комбинезона, общая этика поединка...

У меня едва не отвисла челюсть. Мой отчаянный, безнадежный, выигранный лишь благодаря темпоральной гранате Сеятелей поединок считается классикой боя на плоскостных мечах! Его многократно изучают на самой воинственной планете галактики!

Хорошо, хоть Данька не понимает галактический стандартный. Я всегда боялся стать ложным кумиром, а после уверенной тирады клэнийца это было бы неизбежным. Чего доброго, Данька решил бы, что искусство владения одноатомником — прирожденное свойство всех землян. Включая и его самого...

— Боюсь, Клэн, что тот поединок не типичен. Я действовал интуитивно.

— Разумеется. Любой настоящий бой ведется интуитивно. Иначе он превратится в ремесло.

Последнее слово прозвучало так презрительно, как мог сказать лишь клэниец — с его сотнями поколений предков, не занимающихся ничем, кроме войны. Я почувствовал, что одиночка с погибшего корабля мгновенно стал мне симпатичнее. Несмотря на его жаропрочную хамелеоновскую кожу и удивительное равнодушие к смерти своей огромной семьи.

Люблю искусство и ненавижу ремесленничество.

Неважно, что делает человек — кладет кирпичи в стену дома или пишет музыку. Выбор между искусством и ремеслом всегда зависит от той степени души, непредсказуемости, интуиции, которую вкладываешь в свое дело.

— И все же лучше я понаблюдаю за твоим спаррингом с Лансом и Редраком. Сейчас это будет полезнее.

Клэн кивнул.

— Я постараюсь показать все основные приемы нашей школы боя на одноатомниках.

— Ты еще не решил, что предпримешь на Схедмоне? — поинтересовался я.

— У меня есть два пути. — Клэн не глядя вогнал меч в ножны. — Либо купить корабль и нанять команду для охоты за Белым Рейдером — состояние нашей семьи позволяет это. Либо просить вас о временном контракте — я могу исполнять любую корабельную должность. Сейчас я склоняюсь ко второму варианту.

— Почему? Мы ищем Землю, мою родную планету, а лишь потом Белый Рейдер.

— Ваши пути пересекутся, — твердо сказал Клэн. — Я знаю.

— Мне бы твою уверенность...

— Даже два солнца светят в одном небе, — ответил Клэн схедмонской пословицей.

— Хорошо. Надеюсь, ты не пожалеешь о своем выборе.

Я кивнул подошедшему Лансу.

— Внеси Клэна в список членов экипажа. Временный контракт со всеми формальностями, которые необходимы... На любую свободную должность, которую он выберет. Потом дашь на подпись.

Редрак вздохнул. Список лиц, подлежащих его охране, неумолимо расширялся. То, что клэниец мог постоять за себя лучше любого из нас, роли не играло.

Глава 24

ПЛАТА ЗА МОЛЧАНИЕ

Мы садились в космопорте Схедмона вручную. Это было чем-то вроде высшего пилотского шика — сажать корабль самим, когда на планете имелся новейший космопорт со всеми системами автопосадки — от дистанционного управления и ракетных буксиров до экспериментальных устройств принудительного спуска в гравитационном луче.

Если обычная посадка на полупустом космодроме или просторах незаселенной планеты представляет собой несложную задачу даже для начинающего пилота — главное, иметь запас свободного хода — то посадка на бетонном пятачке, лишь в два с половиной раза превышающем диаметр корабля, серьезное испытание и для мастера.

Маневрирование производил Редрак. Он сидел в своем кресле в глухом черном шлеме, закрывающем все лицо — у него не было времени даже на беглый осмотр многочисленных пультов и экранов. Самая важная информация проецировалась на внутреннюю поверхность шлема и повторялась речевым синтезатором в его наушниках. Из главного пилотажного пульта были выдвинуты дополнительные консоли, покрытые сотнями сенсоров прямого управления двигателями. В обычных условиях они не использовались — любая их команда могла быть продублирована нажатием нескольких клавиш основного пульта. Но сейчас у Редрака не было времени на нажатие нескольких клавиш. Он управлял двигателями вслепую, касаясь сенсоров отработанными за многие годы движениями — так играет пианист, не глядя на клавиши.

Задача Ланса была чуть проще. Он контролировал работу главного реактора и двигателей, подачу топлива и охлаждение дюз — какие бы сумасшедшие нагрузки не выжимал из корабля Редрак, резерв хода не должен был теряться.

Клэн почти лежал — его кресло было максимально опущено, и он мог видеть все экраны — начиная с главного, занимающего половину потолка и кончая видеокубом с оптической картинкой садящегося корабля, светящимся над его правой рукой. Должность, которую предпочел для себя Клэн, называлась довольно заумно — пилотажный тактик — и была из разряда тех излишеств, которые в определенных ситуациях переходят в ранг жесткой необходимости. Фактически клэниец управлял всеми маневрами корабля в критические моменты полета...

— А-три, — негромко сказал Клэн. — Пауза. Пауза. В-четыре. Пауза. Зависаем. Еще. А-один, чуть-чуть...

Команды, отдаваемые Клэном, походили на бред пьяного шахматиста. Наверное, не только для меня, но и для Ланса бессистемное чередование номеров маневренных двигателей и абсолютно вольных по форме советов было невыполнимым и малопонятным. Но Редрак Шолтри действительно оказался пилотом экстра-класса. Это чувствовалось по голосу Клэна — вначале чуть настороженному, неторопливому, а теперь уверенному и быстрому.

Эрнадо, занимающий не слишком-то сложную должность навигатора, пока скучал. Его работа начнется лишь в том случае, если Редрак решит поднять корабль за пределы атмосферы и зайти на посадку повторно. Случай скорее гипотетический...

И только два человека на корабле были абсолютно ненужными в момент посадки. Я и Данька. Капитан и юнга. Неважно, что пульт, за который посадили мальчишку, был втайне от него отключен от линии активного управления, а мой, капитанский, мог отменить любой приказ Редрака или Клэна. Я все равно не собирался вмешиваться в управление и демонстрировать экипажу свои школярские знания.

— Д-четыре, — диктовал Клэн. — Д-пять дважды. Д-семь! Хорошо, мы ушли... Пауза. Гасим до нуля...

Оставаясь неслышимым для всего экипажа, я негромко объяснял Даньке смысл происходящего. Хоть на это моих знаний хватало...

— Сейчас экипаж работает по боевому пилотажному расписанию. Есть еще и боевое-боевое или дуэльное. Тогда мы с тобой и все не занятые в маневрировании, то есть Эрнадо и Ланс, контролировали бы системы защиты и нападения... Ты понял методику космического боя?

— Да, Эрнадо с Редраком объясняли... — Голос Даньки в канале двухсторонней связи дрожал от возбуждения. — Сер... Капитан, а на этом экране, в центре пульта, вид сверху?

— Да. Главный пультовой экран сейчас показывает космодром с высоты нашего полета. Это чуть меньше трех километров. Площадка, на которую мы садимся, обведена красным пунктиром.

— Посадочные огни?

— Нет, просто подсказка корабельного компьютера. Световые маяки существуют, но на практике не используются.

— Здесь столько кораблей... Если Редрак ошибется, мы можем в них врезаться?

— Только не на этом космодроме. Нас перехватят гравитационным лучом и посадят на отведенное место. Дело кончится небольшим штрафом... и огромным позором.

На минуту Данька замолчал, разглядывая неподвижные силуэты кораблей, заполняющие огромное, медленно приближающееся поле. Шары и сигары разных размеров, конусы и цилиндры, диски и пирамиды, комбинации всех перечисленных фигур. Корабли разных планет, всех существующих классов — от легких спортивных яхт до боевых крейсеров. Расстояние и воздушная дымка сглаживали детали, и корабли казались похожими на набор наглядных пособий по стереометрии, в шахматном порядке расположенных на столе. Космопорт Схедмона был одним из самых больших в галактике — планета служила перевалочным пунктом между сырьевыми колониями, не имеющими Храмов, и основными мирами галактики. Здесь корабли заправлялись и ремонтировались, а экипажи получали время для отдыха перед полетом в гиперпространстве напрямую — от Храма Схедмона на сигнал Храма своей планеты.

Кроме того, Схедмон с незапамятных времен являлся торговым и культурным центром для этого района галактики.

А еще, говоря откровенно, все окрестности космопорта были большим и респектабельным притоном, предоставляющим развлечения на любой вкус...

— Капитан, а не проще было бы садиться по гравитационному лучу? Нам не пришлось бы так маневрировать...

— Данька, ты когда-нибудь ездил на велосипеде без рук или с закрытыми глазами?

— Ездил, — с заметной гордостью ответил мальчишка.

— А зачем? Проще было бы держаться за руль и смотреть на дорогу.

— Понятно...

Клэн продолжал бубнить свои буквенно-цифровые комбинации в очень быстром темпе и уже без всяких добавлений. Корабль завис метрах в пятидесяти от посадочной площадки.

— Ноль-ноль, маневровые стоп, тяга минус ноль два, — отрывисто сказал Клэн. — Тангаж ноль, отклонение ноль... тяга минус четыре... Стоим, минус пять, а не четыре! Стоим... Опоры. Гравикомпенсация. Минус десять! Стоп двигателей, идем на резерве... Дистанция плюс один, касание...

Корабль слегка качнулся. Возможно, удар смягчили гравикомпенсаторы, но не менее вероятным было то, что Редрак с Клэном провели посадку на пределе возможной мягкости.

Редрак медленно стянул с лица черный шлем. Дополнительные консоли его пульта с тихим гудением уползли в сторону. Огоньки на панелях компьютеров начали мерцать желтым и зеленым. Лицо Редрака показалось мне почти незнакомым — на нем не осталось и следа прежней недоверчивой напряженности. Лишь гордость, полноправная гордость человека, сделавшего почти невозможное.

— Мы сели один в один, — удовлетворенно сказал он. — Отклонение в пределах сантиметра!

Клэн кивнул и привстал из своего кресла, протягивая Редраку руку. Пилот, не колеблясь, пожал ее. Похоже, на их планетах обычаи вполне земные...

— Ты пилот, — просто сказал Клэн.

— Ты тактик, — ответил Редрак.

Я задумчиво смотрел на них. Передо мной словно открывалось что-то новое, непривычное. Никогда бы не подумал, что клэнийца может обрадовать что-нибудь, кроме военной победы, а Редрак способен переступить через вколоченную гипнокодированием подозрительность.

Оказывается, могут.

Даже для Клэна жизнь не сводится к бесконечному поединку во имя родной планеты. Даже для него есть просто работа — обычная работа, в которую можно вложить все силы, и друзья — те, кто стоят плечом к плечу во время этой работы.

— Всем спасибо, — сказал я, поднимаясь из кресла. — Два часа на формальности и таможенный досмотр. Затем отдых... Рекомендую прогулку по местным притонам.

Редрак ухмыльнулся. Ланс понимающе кивнул. Эрнадо пожал плечами. Клэн спросил:

— Мое присутствие может оказаться полезным?

— Возможно, — не скрывая скепсиса, сказал я.

— Белый Рейдер?

— Человек, которым должен интересоваться экипаж Рейдера.

— С удовольствием прогуляюсь по злачным местам Схедмона.

Я задумчиво посмотрел на Даньку. Мальчишка напрягся. Обиженно сказал:

— Я тоже член экипажа. А если будет стриптиз, то могу и отвернуться.

Первым засмеялся Ланс. Потом остальные. Лишь Редрак едва улыбнулся, но неожиданно сказал:

— Мальчик прав, капитан. Он имеет право идти — по уставу. Любой член экипажа имеет право на отдых после полета, длившегося больше пяти дней.

— Хорошо.

Я искоса взглянул на Эрнадо. Но все было в порядке — ни малейших следов той прежней отстраненности в лице не оказалось.

— Эрнадо, перед выходом из корабля выдайте кадету парализующий пистолет. И объясните, как с ним обращаться.

...Выбитый в мягком известняке ход был узким и довольно извилистым. Кое-где с потолка капала вода, собираясь на полу в мелкие хрустально-чистые лужицы.

— Главное достоинство ресторана «Грот», — разглагольствовал Редрак, — это обилие входов и выходов. Есть очень культурные, с лифтами и эскалаторами, а есть такие — со всем, необходимым для романтиков... Даже с пятнами крови на стенах, там, где кого-то пришили. Пятна регулярно подкрашиваются...

Данька осторожно взял меня за руку. Похоже, он считал меня большей гарантией от неприятностей, чем пистолет-парализатор, занимающий законное место в кобуре на поясе.

Коридор окончился довольно неожиданно: колеблющейся радужной голографической завесой. Я почему-то ожидал массивной двери из дерева или металла.

Пройдя сквозь иллюзорную «штору», мы оказались в прохладном полумраке небольшого зала. Каменные стены, поблескивающие искорками кристаллических включений, низкий неровный потолок... Пещера, слегка облагороженная, обставленная массивной мебелью и освещенная фальшивыми «факелами». Вспомогательные помещения были искусственными, но их видно не было.

— Мы первые, — задумчиво сказал Редрак. — Что ж, осмотримся.

Пещера была узкой и длинной, с многочисленными гротами-расширениями, в которых прятались низкие круглые столики. Заняты были немногие.

— Слишком рано? — спросил я.

— Наоборот, поздно... Веселье длилось с вечера до утра. В полдень здесь всегда тихо, даже местные жители рискуют заглянуть в «Грот».

Мы заняли один из пустовавших столиков, вокруг которого было лишь три кресла. Наш экипаж сегодня отдыхает двумя группами, «не знакомыми» друг с другом. Во всяком случае, до тех пор, пока это окажется возможным.

Я был абсолютно убежден, что ресторан обслуживается официантами. Но никто не спешил появиться возле столика. Зато в воздухе появилась светящаяся надпись на стандарте, призывающая нас вслух заказать требуемые блюда или же запросить рекомендуемое меню.

— Сервис на уровне кафе-автомата, — с иронией сказал я.

Редрак пожал плечами.

— Увы, мой капитан... Мало желающих работать официантом в ресторане, где каждую неделю происходит перестрелка. Зато кухня здесь великолепная.

— Могли бы установить генератор нейтрализующего поля, — заметил я.

— Тогда пропала бы вся романтика «Грота». Сюда идут именно потому, что есть риск не вернуться.

Заказывать блюда я предоставил Редраку с Данькой. Меня больше интересовали посетители. Полускрытые в каменных нишах столы не позволяли рассмотреть их достаточно ясно, но ничего интересного пока не было. Парочка молодых людей метрах в десяти от нас, слишком уж нежно прижимающихся друг к другу... Забавно, но достаточно обыденно. Пожилая женщина с двумя кавалерами средних лет — тоже вполне тривиально. Компания из пяти-шести полупьяных космонавтов в незнакомой форме — более, чем естественно.

— Боюсь, мы зря явились в это заведение, — сказал я, принимая из открывшегося в стене люка огромные блюда. Мясо с гарниром — мне, суп и сладости — Даньке, три тарелки салата и бутылку вина — Редраку...

— По крайней мере, не останемся голодными, — непринужденно заметил Редрак. — Сейчас осмотрюсь...

Наполнив свой бокал вином, он небрежно извлек из кармана очки. Самые обычные с виду, с зеркально-темными стеклами и простой пластиковой оправой… И электронной начинкой, делающей из них гибрид бинокля и прибора ночного видения.

— Эрнадо, Клэн, Ланс, — вполголоса произнес он. — А я-то решил, что мы их опередили…

— Где они?

— На противоположной стороне, через семь столиков…

— Что еще?

Редрак молча разглядывал дальний угол ресторана. Потом поднес руку к лицу, поправляя очки и подстраивая увеличение. Отхлебнул вина, против обыкновения не смакуя букет.

— Редрак!

Пилот повернулся ко мне. В зеркальной черноте очков плясали отблески пламени «факелов».

— Вы верите в удачу, капитан?

По телу пробежал холодок. Я вытер губы салфеткой, скомкал ее и отложил в сторону.

— Да.

— Он здесь. За столиком в угловой нише с каким-то молокососом и двумя девчонками.

— Ты уверен?

Редрак поморщился и с оттенком обиды процедил:

— Включите свой браслет.

— Я оставил его на корабле. Сообщи Эрнадо.

Редрак кивнул. Спросил:

— Дождемся, пока парень двинет на выход?

Я заколебался. Самое разумное — брать «языка» в одном из многочисленных извилистых выходов из ресторана, на худой конец — в кабине лифта… Но что-то холодными молоточками стучало в груди. Не то нетерпение, не то страх, не то моя проклятая интуиция…

— Берем немедленно. Вариант «наглый кавалер».

Редрак стянул очки и молча выбрался из-за стола. Пошел по узкому проходу, покручивая их в ладони. Выронил, проходя мимо столика, за которым мирно обедала вторая половина нашего экипажа. Нагнулся, поднял очки, что-то вежливо бормотнул.

Эрнадо небрежно кивнул ему. Повернулся к Лансу, с улыбкой что-то произнес.

Все шло по плану. Сейчас Ланс с топорной деликатностью пьяного молокососа начнет отбивать у побывавшего на Земле пирата даму. Потом они выйдут в ближайший коридор — «разобраться». А там их уже будут поджидать Клэн с Эрнадо.

Не слишком-то честно, но весьма эффективно.

Я взял оставленный Редраком бокал, глотнул нестерпимо кислого вина. И это у них лучший сорт?

Все шло отлично. Ланс медленно выбирался из-за стола, Эрнадо с Клэном уже исчезли. В дверях туалетной комнаты показался Редрак с мокрым лицом.

— Сидеть на месте, ни во что не вмешиваться, — приказал я по-русски ничего не подозревающему Даньке. — Начнется пальба — падай под стол. Ясно?

Мальчишка поперхнулся блюдом, напоминающим мороженое, обсыпанное разноцветной фруктовой пудрой. Переспросил:

— Что?

— Это приказ, кадет! — рявкнул я, ухитряясь не повышать при этом голоса и сохраняя добродушную улыбку. — Ни во что не вмешиваться! В любого чужака, подходящего к столику — стреляй!

Из кармана куртки я достал собственные «очки». Надел их и коснулся крошечной кнопки… Мир вокруг дернулся, словно я прыгнул вперед. Лицо редраковского знакомого теперь было перед глазами. Полутьма рассеялась. Он что-то оживленно говорил, энергично жестикулируя и самодовольно улыбаясь. Да, поговорить парень любит. И выпить явно тоже…

Вторая кнопка. Узконаправленные микрофоны с системой активной фильтрации звука… Чавканье молодой девушки — звук был настолько неприятен, что я поморщился и быстро покачал головой. Микрофоны перенастроились.

— …все-таки сомневаюсь. Ты уж прости, Дрэй…

Я слегка кивнул, подтверждая фиксацию этого голоса. Молодой собеседник нашего будущего знакомого в чем-то не соглашался с ним. Послушаем, пока Ланс продолжает ломать комедию, бродя от столика к столику и расточая любезности дамам. Не нарвался бы он на скандал раньше времени…

— Да зачем мне тебе врать…

А это уже говорил Дрэй. Человек, покупавший плутоний в Нью-Йорке… Я опять склонил голову, подтверждая датчикам необходимость прослушивать и этот голос. Ох и набрался же он...

— Я тебя вижу в первый раз... и последний, если не разучусь управлять кораблем... Ты не человек, ясно? Ты рыба в мелкой луже, курица в клетке... Родился на этой планете и сдохнешь здесь же... Как эти... земляне... Был я там, понимаешь? Был!

— Но мне рассказывали, — очень вежливо и абсолютно не реагируя на оскорбления, сказал собеседник Дрэя, — что планеты, которой нет, достичь в реальном пространстве невозможно. Только через этот... как его... гипертуннель.

Я начал привставать, а рука сама собой скользила за отворот куртки.

Этот юноша, беседующий с Дрэем, не был пьян. Не был он и коренным жителем Схедмона. Только пьяный и самоуверенный кретин мог не заметить у него отсутствия особой гортанности в его стандартном галактическом. Акцента, которые порождает чуть-чуть измененное строение голосовых связок...

Умело и упорно он вытягивал из Дрэя необходимые ему сведения. Сведения о Земле. И усердно чавкающая девушка внимательно вслушивалась в их разговор. А вторая, крутящая в пальцах хрустальный бокал, пристально разглядывала приближающегося Ланса. И в глазах ее было не скучающее любопытство дешевой проститутки, а холодный расчет профессионала-наблюдателя.

— Дурак... Ты меня понимаешь не больше, чем этот стол... Я достиг планеты, которой нет, после слепого прыжка с опорой на маяки Схедмона, Оара и Гэг-2... а вектор знаешь на что ориентировался? На звезду...

По-моему, уже хватит, чтобы уверенно задать курс.

— Ложись! — крикнул я, вырывая из кобуры под мышкой бластер. Лазерный излучатель импульсного действия малой мощности с принудительной системой охлаждения и эффективной дальностью стрельбы по живой мишени в сто двадцать метров...

Девушка, так старательно пережевывающая пищу, вскочила из-за стола. В ее руках блеснул металл — и это предрешило мои действия.

Тонкий белый луч протянулся через узкий и длинный зал ресторана. Я не хотел убивать, да и не такой уж я меткий стрелок... Лазерный импульс вонзился в пистолет, уже направленный в мою сторону. Через десятую долю секунды металл пистолета раскалился докрасна. Еще через одну десятую расплавилась изоляция энергоразрядника, и десять мегаватт вошли в тонкую руку, твердо сжимающую бластер.

Девушка не успела ни вскрикнуть, ни шевельнуться. Она умерла мгновенно — обугленный черный труп продолжал стоять несколько секунд, прежде чем обрушился на пол горсточкой праха.

Дрэй, похоже, мгновенно протрезвел. Он прыгнул через стол в сторону ближайшей двери. Но еще в воздухе его остановил сильный удар недавнего собеседника. Юноша действовал со скоростью, достойной клэнийца. Но он им не был. Тонкие клыки выскользнули изо рта... В критической ситуации ему было не до того, чтобы контролировать инстинкты.

Сбитый на пол Дрэй даже не успел подняться, и драка шла уже над ним. Ланс, мгновенно оценивший ситуацию, попытался оттащить его в сторону и с трудом парировал молниеносный выпад пэлийца. Несколько секунд они обменивались ударами — потом между ними сверкнула голубая вспышка парализующего пистолета. В игру включилась вторая девушка. Ланс упал.

Следующим выстрелом она заставила замереть Дрэя. Юноша легко подхватил его, забросил на спину и шагнул в сторону выхода. Девушка равнодушно посмотрела на неподвижного Ланса и подняла свое оружие.

Конечно, парализующий пистолет не убивает, но три-четыре выстрела подряд обычно останавливают работу сердца... Девушка успела выстрелить повторно лишь один раз.

Редрак, подстегиваемый психокодом, опередил даже меня. Он метнул нож, самый обычный, не плоскостной и не вибрационный. Но его оказалось достаточно — на девушке было лишь длинное вечернее платье с широким вырезом на спине. Туда и вошел клинок.

На мгновение мне показалось, что все в порядке. Редрак легко успевал догнать похитителя, а за ним последовал бы я... Но тут из-за спрятанных в нишах столиков принялись выскакивать люди, и началась общая свалка.

Я не заметил, как появились в толпе Клэн с Эрнадо. И Редрака вновь увидел лишь после того, как он бросил на стул неподвижное тело Ланса, выхваченное им из самой гущи событий...

Пригнувшись — словно это могло сделать меня менее заметным — я следил за пэлийцем, утаскивающим Дрэя. Он был не один, даже после гибели своих спутниц. Его прикрывали не менее шести человек. Если для остальных посетителей происходящее было лишь отличной возможностью «поразмяться», паля во все стороны, то эта маленькая слаженная группа умело прикрывала отход товарища.

Я видел, как скользил сквозь толпу Клэн — люди на его пути разлетались, словно сухие листья от порыва ветра. Но вот он добрался до двух рослых парней с длинными плоскостными мечами в руках и остановился, выхватывая свой собственный меч. Секунда, другая... Его начали медленно оттеснять назад. Клэнийца. Наемника. Человека, чьей профессией было убийство!

Нас обыграли.

Эрнадо расчищал себе дорогу непрерывным огнем парализатора. Веера голубых лучей укладывали отдыхать всех, попадающихся ему на пути... Но вдруг, совершенно неожиданно для меня, Эрнадо прыгнул в сторону. И не зря. Там, где он только что стоял, клокотал оранжевый огненный шар. Тяжелый плазменный бластер, военная модель. Оружие, многими презираемое за излишнюю мощность.

Мой наставник ухитрился опередить стрелка. Ускользнув из-под удара, он скрылся в одной из скальных ниш — оттуда послышался сдавленный женский визг. И сразу же у входа в его импровизированное убежище заплясало темно-желтое пламя. Если Эрнадо и не изжарится отраженным тепловым излучением, то выглянуть из ниши не сможет наверняка.

Пэлиец пинком распахнул дверь... Да нет, не распахнул, эта дверь тоже была иллюзорной. Он шагнул в нее, пронося ногу через несуществующее дерево и металлические инкрустации. Дрэй беспомощно болтался у него на спине...

Пират, контрабандист, негодяй, пьяница, болван... Единственный человек, знающий путь к Земле. Мой несостоявшийся проводник.

Будущий проводник Белого Рейдера? Другой силы, способной организовать такую охоту за не в меру болтливым Дрэем, я не знал.

Но хозяевам Белого Рейтера он не скажет ни слова.

Я поймал в прицел бластера его спину. И плавно нажал на спуск.

Глава 25

СЛОВО СЕКТЫ

Никогда не убивал в спину. Никогда не убивал безоружного. Никогда не убивал невиновного.

Но Дрэй, хвастливый мошенник, возомнивший себя героем, знал то, чего не должен был знать. И, может быть, лишь два-три его слова отделяли Землю от неотвратимого кошмара: Белый Рейдер на безопасной орбите, где-нибудь возле Сатурна, и десятиметровый шарик кварковой бомбы, медленно падающий в атмосфере. Все ближе и ближе к Земле, к ее океанам и скалам, к материи, достаточно плотной, чтобы вступить в реакцию кваркового распада... И серый день Апокалипсиса, именно день — бомба затратит на уничтожение планеты несколько десятков часов. Огромная, стремительно расширяющаяся воронка, заполненная атомарной пылью... Серая язва, раковая опухоль в теле планеты. Расползающаяся пустыня из невесомой трухи, только что бывшей деревьями и цветами, домами и машинами, летящей над лесом птицей и работавшим в поле человеком. Серый вал, накатывающийся на города... Бегущие люди, которых настигает непонятная, дикая, страшная смерть... Самолеты, кружащие над рассыпающейся на атомы планетой, прежде чем и их охватит реакция отталкивания кварков...

Бывает знание, убивающее самим фактом своего существования.

Я нажал на спуск, и тонкий белый луч лазерного пистолета перечеркнул жизнь Дрэя. Жизнь, из которой мне был известен лишь крошечный эпизод — бегство от патрульного крейсера, закончившееся на планете Земля.

Попутно выстрел избавил от переживаний по поводу невыполненного задания и молодого пэлийца. Лазерному лучу все равно — один или четверо...

Одежда Дрэя вспыхнула. А тащивший его пэлиец покачнулся и упал сквозь иллюзорную дверь в коридор, ведущий к выходу, к спасению...

— Охраняй мальчишек! — крикнул я Редраку, уже не задумываясь над тем, чтобы беречь самолюбие Ланса — парализованного, но прекрасно все слышащего. И бросился к двери, за которой исчезли Дрэй и пэлийский вампир.

Ресторан больше не казался полупустым. В его «основном зале» — пещере стометровой длины и десятиметровой ширины — дрались друг с другом не меньше полутора сотен человек. И это не считая женщин, в большинстве своем оставшихся в гротах, за столиками... Передо мной мелькнуло лицо одной из них — симпатичная, худенькая брюнетка в светящемся вечернем платье. Она неторопливо разрезала ножичком бифштекс, не отрывая любопытного взгляда от развернувшейся бойни. Дура? Садистка? Психопатка?

Я упал на каменный пол, уклоняясь от сверкнувшего надо мной плоскостного клинка. Выхватил меч и парировал следующий удар. Нападавший, оказавшись без двух третей лезвия, поспешил ретироваться.

Странно — все вокруг использовали лишь атомарное оружия. Только мой экипаж и противостоящие ему похитители применяли парализаторы и лучевое оружие... Почему? Ведь нет никакого нейтрализующего поля, нет никаких законов, препятствующих использовать в бою хоть генератор антиматерии... Словно для всех собравшихся драка была в первую очередь развлечением, возможностью показать свои таланты. А какое искусство может быть в поединке, где плоскостному мечу противостоит лазерный бластер?

Что поделаешь, я дерусь по своим законам. Для меня искусство боя в победе — и неважно, каким путем... Справа сверкнул лазерный луч — и один из противников Клэна упал. Похоже, спасенный нами воин придерживался той же точки зрения...

— Сергей, сзади! — Голос Редрака срывался от страха.

Обернувшись, я увидел щуплого невысокого мужчину в причудливо расцвеченной местной одежде. С радостным ликующим лицом он заносил для удара меч. Клинок полыхал белым огнем. Непрерывная заточка, метод, который я же и ввел в обиход... Даже успей я полоснуть его мечом — занесенный клинок опустится на меня...

Он нашего столика ударил голубой луч. Стрелял не Редрак — он никак не мог вытащить свой бластер из-под одежды, а Данька. Не знаю, чего здесь было больше — уроков Эрнадо, врожденной меткости или просто удачи...

Данька попал. Схедмонец, решивший поразвлечься в компании космонавтов, застыл. Лицо его одеревенело, рот замер в идиотской ухмылке, руки замерли. Медленно, как подрубленное дерево, он повалился на пол.

Я чуть пригнулся над ним, коснулся кончиком лезвия горла. Сказал на стандарте:

— Бить лежачего нечестно. Но и нападать со спины нехорошо.

Мой меч прочертил в полу еще одну микронную щель.

— Так что мы квиты.

Дерущиеся уже успели разбиться на группки. Общая свалка превратилась в красивый, словно многократно отрепетированный поединок. Проскальзывая между увлеченными своим делом людьми, я добрался до голографической двери, за которой скрылись Дрэй и его похититель. Мертвые? Или все же еще живые...

За голографической пеленой был широкий коридор, ничем не напоминающий тот ход, которым мы пробирались в ресторан. Мягкие ковры на полу, широкие покатые ступени, плавно уходящие вверх. Свет не был ярким, но каким-то удивительно спокойным, не слепящим глаз после ресторанного полумрака; не доносилось ни единого звука. От ресторана коридор отделяла не только голографическая дверь, но и звукогасящее поле, заглушающее звон ударов и крики раненых. Правда, сейчас неброская роскошь парадного входа в ресторан была немного подпорчена.

На огромном белом ковре из натуральной шерсти ручной работы расплылось темно-красное пятно. В центре кровавой кляксы лежали Дрэй и пэлиец — неподвижные, безнадежно мертвые. Голова пэлийца была запрокинута, высунувшиеся на несколько сантиметров клыки пропороли в ковре две борозды до самой основы.

Черт побери, ну и убытков же я наделал ресторану...

Чуть поодаль замерла перепуганная троица — пожилая, но еще красивая женщина и двое темнокожих, почти черных мужчин средних лет. Где-то я уже их видел... Женщину, во всяком случае...

— Они мертвы? — спросила женщина. Голос резко контрастировал с внешностью — он был абсолютно спокойным, любопытствующим.

Я наконец-то вспомнил. Эта троица сидела в ресторане напротив нас. Быстро же они выскочили в коридор. Или ушли еще до начала потасовки?

Приподняв веки Дрэя, увидев расширенные на весь глаз зрачки, я кивнул:

— Мертвы.

— Жалко, — заметила женщина. Спутники ее в разговор не вмешивались.

— Жалко, — как попугая повторил я. И почувствовал дыхание опасности — легкое, почти неуловимое... Меч в ножнах, бластер в кобуре... Но ведь я успею их выхватить, прежде, чем любой из странного трио — хоть женщина, хоть ее кавалеры, потянется за оружием!

— Бери его, Вайш, — коротко сказала женщина.

Замерший в луже крови пэлиец мгновенно распрямился. Удар в лицо отбросил меня к стене. Я потянулся к мечу, проклиная себя за самонадеянность и глупость. Ведь рассказывал мне Эрнадо про пэлийцев вполне достаточно, чтобы понять — одним выстрелом невозможно убить существо с тремя независимыми системами кровоснабжения и дублированием прочих, «менее важных», органов!

Мой меч отлетел в сторону, а сжимавшая рукоять кисть повисла под неестественным углом. Я крикнул от боли в вывихнутом суставе и ударил наседающего пэлийца ногой. Он словно не почувствовал удара, способного уложить на пол любого мужчину. Великие Сеятели, да гуманоид ли он, в конце концов?!

Руки вампира прижали меня к стене железным по прочности захватом.

— Молодец, Вайш, — ласково сказала женщина. — А теперь подожди. Я должна его рассмотреть.

Лишенный возможности сопротивляться, я молча ждал, пока женщина разглядывала меня. Несколько секунд я занимался тем же, потом, решив, что смогу ее узнать под любым слоем макияжа, если против ожиданий останусь в живых, переключился на Вайша.

Пэлийский вампир теперь не слишком-то напоминал человека. Клыки — удивительное творение эволюции, прирожденный шприц, способный откачать кровь или впрыснуть парализующий токсин; глаза, ставшие ярко-красными; бледная, белесая кожа, обтянувшая заострившиеся черепные кости. Ох, не случайно земной фольклор так точно отразил облик вампиров! Пэлийцы были древней и богатой цивилизацией, и стоимость гиперперехода до Земли могли оплатить многие. Планета, которой нет, отличный охотничий заповедник для пресытившихся обычным рационом вампиров...

— Я ожидала чего-то большего, — сказала, наконец, женщина.

— На большее у меня есть и другие претенденты, — зло ответил я. — До вас очередь дойдет не скоро.

— Оставь этот тон, — почти дружелюбно посоветовала женщина. — Я хочу дать тебе совет.

— А я хочу задать вопрос.

Мне надо было тянуть время. Минута, другая — и те, кто преграждал моим друзьям путь ко мне на помощь, превратятся в трупы.

— Что ж, спрашивай.

— Вы с Белого Рейдера? Секта Потомков Сеятелей?

Женщина качнула головой, улыбнулась одному из своих спутников. Сказала:

— Слышали, Рели, как они называют наш корабль?

Рели с готовностью кивнул. Неприятное зрелище, мужчина в подчинении у женщины.

— Да, лорд. Мы — Потомки Сеятелей, с корабля, который вы называете Белым Рейдером.

Странно. Если уж она так хорошо осведомлена о моей биографии, то должна знать, что я не лорд, а принц. Пускай и чисто символический. Лорд — это не оговорка...

— Теперь запомни мой совет. Я не могу убить тебя или позволить убийство кому-нибудь их членов секты или наемников...

— Приятно слышать.

— ...так что у тебя есть шанс остаться живым. В этом случае самое лучшее и честное для тебя — вернуться на Землю.

— Чтобы погибнуть вместе с ней?

— Да. Умереть со своей планетой — это благородный поступок. Докажи, что стал лордом не случайно.

— Вы не найдете Землю. Дрэй ничего вам не успел сказать.

— Кое-что успел. Мы найдем планету, которой нет, в течение года. Ты не виноват в том, что родился на Земле, но из правил нельзя допускать исключений. Все обитатели проклятой планеты должны погибнуть.

— Придурки, — тихо сказал я. — Шизики. Если вы посмеете уничтожить Землю, я сожгу планеты, откуда родом все ваши полоумные сектанты. Клянусь в этом. Заводы Тара произведут кварковые бомбы для своего принца.

Женщина презрительно улыбнулась. И туманно заявила:

— После того, как Земля погибнет, на помощь Тара можешь не рассчитывать.

Рели что-то почтительно прошептал женщине. Странно. В секте Потомков женщины никогда не играли ведущей роли.

— Да, конечно... Уходим, Вайш!

Продолжавший держать меня пэлиец бросил в сторону женщины быстрый внимательный взгляд. Словно для него сейчас были важны не столько слова, сколько интонация, жесты, выражение лица.

— После того, как мы удалимся, ты можешь считать свои обязанности выполненными. И выходишь из нашего подчинения. Поступай, как считаешь нужным.

Вайш с улыбкой кивнул.

— Вы нашли прекрасный выход из положения, бабушка! — крикнул я вслед удаляющейся женщине.

— Глупо оскорблять того, кто победил, — громким шепотом произнес Вайш. — Ты сейчас умрешь, землянин.

— Посмотрим.

Я тщетно пытался не поддаваться панике. Это было бы слишком нелепо — умереть от клыков человека-вампира, которому пять минут назад собственноручно всадил в спину лазерный луч... Нет, этого просто не может быть. Клэн или Эрнадо пробьются ко мне на помощь.

— Я выпью твою кровь, землянин. Мои предки любили посещать твою планету. В их воспоминаниях твой народ ценился высоко. Наши планеты связаны с давних пор. Еще с тех, когда Пэл наказывали вместо Земли... решили, что мы прокляты Сеятелями, и осудили нас...

Вайш на секунду замолчал, прикрывая глаза. Хватка его чуть ослабла. Я заметил, что он весь в крови, и кровь продолжает течь из сквозной раны...

— Переключаешься на резервный кровеносный контур? — с издевкой спросил я. Время, главное — тянуть время...

— Да, — прошипел Вайш. Его руки вновь обрели твердость. — Мы совершеннее вас, землян. Мы сильнее... выносливее... развитее...

— И поэтому ненавидите так, как ненавидит сильного слабый? Ты врешь, пэлиец. Ты покрываешься волдырями от ультрафиолета нашего Солнца, задыхаешься от запаха чеснока. Ты не можешь остановить кровотечения, если тебя ранят предметом из любого дерева Земли...

— Да... Но здесь я сильнее! Ты сдохнешь, человек с планеты, ко...

Он вдруг замер. Так, словно на него направили парализующий луч! Но никто не появлялся в коридоре, и руки вампира сжимали меня с прежней силой...

— Слушай и отвечай, — быстро, изменившимся холодным голосом сказал Вайш. — Не обращай внимания на тело говорящего, он лишь передатчик, кукла, ширма... Ты собираешься преследовать Рейдер?

Это не походило на игру. Вместо Вайша передо мной оказался другой человек... А может быть, и не человек вовсе...

— Кто ты?

— Без ответа.

— Как ты подчинил себе пэлийца?

— Без ответа. Ты будешь преследовать сектантов?

— Да... Если твоя ширма меня не прикончит. Ты остановишь его?

— Не решено. Преследовать Рейдер нет необходимости. Они не смогут навредить Земле. Не бойся за свой мир.

— Почему не смогут?

— Без ответа. Не бойся за Землю. Не преследуй сектантов.

— Я не верю тебе.

— Зря. Опасность грозит лишь тебе и твоему экипажу. Ты должен вернуть на Землю мальчика.

Я уставился в глаза пэлийца. По-прежнему ярко-алые, но теперь словно остекленевшие...

— Я узнал тебя. Ты уже говорил со мной... через Эрнадо.

— Да.

— А почему бы тебе не взять под контроль меня? Куда проще превратить меня в «куклу», чем уговаривать чужими голосами.

— Запрещено. Нельзя. Прямое воздействие и активное вмешательство невозможны. Только советы... уговоры...

— Слишком много советчиков. И все почему-то боятся меня убить. У тебя и женщины-сектантки одна и та же причина не трогать меня? Или вы — одно и то же?

— Мы абсолютно разные. Причины — тоже. Больше никаких ответов не будет. Ты откажешься от преследования Рейдера? Тогда я заставлю куклу разжать руки.

Под ногами вампира уже собралась лужа крови, такая, что даже мохнатый ковер не в силах был ее впитать. Вайш должен порядочно ослабеть.

— Нет. Ты не убедил меня. Я должен уничтожить Рейдер.

— Я прекращаю вмешательство и ухожу.

Неподвижность исчезла с лица Вайша. Он вздрогнул.

Это — мой шанс!

Я ударил его опять ногами туда, где у нас пах.

Вайш взвыл, складываясь пополам, и выпустил меня. Приятное сходство с землянами.

Я отпрыгнул в сторону. Вырвал из ножен плоскостной меч. Спросил:

— Ну что, гадина, приятно?

Вайш вытянул из ножен свой меч. Пошатываясь, пошел ко мне. Щелкнул кнопкой заточки — по мечу скользнуло светящееся колечко. Осторожно, его слабость может быть ловушкой...

Я заточил свой меч. Коротко взмахнул им, немного притупляя о воздух. Если клинок будет слишком уж острым, рана срастется сама собой. Тем более, у вампира...

— Колышек бы осиновый... — мечтательно сказал я. — Знаешь, как мы истребляли непрошеных гостей с твоей планеты? Деревянный кол в область сердца... Впрочем, у тебя там не сердце, а сосудистое сплетение. А в голове, похоже, сплошная кость.

— Я убью тебя, — прохрипел Вайш. — Убью...

С его клыков сорвались желтоватые капли парализующего токсина. Еще один ущерб несчастному ковру.

— Сопли подбери, — посоветовал я. — Смотреть противно.

И пошел в атаку.

Он сумел отбить три или четыре удара. Будь он в полной форме, без дырки от лазерного луча в теле, поединок мог закончиться и по-другому...

Я включил заточку меча. Она отлично очищает лезвие от крови... Подвела тебя болтливость, вампир. Надо было вцепляться мне в горло без всяких разговоров, а не проклинать Землю, слабея с каждой секундой.

Впрочем, и неизвестный доброжелатель-телепат, так легко переключающий чужое сознание под свой контроль, помог. Это ему зачтется при встрече...

Сквозь несуществующую дверь вошел Клэн. Окинул помещение быстрым взглядом. Вогнал в ножны меч и поясняюще сказал:

— Их было восемь, капитан. Все профессионалы... почти моего класса. И еще масса любителей.

— Как экипаж?

— У Эрнадо ожоги... не слишком опасные даже для тарийца. Ланс уже понемногу шевелится. Редраку поцарапали руки. Данька цел и невредим. Будем преследовать разбежавшихся?

Я покачал головой. Тяжесть ран, оцененную клэнийцем, можно смело увеличивать в два-три раза. Нам теперь не до погонь, добраться бы до корабля живыми...

— Нет, Клэн. Не сейчас. И не пешком.

Глава 26

ДУЭЛЬНОЕ РАСПИСАНИЕ

Я собрал тарийцев в своей каюте. Данька был отправлен к Редраку — практиковаться в обращении с компьютером. Трофей, накормленный до отвала, безмятежно спал на его кровати. Клэн нес вахту — один в рубке корабля, висящего на стационарной орбите над Схедмоном.

Эрнадо был еще мрачнее обычного, если это только представлялось возможным. Лицо его было красным даже под слоем регенерирующей мази. Ожоги второй и третьей степени — неприятный диагноз даже для галактической медицины. Ланс тоже выглядел багровым больше, чем полагалось уроженцу Тара, но тут были виноваты не ожоги. Какой-то из своих фраз я невольно напомнил ему позор недавней драки в ресторане, когда Ланс провалялся под охраной Редрака и Даньки весь поединок. Что ж, время деликатности ушло...

— Нас обыграли, но ситуация еще не безнадежна, — сказал я. — Я консультировался с Редраком и двумя специалистами космопорта. Знание опорных маяков гиперпрыжка резко уменьшает район поиска... и все же одиночному кораблю потребуется до двух лет, чтобы найти Землю. А Белый Рейдер пока не покинул Схедмон... скорее всего.

— У нас есть фора во времени, почему бы не начать поиски Земли раньше Рейдера? — тихо спросил Ланс.

— Потому что речь идет о жизни целой планеты. Моей родины, Ланс! И соревнование в скорости поисков с Рейдером мы проиграем. У него большая мощность двигателей и энергозапас, он способен работать в отрыве от баз дольше, чем мы. Сектанты имеют куда больше шансов наткнуться на Землю.

— Значит, вступаем в бой, — быстро сказал Ланс. — Сразу же, как только они стартуют с планеты... Эрнадо, мы не можем попросить о помощи военные корабли Схедмона? Если Сергей обратится официально, как правящий принц Тара...

Эрнадо покачал головой.

— У нас нет доказательств. Если бы сохранились записи клэнийского крейсера, планету заблокировали бы наглухо, а все космопорты прочесали... Кварковая бомба — это не шутка. Но так, без всяких оснований... Нет. Даже Император не смог бы добиться помощи властей Схедмона.

— Значит, дуэль, — твердо сказал Ланс.

Я вдруг узнал в нем того упрямого подростка, который рискнул бросить вызов Шоррэю Менхэму. С железными понятиями о чести, верности, патриотизме... Никак не решающегося переступить в отношениях со мной грань приятельских отношений и стать просто другом. Хотя бы таким, как Эрнадо, с его нарочитой фамильярностью, за которой до сих пор скрывается удивление — что за странная фигура получилась из его ученика, отправившегося когда-то в одиночку против целой армии спасать принцессу.

— Дуэль, — задумчиво произнес я. — На Земле они разрешались лишь в средневековье... Дуэль звездолетов — это же вообще бред...

— Ты не прав, Серж, — убежденно сказал Эрнадо. — Это справедливый и честный обычай. Не будь его, мы не могли бы перехватывать Белый Рейдер вблизи планеты. Полицейские крейсера уничтожили бы нас как агрессоров...

— Я не спорю, — оборвал я его. — Дуэль так дуэль...

Средневековье. Галактическое средневековье. Словно какая-то сила намеренно удерживает тысячи обитаемых планет в шатком равновесии между спокойными, мирными отношениями и тотальной войной с применением кварковых бомб, планетарных аннигиляторов, индуцированных коллапсаров...

Точно отмеренная доза агрессивности. За пределами земных моральных норм, но не доходя до всеобщего уничтожения. Поединки на плоскостных мечах, с лазерными пистолетами и паутинными минами... Отсчитанная доза смерти.

Бред. Но не больший, чем дуэль боевых звездолетов.

И вовсе не в первый раз возникает у меня мысль о странной незаметной силе, правящей тысячами миров галактики. Неважно, материальна она или воплощена в традициях, преданиях, истории человеческих народов, населяющих планеты самых разных звезд. Она есть. Она правит всеми — Эрнадо и Лансом, Клэном и Редраком, пэлийцами и схедмонцами. Это она заставляла женщин в ресторане любоваться кровавой дракой, а мирного служащего космопорта броситься на меня с мечом в руках. Это она ведет секту Потомков к их чудовищной цели.

И это ее тень наползает на меня, принуждая из всех путей выбрать самый короткий и кровавый.

Бред. Синдром Кандинского, так это называется в медицине, если я еще не совсем забыл психиатрию...

Но даже в бреду я буду защищать свою планету. Даже безумие не заставит меня забыть свою родину.

— Я позвал вас не для того, чтобы обсуждать будущие действия, они и так очевидны, — прерывая затянувшееся молчание, сказал я. — Нам нужно поговорить о прошлом.

Эрнадо с любопытством посмотрел на меня.

— Помнишь, когда мы обсуждали появление Даньки, ты впервые заговорил о том, что нам препятствуют в поисках? Отказы в ремонте, топливе, отдыхе... Аварии...

— Разумеется.

— Ты оказался прав, и мы встретились с кораблем сектантов морально подготовленные к существованию врага. И словно забыли о том, что любые диверсии или активное противодействие невозможны без постоянной и точной информации — о нашем корабле, его маршруте, планах дальнейших действий...

Эрнадо нахмурился. Медленно, будто бы через силу, произнес:

— Ты хочешь сказать, что на корабле предатель?

— Я хочу спросить, кто из вас — ты или Ланс — еженедельно посылает по гиперсвязи отчет о событиях на корабле.

— Серж! — Впервые с незапамятных времен Эрнадо повысил на меня голос. — Это слишком серьезные слова, чтобы бросаться ими под воздействием...

— Я не бросаюсь словами, Сержант!

Назвав Эрнадо его старым званием, обращением нашей первой встречи, я заставил его умолкнуть.

— Возможно, я не слишком умелый пилот... и обращаюсь с техникой куда хуже любого курсанта ваших школ. Но проконтролировать расход энергии и режим работы гиперпередатчика я способен! Раз в неделю, с момента нашего отлета с Тара, на планету велись постоянные передачи.

— Автомат? — высказал догадку Эрнадо.

— Не думаю. Мы уже дважды меняли оборудование, никакой шпионский прибор сохраниться на корабле не мог.

— «Блуждающая» программа в борт-компьютере, — предположил Эрнадо.

— Клэн проверил все блоки машинной памяти с помощью поисковых программ своего мира. Три часа назад, по моей просьбе. Компьютеры, имеющие выход на гиперпередатчик, чистые.

— Значит...

— Кто-то из вас регулярно делает отчеты о полете... Давайте не будем тянуть, опускаться до детекторов лжи и прочей гадости. Как принц Империи Тар я требую от вас, своих подданных, честного ответа: передавали вы информацию с корабля или нет?

— Нет! — твердо сказал Эрнадо. — Раз или два в месяц я переговариваюсь с друзьями на Таре... Но никакой информации о корабле не давал, не даю и давать не собираюсь. Я просто хочу знать, что происходит в моем мире, на моей родной планете!

— Я не вел, не веду и не буду вести переговоров с врагами, давать им любую информацию... — Ланс отвел взгляд.

— А с друзьями? — резко спросил я. — С принцессой династии Тар, например? С законной повелительницей твоей планеты?

Эрнадо подпер ладонями щеки и уставился на Ланса. Он был не удивлен, а скорее предвкушал интересное зрелище. Может быть, мне давно стоило спросить совета у бывшего наставника?

Ланс молчал. Его совсем еще мальчишеские черты лица затвердели, заострились. Взгляд стал жестким.

— Отвечай!

— Капитан, я могу ответить, лишь спасая свою жизнь. Таков приказ.

Наши глаза встретились. И я вдруг уловил во взгляде Ланса что-то вроде усталого, робкого облегчения. И еще каплю иронии.

Я вытащил из кобуры плоскостной пистолет. Это была последняя модификация, сделанная на «моей» планете, на Таре. Сто шестнадцать несбалансированных плоскостных дисков с дальностью стрельбы до ста метров.

— Клянусь, — как можно тверже и убедительнее сказал я, — что убью тебя, если ты не откроешь, кому были адресованы сообщения с борта корабля. Это мое право. Я — твой повелитель. Говори!

Ланс кивнул.

— Я повинуюсь приказу. Принцесса позволила мне лететь с вами в обмен на обещание еженедельно докладывать о ходе путешествия. Я согласился, поскольку в ее словах было лишь беспокойство о вас, принц. Это не могло принести вреда.

Выпалив на одном дыхании свое признание, Ланс замолчал. Эрнадо слегка приподнял правую руку. Сказал с нескрываемым любопытством:

— Серж, а если бы Ланс не признался?

— Я стал бы клятвопреступником, — ответил я. — Ланс, ты понимаешь, что выдавал всех нас? Гиперпередачи довольно легко перехватываются. Ты сам занимался этим на «срединных вахтах»?

— Я никого не выдавал, — гордо ответил Ланс. — Принц, все передачи велись по императорскому коду.

Эрнадо присвистнул. Недоверчиво спросил:

— Тебе доверили эту тайну? И твоей маленькой головы оказалось достаточно, чтобы вместить систему переменного кодирования на основе нелинейного исчисления и лексики пятисот планет?

Ланс достал из кармана тонкую пластинку. «Множественная фотография», пластиковая планшетка, хранящая в себе несколько сотен объемных изображений... Во всяком случае, так казалось на первый взгляд. У меня самого было несколько таких пластин — с видами разных планет, среди которых встречались и земные пейзажи. Экзотика...

— Это кодирующий компьютер.

Ланс коснулся указательным пальцем какой-то, лишь ему известной точки на фотографии — вполне заурядном семейном портрете. В пухлом малыше угадывался сам Ланс, в мужчине и женщине рядом — его родители... Изображение растаяло, сменилось черно-белыми квадратиками с буквами и цифрами внутри.

— Теперь надо лишь набрать на сенсорной клавиатуре текст и подключить планшетку к магнитному терминалу передатчика. Компьютер зашифрует текст и выдаст команду на ориентацию антенны... Возьмите, капитан. Я объясню, как перенастроить планшетку на вашу личность.

Я повертел в руках пластмассовый прямоугольник. Кодирующий компьютер. Просто... и надежно?

— Эрнадо, это действительно надежный шифр?

— Да, принц. Расшифровать любое сообщение можно только случайно, путем долгого компьютерного анализа, который даст не меньше десятка разных вариантов текста. Но для следующей передачи код будет уже совершенно другим.

— Только члены правящей императорской семьи... и особо приближенные лица... имеют доступ к кодирующим устройствам. А дешифрующий блок имеется лишь у принцессы... раньше был и у императора...

Ланс говорил медленно, словно бы неохотно. То ли ему неудобно было причислять себя к «особо приближенным лицам», то ли его смущала ситуация, при которой я — пусть формальный, но принц, не знал секретного кода своей планеты.

— Лишь у принцессы... — повторил я за ним. — А раньше был у императора. Еще раньше...

— Даже если дешифратор попадет в чужие руки, работать он не будет. В нем сложная система опознания личности.

— Не сомневаюсь.

Я вдруг все понял. Все, от начала и до конца, от причин осведомленности секты в наших делах — до их странной снисходительности ко мне и экипажу... И даже появление Даньки окончательно обрело ясность, утратило легкий ореол случайности.

Ошибки порой говорят о враге куда больше, чем удачи.

— Эрнадо, Ланс, — начал я. — Думаю, ситуация складывается так, что вам придется сделать неприятный выбор...

Под потолком взвыла, заглушая мои слова, сирена. Я вскочил, почти автоматически раскрывая шкафчик с боевым костюмом. Тревога могла быть объявлена лишь по одному поводу...

— Экипажу от вахтенного пилота. — Голос Клэна в динамиках был не более эмоционален, чем речевой синтезатор корабельного компьютера. —

Тревога второй степени, повторяю — тревога второй степени. Всем занять места по боевому-боевому расписанию. Интервал безопасности две с половиной минуты...

Эрнадо с Лансом исчезли из каюты так быстро, что я не поверил глазам. Им нужно было взять свои боевые костюмы и уложиться в двухминутный интервал безопасности, объявленный Клэном.

— Повторяю, тревога второй степени, расписание боевое-боевое, интервал безопасности две минуты пятнадцать секунд. На взлетном поле частного космодрома Дольхоб обнаружен Белый Рейдер, вышедший из маскировочного поля. Спектральный анализ показывает форсированный разогрев двигателей. Предполагаемое время старта...

Я застегнул последнюю магнитную «молнию», превращая боевой полетный костюм в нечто вроде легкого скафандра. Мягкий неактивированный шлем, похожий на круглый полиэтиленовый пакет, болтался у меня на спине.

Дверь распахнулась, и в каюту влетел Данька. Следом, едва успев остановить закрывающуюся дверь, заглянул Редрак. Быстро кивнул мне и исчез, так ничего и не сказав.

— Дуэль? — заорал Данька, хватая меня за руку. — Мы поймали тот звездолет?

Полновесным толчком я направил мальчишку к шкафчику. Крикнул:

— Боевой костюм! Быстро! Минута до боя!

Данька, путаясь в шелестящей серебристой ткани, начал разворачивать подобранный по его росту костюм. Одним движением я всунул его в штанины, зарастил нагрудный шов и бросился к двери, предоставив самому разбираться с рукавами, воротником и системой герметизации. Кадет может не уложиться в отведенное на сборы время. У капитана таких привилегий нет.

— Интервал безопасности — одна минута, — нагнал меня возле лифта голос Клэна. — Навигатор и инженер реактора на посту. Рейдер завершает прогрев дюз, время до старта — двадцать-тридцать секунд.

Лифт наконец-то затормозил возле жилого яруса, и дверь открылись. Я ворвался в него и вдавил клавишу ограничения скорости. Рявкнул в самую сеточку микрофона:

— Главная рубка, максимальный ход.

Пол ударил меня по ногам, словно хотел поставить на колени перед законами физики и давно известным фактом отсутствия в лифте гравикомпенсатора. Схватившись за укрепленные на стенах поручни, я сумел устоять.

— Интервал безопасности сорок... — Динамики в лифте, конечно же, были.

Я выскочил из лифта и подбежал к своему креслу. Одновременно из второго лифтового ствола появился Редрак.

— Капитан и пилот на посту, — сухо сообщил в микрофон Клэн. — Вахта сдана.

— Данька, немедленно в рубку! — прошипел я, устраиваясь в кресле. — Клэн, что мы можем сделать?

На экранах стартовал с планеты Белый Рейдер. Маленький, укромный космодром, на котором он прятался, находился не больше чем в сотне километров от главного порта Схедмона. Одно из многих мест для любителей уединения на планете. Отличное убежище, где экипаж Рейдера несколько дней выжидал, рассчитывая, что мы уйдем с орбиты. Выходит, не желал принимать боя...

Лифт в последний раз совершил подъем к рубке. Данька в полузастегнутом костюме юркнул в свое кресло. На руках у него полным объяснением задержки сидел Трофей.

— Если мы хотим атаковать, то сейчас вполне подходящий момент, — негромко сказал Клэн. — Любой другой корабль в этот момент был бы абсолютно беззащитен. Высота не позволяет осуществить пассивный спуск в приемном луче космопорта, а орбита еще не стабилизирована. Но это не слишком честно...

Редрак опустил на лицо свой глухой черный шлем. Язвительно спросил:

— Рейдер, видимо, сжег твой корабль весьма честно?

— Да, — резко оборвал его Клэн. — Тактик к бою готов.

— Навигатор к бою готов. — Эрнадо пробежал пальцами по клавиатуре. Экраны высветили какую-то невообразимую мешанину траекторных расчетов.

— Пилот готов, — скучным голосом сказал Редрак, касаясь дополнительных пультов. Корабль слегка качнулся.

— Инженер готов, — сообщил Ланс.

— Стрелок готов, — самоуверенно заявил Данька.

— Капитан готовность принял. — Я еще раз вгляделся в экран с изображением поднимающегося Рейдера. Высота — около сотни, скорость — пять километров в секунду...

— Боевой разворот, дуэльное сближение... Ланс — требование капитуляции и досмотра во всех диапазонах. Эрнадо, расчет уязвимости.

Корабль словно упал куда-то. Секундная невесомость комком взлетела к горлу. Потом мягко навалились смягченные компенсаторами перегрузки. Под изображением Рейдера замелькали изменяющиеся цифры. Мы сближались, выходя на дистанцию прямого удара. Но одновременно Рейдер увеличил ускорение, стремясь быстрее выйти на стабильную орбиту.

— Сближение проводится...

— Рейдер на сигналы не отвечает...

— Компьютер рекомендует деструкторный удар по антенным и корпусным элементам...

— Мы не знаем, из чего сделан его корпус, чтобы применять деструкторы против обшивки, — ответил я Эрнадо.

Клэн что-то негромко бормотал по двухсторонней связи Редраку, прокладывая траекторию сближения в максимально безопасной зоне.

На мгновение наступила тишина. Два корабля сближались сейчас над планетой — и ни для кого не было тайной, что сейчас произойдет. Мой экипаж и сектанты на Белом Рейдере, и миллионы благодарных зрителей на Схедмоне — все ждали.

Ждали моих слов.

Пройдет еще полминуты — и в лихорадке космического боя, когда даже компьютеры не успевают принимать решения, уже не останется места для приказов. Экипажи превратятся в горстки одиночек, действующих абсолютно самостоятельно, спаянных лишь общим настроем, что возникает в минуты опасности у давно знающих друг друга людей.

Но вначале я должен отдать приказ.

А еще раньше, если, конечно, я хочу играть честно, я должен объяснить Эрнадо и Лансу, против кого они пойдут в бой.

Вот только нет у меня ни времени, ни сил на честную игру.

— Экипаж, мы начинаем, — прошептал я в услужливый микрофон. — Это корабль моих врагов — но я прошу вас представить, что на месте Земли оказалась ваша родная планета. Те, кто научился искать врагов, никогда не остановятся на одном. Это слишком сладко — играть в богов, чтобы можно было остановиться... Мы начинаем.

Тишина. Приближающийся корабль на экране, расчерченном клеточками прицелов.

— Начало выполнения на счет «раз». Деструкторный удар по элементам защитных генераторов. Ракетная атака с упреждением пятьсот метров по курсу, протонные и термоядерные боеголовки максимальной мощности... Лазерный удар по антенным и детекторным системам. Далее действовать по обстановке.

Я перевел дыхание. И произнес, непроизвольно повышая голос:

— Раз...

Корабль вздрогнул.

Глава 27

ПОРАЖЕНИЕ

Когда боевые системы корабля работают на полную мощность, они дают суммарную тягу, превышающую тягу взлетающей земной ракеты. Лазерные и деструкторные излучатели, включаясь, легко сдвигают корабль с орбиты силой отдачи.

Когда десяток боевых ракет — трехтонных металлических чудовищ, наполненных атомной взрывчаткой, стартуют через распахнувшиеся люки, они заставляют корабль вздрогнуть как при грубой, аварийной посадке.

Мы приближались к Белому Рейдеру дергающимся, скачущим курсом, меняющимся от включения очередной группы излучателей и старта каждой новой ракеты. Наверняка Клэн с Редраком могли выправить курс, компенсировать отдачу излучателей работой двигателей. Но это было абсолютно не нужно — ломаный, хаотично меняющийся курс спасал нас от прицельного огня врага.

Клэн был прав — любой корабль, оказавшийся на месте Белого Рейдера, был бы обречен. В лучшем случае он включил бы нейтрализующее поле и упал на планету под его прикрытием, чтобы в последние секунды спасти экипаж катерами.

Белый Рейдер принял бой.

Мы засыпали друг друга ракетами — любая из них могла превратить корабль в плазменное облако. Вот только лазерные противоракетные системы с компьютерной наводкой стояли на обоих кораблях.

Деструкторные поля пронизывали корабли, разрушая тот материал, против которого были настроены. Но на таком расстоянии излучатели должны были работать часами, чтобы оказать какой-то эффект.

На дистанции в полтысячи километров лишь широкодиапазонные лазеры оставались действенным оружием. Но именно они были беспомощны против снежно-белой обшивки Рейдера.

...Я видел на одном из десятков экранов, в каком-то специальном диапазоне, названия которого не знал и не собирался запоминать, как корпус Рейдера окутывало разноцветное сияние. Это отражалась в пространстве инвертированная, смещенная в безопасные части спектра энергия наших лазеров. Лишь малая часть их мощности затрачивалась сейчас на разрушение белой брони, большая бесследно исчезала в космосе.

Совершенно машинально, повинуясь инстинкту, я начал сводить прицельные точки лазеров воедино. Сможет ли слаженный огонь прожечь броню? Но прицелы вновь разбежались по всему корпусу, едва я отпустил управление. Кто-то, Клэн или Эрнадо, не согласились с моим решением. Я потянулся к блокировке наводки — и остановил руку. Мой оппонент был прав. Шансов пробить белую противолазерную броню немного. А вот ослепить внешние датчики, разрушить стволы излучателей или открывшиеся ракетные люки мы могли.

Наш корабль выписывал в пространстве немыслимые фигуры, охлаждая раскаленные части обшивки. Каждый поворот был неизбежным компромиссом, жертвой какого-то количества детекторов и лазерных батарей, очередным расплавленным слоем брони. Мы тоже могли противостоять лазерному огню — пусть и более расточительным способом. Между пластинами многослойной брони был проложен газообразующий пластик, мгновенно испаряющийся под лазерным лучом. Со стороны это походило на клубы дыма, возникающие там, где обшивка прогорала под лучом — сероватый густой туман, рассеивающий лазерное излучение.

Рейдер продолжал подниматься. С каждой секундой он приближался к той точке, где его орбита обретет стабильность — а значит, мы лишимся своего единственного преимущества. Когда сектанты получат возможность включить нейтрализующее поле без риска рухнуть на планету, они смогут отразить любую нашу атаку.

Изображение Белого Рейдера на экранах вдруг начало вращаться. Я услышал возглас Эрнадо, сдавленный, даже удивленный:

— У него перегрелась броня!

Даже совершеннейшая обшивка Рейдера не могла противостоять лазерному огню бесконечно. Теперь у сектантов возникла необходимость в маневрировании. А это неизбежно снизит точность их попаданий.

— Надежность противоракетной системы падает, — сообщил Ланс. — У нас вышло из строя шестьдесят процентов детекторов и около половины излучателей ближнего боя.

— Много. — На долю секунды Клэн включился в общую связь. — Я маневрировал.

— Их деструкторы настроены на электронику. Старый прием.

Надежный прием, с тревогой подумал я, глядя на нервно перемигивающиеся экраны. То и дело выходящие из строя схемы отключались, вместо них начинали работать резервные. Но даже самая важная система корабля может быть продублирована лишь конечное число раз. Еще несколько минут — и приборы начнут выходить из строя окончательно.

— Попал! — закричал вдруг Данька. — Попал!

На экранах бушевало прозрачное голубое пламя. Попаданием Данька назвал взрыв мезонной ракеты в километре от Белого Рейдера. Одна из сотни, прорвавшаяся сквозь лазерную сеть врага и взорвавшаяся достаточно близко, чтобы повредить корабль.

— Я заметил, на какой дистанции они жгли ракеты, и дал команду на подрыв чуть раньше, — возбужденно произнес Данька. — Они не ожидали!

— Молодец, — коротко похвалил Редрак. — Сейчас дождемся результатов.

Пламя медленно исчезало. Клэн пробежал пальцами по клавиатуре, и в сторону Рейдера стартовали наши последние ракеты. Те, что были в пространстве в момент взрыва мезонной боеголовки, превратились в атомарную пыль или неслись теперь вслепую с перегоревшими блоками управления.

— Жив, сволочь, — прошептал Ланс. — Жив...

Обшивка Рейдера частично потемнела, огонь по нам прекратился, но никаких серьезных повреждений не было. Ему потребуется несколько минут, чтобы сменить выведенные из строя внешние детекторы, еще немного на исправление излучателей... Но самое главное в том, что его орбита уже обрела стабильность.

— Три секунды до взрыва ракет, — тихо сказал Эрнадо. — Две. Одна. Ноль.

Ничего не произошло. На экране с максимальным оптическим увеличением я увидел, как потерявшие ориентацию, с отключившимися двигателями ракеты несутся к неподвижному конусу Белого Рейдера. Потом одна из них врезалась в ставшую серовато-сизой броню и медленно, словно под водой, развалилась на части.

Поблескивающий электронный хлам, туманное облачко замерзшей жидкости из гидроусилителей, куски темно-серого металла — все это брызгами отлетело от брони Рейдера.

— Они включили нейтрализующее поле, — ровным голосом объяснил Клэн и без того понятную истину.

— Ты сталкивался с ним раньше, Клэн, — быстро сказал я. — Какую тактику он применит?

— Добьет нас.

Громада Рейдера медленно приближалась. Ни единого выстрела, ни малейшего признака активности... Только включенное нейтрализующее поле выдавало, что корабль функционирует.

— Пятьдесят процентов лазерных и деструкторных излучателей разрушено, повреждено четыре из шести слоев брони, ракеты израсходованы полностью. — Эрнадо старался говорить спокойно, но голос его дрогнул. — Серж, я готов драться за тебя, но предпочел бы делать это на планете. Я солдат.

Я нажал несколько клавиш на пульте. На белой туше Рейдера возникли прицельные кружки. Еще одно касание управляющих сенсоров — и в носовой части корабля раскрылись магнитные ловушки, выкидывая навстречу Рейдеру крошечные дробинки из металла, всеми своими свойствами напоминающего натрий.

Вот только это был антинатрий. Десять граммов антивещества могли превратить Рейдер в облако пыли не менее надежно, чем все невзорвавшиеся ракеты.

— В нейтрализующем поле не возникнет аннигиляции, — с легкой иронией сказал Клэн.

— Конечно. Значит, им придется не снимать поле, — сказал я, разглядывая приближающийся корабль. — Если бы только наши деструкторы подействовали...

Клэн коротко кивнул. И добавил извиняющимся, таким неожиданным для него тоном:

— Да, капитан. Это был неплохой план — атака на взлете, с деструкторным ударом по генераторам поля... К сожалению, Рейдер выдержал.

Редрак повернулся к нему — зеркально-черный шар шлема делал его какой-то карикатурой на человека. Раздраженно спросил:

— Тактик, мы в бою или на курорте?

Кожа Клэна слегка потемнела. Я ответил вместо него:

— Редрак, мы в бою. Как поступил бы твой капитан... прежний?

— Ушел бы в гиперпрыжок. Я держу три опорных маяка с начала боя. У нас нет шансов победить его... теперь. Начинать ориентацию, капитан?

— У нас нет шансов скрыться! — Клэн энергично помотал головой, словно Редрак мог его увидеть. — На таком расстоянии взять наш след не составит труда.

Дробинки антинатрия хлестнули по броне Рейдера. Мгновение — и компьютер выстроил на экранах тонкие линии рикошета. Еще мгновение — и на изображении Белого Рейдера появилась пульсирующая красная точка.

— Одна дробинка вошла в броню. — Клэн задышал чаще, кожа его стала почти черной. — Или попадание под прямым углом, или здесь уже было повреждение. Теперь он не может выключить поле.

Крошечный кусочек антивещества, прилипший к обшивке, делал Рейдер абсолютно беспомощным. Он не мог снять нейтрализующее поле и открыть по нам огонь или включить двигатели. Неизбежный взрыв разрушил бы его наполовину. Когда масса напрямую превращается в энергию, даже пылинка становится опасной.

— Маневр максимального сближения, шестая и восьмая группа двигателей, В-5, А-7, — торопливо диктовал Клэн. — А-3, 7, 9.

Наш корабль вздрогнул, набирая скорость. Клэн быстро пояснил:

— Подойдем на максимальное расстояние и продолжим обстрел. Мы полностью парализуем его...

Я поискал взглядом Даньку. Что-то он притих...

Мальчишка сидел в кресле, отстранившись от пульта и прижимая к себе Трофея. Зверек с любопытством смотрел на разноцветные огоньки на панелях. Поднял голову, внимательным, почти человеческим взглядом уставился на меня.

— Данька, — прошептал я по двухсторонней связи.

Быстрый, виноватый взгляд. И смущенная улыбка.

Самый сильный страх — тот, который приходит после беспечной уверенности в себе. Страшнее всего осознать возможность смерти в детстве. И порой в этом возрасте восторг от увлекательной игры отделяют от ужаса лишь две-три секунды, два-три неосторожных слова.

— Данька, все нормально, — убежденно сказал я. — Мы его взяли, ясно? Проверь наводку лазерных пушек и приготовься добивать его.

Мальчишка торопливо кивнул и нагнулся над пультом.

Автоматы сделали бы эту работу раз в сто быстрее.

Но зачем тогда нужен экипаж?

Все произошло почти мгновенно. Мы приблизились к Белому Рейдеру почти вплотную — два километра, это не расстояние в космосе. Клэн быстро выводил нас на дистанцию прямого удара. Еще немного — и облепленный дробью из антиматерии корабль станет не опаснее закованного в цепи хулигана.

Огромный кусок обшивки, в центре которого засела крупинка антивещества, отделился от Белого Рейдера и плавно поплыл к нам. В нейтрализующем поле не работают двигатели, это верно. Но сжатый газ расширяется вполне исправно, а сдвинуть пять-шесть тонн могут и газовые двигатели.

— Сегментарная броня! — крикнул Ланс. В то же мгновение кто-то, может быть, и он сам, включил генератор поля. Но нейтрализующему полю требуется не менее чем полсекунды для возникновения.

Для отключения поля нужно еще больше времени. Но это особого значения не имело. Капитан Белого Рейдера просчитал наши действия заранее. Нейтрализующее поле они отключили секунд двадцать назад, и сейчас оно исчезло.

Крупинка натрия, которую в нейтрализующем поле не отличил бы от обычной самый опытный физик, освободилась из-под пресса странной силы, прекращающей атомарные и молекулярные реакции.

Вещество противолазерной брони вступило во взаимодействие с антинатрием.

Между нашим кораблем и Белым Рейдером вспыхнуло маленькое солнце. Большая часть энергии взрыва выплеснулась в виде светового и рентгеновского излучения. Но кое-что осталось на долю ультрафиолета и инфракрасных волн, радиоизлучения и гамма-лучей.

Экраны ослепительно полыхнули, тщетно пытаясь передать все великолепие аннигиляционного взрыва. Прежде, чем автоматика отключила их, в глазах повисли разноцветные круги. Редрак закричал — ему досталось особенно сильно в его пилотажном шлеме.

— Вращение, — Клэн не обращал никакого внимания на состояние пилота, — вращение, Редрак!

С каким-то звериным воем Редрак потянулся к пульту. Выругался:

— Да снимите вы поле, придурки!

Я несколько раз нажал клавишу отключения поля, блокируя генератор. Но прошло не меньше пяти секунд, прежде чем поле исчезло и Редрак смог закрутить корабль, поворачивая его в сторону Рейдера исправными, неиспепеленными аннигиляцией датчиками.

Белый Рейдер палил по нам из всех батарей, словно пытался приблизиться по мощности к прекратившемуся аннигиляционному распаду. Ему тоже неплохо досталось — броня почернела, навсегда утратив ту защитную силу, что спасала Рейдер от лазерного огня. Но излучающие порты были закрыты в момент взрыва, и большая часть лазеров и деструкторов сохранилась. Обшивка нашего корабля, окутанная белым туманом испаряющейся пластмассы, таяла как кусок рафинада в горячем чае. Тревожно мерцали цифры — количество электронной аппаратуры, уничтоженной деструкторами вражеского корабля.

— Решайте, капитан! — Голос Редрака напоминал стон. — Решайте! Мы еще можем уйти в гиперпрыжок!

— Он превосходит нас огневой мощью в десять-двенадцать раз. — Эрнадо не паниковал, но лицо его начисто утратило прежнюю невозмутимость.

Самыми спокойными оказались Ланс и Клэн. Пилотажный тактик, наверное, просто не умел бояться. Тысячи поколений клэнийцев учились жить и умирать без страха, и Клэн был их достойным потомком. Ну а Лансу, удерживающему бесконечными переключениями остатки приборов в рабочем состоянии, было просто не до эмоций.

Прицелы дезинтеграторов смотрели прямо на Белый Рейдер. Его потемневший корпус, казалось, светился — пространство между нами было заполнено пылью, рассеивающей лазерное излучение. Это немногим уменьшало смертоносную силу лазерных батарей, но создавало великолепный оптический эффект — космос перестал быть черным, сделался голубоватым, словно земное небо.

Клавиша, которой я коснулся, была сигналом общего залпа дезинтеграторов. Полный боезапас нашего корабля составлял почти килограмм массы. И сейчас, по моей команде, магнитные ускорители выбросили в космос весь свой груз.

Облако голубых кристалликов устремилось к Рейдеру. Долю секунды его автоматические лазерные батареи вели огонь, пытаясь испарить максимальное количество антиматерии. Потом несколько кристалликов столкнулись с заполняющей пространство пылью — и ослепительные вспышки аннигиляции сбили наводку автоматических лазеров. Капитан, а может быть, компьютер Рейдера принял единственное правильное решение.

Вражеский корабль окутало нейтрализующее поле. Огонь по нам прекратился, и Ланс шумно вздохнул, расслабляясь. Сказал:

— Девяносто процентов нашей электроники сгорело...

Эрнадо, не слушая его, спросил:

— Капитан, вы приняли решение? Это лишь временная передышка...

— Нет, Сержант. Это больше, чем передышка.

Я, наконец-то, поймал его взгляд. Эрнадо напрягся, словно собираясь с силами:

— Мне было бы легче воевать на планете...

— Нам придется воевать за планету. Смотри на экраны!

Голубые искорки ударили в борт Рейдера. И... исчезли. Секунду наш полуразрушенный компьютер переваривал информацию. Затем окрасил всю поверхность Рейдера алой штриховкой.

— Эта машина все-таки сломалась, — пробормотал Эрнадо.

— Компьютер работает! — обиженно откликнулся Ланс.

На секунду наступила тишина. Потом Клэн спросил:

— Капитан, какое вещество использовалось аннигиляторами?

— Антигелий. С небольшой добавкой изотопа антигелия «С».

Наверное, Клэн понял все сразу. Но первым отреагировал Редрак. Он, захлебываясь кашляющим смехом, сказал:

— Великолепная шутка, капитан... Антигелий с катализатором сверхпроводимости. Сверхпроводимости и сверхтекучести!

— Он растекся по всей броне, — задумчиво сказал Клэн. — Микронный слой антивещества на броне. Стоит лишь отключить нейтрализующее поле... От них не останется даже пыли. Надежно, как кварковая бомба.

Белый Рейдер висел перед нами, целый и невредимый. Совершеннейшее орудие убийства, способное разнести на атомы целую планету. Беспомощное оружие...

— Ему не поможет сброс брони? — поинтересовался Ланс.

Я покачал головой — все смотрели на меня. Так восхищенные зрители разглядывают артиста, отмочившего что-то из ряда вон выходящее.

— Нет. Это же сверхтекучее вещество. Оно перетечет на внутренний слой обшивки, если сбросить внешнюю броню.

— Нагрев, — неожиданно сказал Клэн. — При нагревании антигелий испарится.

Я снисходительно взглянул на Клэна.

— Учти, у них не работают мощные источники энергии. А разогреть всю обшивку с помощью примитивных. . .

— Всю поверхность не обязательно, капитан. Это же сверхтекучий гелий.

Несколько секунд я не понимал, в чем дело. Потом до меня дошло.

Инфракрасный экран расположен чуть в стороне от основных экранов, потому, наверное, что никто им в бою не пользуется. На нем очень легко засечь вражеские лазеры и деструкторы — излучающие экраны последних нагреваются при работе порядочно. Но это же сделают компьютеры, причем гораздо быстрее, и выдадут отметки-цели на главный экран. . .

Вот только горячее пятнышко на обшивке вражеского корабля автоматы обойдут своим вниманием. Мало ли что могло случиться! Пожар в отсеке, перегревшийся генератор. . .

С замершим сердцем я смотрел на голубоватый фон экрана, где ярко-алой точкой проступала подогреваемая изнутри поверхность Рейдера. Потом над красной точкой возник маленький оранжевый гейзер. Это испарялся, улетучивался в космос антигелий. А на его место стекался отовсюду новый, холодный и сверхтекучий.

Моя «гениальная» идея обернулась не полной победой, а секундной передышкой.

— Уходим, капитан? — Редрак стянул пилотажный шлем, словно показывая, что драться с Рейдером он больше не собирается.

Я кивнул. Говорить не было ни сил, ни желания. Уходим. Прячемся. Оставляем Рейдер в покое. Оставляем Землю на произвол судьбы.

— Вся энергия на генераторах гиперперехода, — скороговоркой пробормотал Редрак. — Навигатор, расчет по маякам. . .

Я поудобнее устроился в кресле. Несколько мгновений, Эрнадо выдаст цифры гиперпространственных координат — и накатит наркотический бред гиперперехода. Сознание, разделившееся с телом, вытворяет забавные штуки. . .

— Координаты маяков не фиксируются. — Голос Эрнадо дрожал.

Клэн издал нечленораздельный звук и склонился над своим пультом. Редрак закричал — я впервые услышал от него такой фальцет:

— Это невозможно! Сигналы всегда стабильны!

— Но сейчас они плывут. — Клэн явно оставался самым спокойным из нас. Я, например, впал в какое-то оцепенение. И Данька с Лансом тоже. . .

— Я беру прямой пеленг на планету Клэн, — продолжил наш пилотажный тактик. — Никто не против?

С трудом преодолевая неожиданный дурман, я прошептал:

— Быстрее, Клэн. Они сейчас вырвутся из капкана. . .

Еще несколько мгновений расчетов — и все уменьшающийся венчик антигаза над корпусом Рейдера. Нам осталось не более минуты для бегства.

— Маяк. . . не. . . фиксируется. . . плывет. . . — Голос Клэна превратился в сдавленный шепот. Он обхватил руками голову, скорчился в кресле. На коже, ставшей снежно-белой, проступили черные и зеленые пятна. Волосы на голове зашевелились, лицо задергалось, словно к каждой мышце подключили электрический разрядник. Из-под вставших дыбом волос проступил невысокий костяной гребень, тянущийся ото лба к затылку.

— Что с тобой? — Редрак принялся выбираться из кресла.

— Нет! Нет! — Клэн вскочил, полосуя свое лицо тонкими когтями, высунувшимися из пальцев. Брызнула темная кровь.

— Нет. . . — Клэн медленно осел обратно в кресло. — Не дамся. . .

— Что случилось? — Кажется, я утратил всякую способность удивляться. — Клэн!

— Психоатака.

— Чья? — глупо спросил я. И услышал голос Ланса — тихий, лишенный всякой интонации.

— Неважно. Ответа не будет.

Глава 28

ПСИХОКОД (ЧАСТЬ 1)

Лишь я понимал, что происходит. Клэн достал из кобуры бластер, и мне пришлось отреагировать.

— Ты ошибаешься, тактик. Ланс не нападал на тебя, он жертва той же атаки. Ты ее выдержал... а он не смог.

— Разумеется, — с ноткой вежливости сообщил Ланс. — Ваш друг отныне лишь кукла... умеющая говорить.

— И что ты хочешь сказать... Сеятель?

Клэн торопливо опустил бластер. Эрнадо и Редрак застыли, переваривая мои слова.

— Я не Сеятель. — Ланс рассмеялся. Холодным, искусственным смехом. Так, действительно, смеются лишь куклы. — Я их слуга. Ты пошел против закона... против приказов... и должен проиграть. Ни один маяк не даст сигналов вашему кораблю. Прощайте.

Ланс обмяк, словно надувная игрушка, из которой выпустили воздух. Жалобно произнес:

— Что... что я говорил? Что за бред?

— Еще десять секунд, и кончится любой бред. — Когда незримый слуга Сеятелей исчез, Клэн вновь обрел спокойствие. — Капитан, отдайте команду на эвакуацию.

Слова Клэна застали мою руку на полпути к овальной пластине командного сенсора. Я проткнул пальцами прозрачную перепонку и коснулся отполированного металла. Несколько миллисекунд, не ощутимых для сознания, компьютер проверял, моя ли рука отдала приказ и не нахожусь ли я под принуждением со стороны других лиц. Затем пластина потемнела. Но я уже этого не видел. Под моим креслом, как и под всеми другими, распахнулись диафрагмы аварийного люка.

Мы падали. В узком темном туннеле, ведущем из центра корабля к ангарам. Кресла скользили по невидимым направляющим, в мягких объятиях магнитных полей, под редкими всполохами оранжевых осветительных ламп. А бесстрастный голос компьютера бубнил в самое ухо:

— Система аварийного старта задействована. Эвакуация по схеме номер 4.

Схема номер 4? Но ведь их было всего лишь 3!

— Распределение экипажа:

Капитан Серж, Редрак, Даниил — шлюпка номер 1.

Эрнадо, Ланс — шлюпка номер 2. Клэн — шлюпка номер 3.

— Клэн! — заорал я, едва успев осознать случившееся. — Третья шлюпка — это десантный бот! Он имеет минимальную скорость!

— Да, капитан. Но максимальную защиту и вооружение.

— Что ты задумал, Клэн?

— Садитесь на планету, капитан. Это ваш единственный шанс спастись. Я атакую Рейдер.

— В одиночку?

— Да.

Туннель кончился. Наши кресла вывалились в узкую рубку спасательной капсулы. Одновременно толчок аварийного ускорения вдавил нас в кресла. Черные сферы гравикомпенсаторов сжались, спасая нас от перегрузок. На экранах возник удаляющийся корабль — наша «Терра», наш многолетний дом. А чуть поодаль — Белый Рейдер, уже избавившийся от смирительной рубашки из антивещества.

Я видел, как падали на планету наши шлюпки — моя и Эрнадо с Лансом. И как шла по короткой дуге к Белому Рейдеру шлюпка под управлением Клэна: окутанная завесой защитного поля, развивающая предельное ускорение, решившаяся то ли на таран, то ли на абордаж.

Пробежав пальцами по клавиатуре, я попытался изменить курс, направить шлюпку вслед за Клэном. Бесполезно. Автоматика не слушалась моих команд. Корабль восстал против своего капитана!

— Это бесполезно, капитан, — возник в динамиках голос Клэна. — Я перепрограммировал блоки управления... нашими, клэнийскими программами. Это будет мой бой. А вы должны спастись.

— Клэн! Мы должны были идти в бой вместе!

— Возможно, капитан. Но это бой на поражение. Я отвлеку их... надолго отвлеку. А вы постарайтесь собраться с силами и отомстить. Мой денежный счет в галактическом банке переведен на ваше имя... вы сможете купить новый корабль. Уничтожьте сектантов.

Мы приближались к планете, ревущие на форсажном режиме двигатели гасили скорость. А шлюпка Клэна уже прилипла к броне Белого Рейдера, и белое плазменное пламя выжигало люк в обшивке. Потом я услышал голос Клэна — не на стандартном: короткие, отрывистые фразы, чем-то напоминающие немецкую речь.

— Перевод, — потребовал я, давя на клавишу лингвенсора.

— Это стихи, — сообщил компьютер. — Давать стихотворный или подстрочный перевод?

— Максимально точный по смыслу.

— Почему Рейдер не стреляет, почему? — истерично вскрикнул Редрак. — Они уже сняли поле, достаточно нескольких залпов...

— Они не знают, в какой шлюпке я нахожусь. Есть причины, по которым руководство секты не пойдет на прямое убийство.

— Какие?

— Родственные связи.

Редрак замолчал, похоже, он понял все мгновенно. А из лингвенсора полились слова галактического стандартного:

— Моя семья — я, я — моя семья. Мать, отцы, наставник — все вы во мне. Женщины, дети — весь я в вас. Пока я жив — жива семья. Пока я умираю в бою — семья живет в мире. Моя кровь смоет позор, честь вернется к семье Алер. Последний из бойцов идет на смерть, значит, наш род будет жить. Прощай, Клэн, здравствуй, Алер-Ил. Я иду.

— Фанатик, твердолобый фанатик, — простонал Редрак. — Я не понимаю, зачем он на это пошел...

— Семейные кланы. Для него честь семьи важнее всего остального. Если он погибнет в достойном поединке, его семья будет отомщена.

На минуту мы замолчали. Шлюпка валилась на планету почти отвесно, вопреки всем законам физики. Непрерывно работающие двигатели гасили до нуля ее орбитальную скорость, а гравикомпенсаторы снижали смертоносные перегрузки. Вокруг нас разгоралось багровое свечение — мы входили в атмосферу.

Потянувшись к панели управления, я вывел на экран место посадки. Довольно далеко от городов, зато совсем близко к Храму...

Удар, обрушившийся на шлюпку, застал нас врасплох. Я даже не осознал его — так не успеваешь почувствовать упавшую на голову чугунную гирю. Просто мир полыхнул разноцветными красками, молниеносно проскакивая все цвета спектра, и превратился в бездонную черноту.

Я умирал. А может быть, уже умер? Но в поглотившей меня тьме дрожал затихающий шепот, многоголосый, безликий, словно спорили друг с другом тысячи близнецов... тысячи темпоральных гранат... тысячи Храмов...

— ... Он погибает, это правильно...

— Но было вмешательство, опосредованное воздействие...

— Бездоказательно...

— Правильно... правильно... Причинная цепь: воздействие на Клэна, потеря им веры в победу, атака Рейдера, смерть двадцати четырех членов экипажа, нарушение приказа стрелком лазерного излучателя, уничтожение шлюпки, выход из строя гравикомпенсаторов, перегрузка пятьдесят единиц, смерть человека.

— Смерть человека...

— Смерть...

— Запрет...

— Исправление. Вариант: темпоральная коррекция...

— Отклонить — нарушение законов...

— Вариант: защита шлюпки...

— Отклонить — человек должен быть нейтрализован без нарушения законов...

— Вариант: реанимация человека, сохранение поврежденной шлюпки...

— Прогноз: смерть через четыре минуты двенадцать секунд от скачкообразного разряда гравикомпенсаторов...

— Прямого вмешательства нет...

— Законы соблюдены...

— Принимается...

— Он опасен...

— Принимается...

— Не должен умереть...

— Он не предусмотрен...

— Поправка: Даниил должен быть возвращен на Землю. Нарушение хода истории...

— Следствие первоначальной ошибки — катер сектантов, похитивших человека, должен был быть уничтожен...

— Давняя ошибка. Исправление: возврат Даниила на Землю... Тактика: воздействие на Редрака Шолтри...

— Принято.

На последнем слове шепот превратился в крик, в раскат грома. Словно тысячи, сотни тысяч голосов заговорили одновременно. И я почувствовал тяжесть — свинцовую тяжесть, впечатывающую меня в горячую неровную поверхность.

Шлюпка лежала среди скал. Цилиндрический корпус был вспорот по всей длине, оплавленные края разреза еще светились темно-вишневым. Из разошедшегося проема свисали прозрачные жгуты световодов и разноцветные плети проводов, торчали блестящие трубы гидравлики и топливопроводов, лимонно-желтый куб изотопного энергизатора. А самым безобидным, малозначительным казался крошечный, не более грецкого ореха, черный шарик гравикомпенсатора. Вокруг него переливалось радужное сияние. Прибор работал, выпуская в пространство накопленную при спуске гравитацию.

Четыре минуты двенадцать секунд... Я принял услышанный в полубреду разговор как аксиому. Еще четыре минуты, и гравикомпенсатор разрядится «скачком», на секунду создав вокруг себя невыносимую для человека силу тяжести. В лучшем случае я умру. В худшем превращусь в лужицу красноватой протоплазмы.

Я повернул голову. Это удалось, но с трудом. Перегрузка держалась на уровне шести-семи единиц. Не то что встать, и ползти невозможно...

Место, где упала шлюпка, оказалось довольно ровным. Вокруг — скалистые гряды, крутые откосы... Если бы не разряжающийся гравикомпенсатор, посадка была бы удачной.

— Капитан!

Я не видел говорящего — повернуть голову снова было уже выше моих сил. Но я узнал голос Редрака.

— Вы живы, капитан?

— Да... — Мне показалось, что я кричал. Но наверняка это был лишь шепот.

Редрак услышал.

— Капитан, я иду...

В его голосе были смешаны самые разные чувства. И радость — наверное, мы действительно успели стать командой. И страх...

И сожаление, со слабым, но уловимым оттенком ненависти.

Редрака Шолтри гнала на помощь ко мне вовсе не дружба. Психокод, вложенные в подсознание формулы гипнотического внушения... Если он не попытается помочь мне, он умрет одновременно со мной. И Редрак пойдет на верную смерть как автомат, как робот...

— Стой!

На этот раз мне действительно удалось закричать. Я сделал еще одну попытку отползти подальше от шлюпки. И не смог.

— Редрак! Я снимаю психокод!

Тишина. Удивленный голос Редрака:

— Но, капитан...

И дрожащий, плачущий — Даньки:

— Сергей, не надо!

— Редрак, слушай! — С заметным усилием я перешел на русский: — Седьмое ноября тысяча девятьсот семнадцатого года...

И снова тишина. Теперь, после кодовой фразы, Редрак должен вспомнить все — и процедуру психического кодирования, и смертельный приказ, предохраняющий меня от возможного предательства.

Теперь он свободен. Надеюсь, что Даньке он вреда не причинит... Испугается мести Ланса и Эрнадо, даже если и захочет сорвать на мальчишке затаенную ненависть ко мне...

Тяжесть накатывалась пульсирующими волнами. Свинцовое море, ртутный океан... Я тону в нем, в его металлических волнах, в его удушливой вязкости. И воздух, втекающий в мои легкие — тяжелее воды. И каждый камешек на земле, по которой меня тащат, врезается в тело, словно клинок...

Тащат?

Пальцы Редрака сжимали мои плечи, как стальные тиски. Его лицо раскачивалось надо мной — белый, покрытый капельками овал в обрамлении черного капюшона боевого костюма.

Как он может передвигаться?

Редрак качнулся, перетаскивая меня через неприметный бугорок, и я увидел желтые точки индикаторов, пульсирующих на его плече.

Активный режим комбинезона. Вживленные в синтетику псевдомышцы несли сейчас и меня, и одетого в комбинезон Редрака. Тащили через пульсирующее гравитационное поле, давали возможность устоять на ногах. Но, увы, они не защищали от перегрузки наши привыкшие к нормальной силе тяжести тела. А комбинезон Редрака уже «выдыхался», «гас». Несколько секунд, и он упадет рядом со мной под прессом уменьшившейся, но все же непосильной перегрузки...

— Мой... комбинезон... включай, — просипел я.

Пальцы Редрака охватили мою ладонь. Из-под ногтей проступила кровь, руку пронзила боль. Когда комбинезон в активном режиме, трудно рассчитывать усилие...

Редрак коснулся сенсоров на моем комбинезоне — моими же пальцами, иначе автоматика бы не послушалась. Я почувствовал, как закололо под лопатками — включилась система неотложной помощи. А еще через мгновение тело перестало быть безвольным. Малейшее движение, намек на движение, приподнимало меня наперекор пятикратным перегрузкам.

— Твоя очередь, принц, — прошептал Редрак, оседая в моих руках. И я вдруг почувствовал нелепую, беспричинную радость — и от того, что Шолтри все же пошел мне на помощь, и от небрежно-пренебрежительного обращения «принц», и от тех естественных слов, что он произнес — вместо трагических просьб бросить его и спасаться самому...

А ведь оставайся в его сознании клеймо психокода, Редрак сказал бы именно это. Ну а Эрнадо с Лансом способны на такие мелодрамы и сейчас. Их психокод — преданность императорской власти. В том числе и мне...

Мы брели словно через густую, вязкую жижу под медленно ослабевающим гнетом перегрузки. Все дальше от разбитой шлюпки, все ближе к скале, возле которой приплясывал от нетерпения Данька, прижимающий к груди Трофея.

Мой комбинезон тоже начал выдыхаться, но и зона действия гравикомпенсатора кончалась. Мы с Редраком шли, поддерживая друг друга, напоминая не то закадычных приятелей, не то перебравших собутыльников.

— Какого дьявола ты полез меня вытаскивать? — спросил я. — Не веришь, что я действительно снял психокод?

Редрак секунду молчал. Затем спросил:

— А какого дьявола ты его снимал?

— Ясно, — искренне сказал я. — Ковыляй быстрее...

— С моей ногой ты бы полз еще медленнее...

Там, где стоял Данька, избыточная гравитация почти не ощущалась. Мы с Редраком повалились на песок — и сразу же, словно внутри меня тикали невидимые часы, я заорал:

— Лицом к шлюпке! Медицинский режим комбинезонов включить! Сейчас рванет гравикомпенсатор...

Редрак выдал такую тираду, что я всерьез усомнился, действительно ли русский превосходит галактический язык в эмоциональности? Потом мы лежали лицом к шлюпке, глядя на разгорающееся сияние вокруг черного шарика гравикомпенсатора.

Потом последовал удар.

Костер разгорался плохо несмотря на то, что валежник был сухим, как песок пустыни. Сказывалось высокогорье — на Схедмоне содержание кислорода и так невелико, а уж в трех километрах над уровнем моря...

Гравиудар вывел из строя всю аппаратуру, кроме маломощных приемопередатчиков боевых костюмов. И теперь нам предстояла ночевка в горах — если только местные власти не захотят обследовать место крушения шлюпки среди ночи. Но это было весьма сомнительно...

Проигравшие могут вызвать сочувствие. Но любопытство не могут. За нашими трупами прилетят не раньше утра.

Данька спал у костра, завернувшись в какие-то обрывки ткани, подобранные возле расплющенной в лепешку шлюпки. Редрак, побродив по окрестностям, нарвал несколько пригоршней желтоватой травы, напоминающей перезрелый укроп, и сушил ее теперь над костром, приспособив в качестве противня большой и тонкий стальной лист. Судя по остаткам надписей, раньше этот лист был заслонкой одной из крошечных детекторных амбразур. Взрыв гравикомпенсатора расплющил его. От человека при такой силе притяжения не осталось бы вообще ничего. Мелкая кровяная морось, рассыпавшиеся в пыль кости и органы просто впитались бы в землю, как горячая дробь в рыхлый снег.

Меня в очередной раз пробрала дрожь. Мне готовили невеселую участь. Спокойный, холодный диалог Храмов не имел и намека на сострадание.

А в том, что в предсмертном бреду, в те миллисекунды, когда техника всесильных Сеятелей остановила время и удерживала меня на грани бытия, я слышал именно диалог Храмов — сомнений не было. Это отстраненное знание пришло откуда-то извне — словно интонация голоса, способная раскрыть многое, не вместившееся в слова.

— Редрак, а что ты делаешь? — с ленивым любопытством поинтересовался я.

Редрак ответил не сразу и с некоторым смущением:

— Да глупости, Серж... Эта трава — слабый наркотик... правда, так его употребляют редко.

— Вдыхают дым?

Редрак явно удивился.

— Вы слышали о трэбе, капитан?

— Ну... краем уха.

— Тогда садитесь поближе.

Я устроился плечом к плечу с Редраком. Тот продолжал потряхивать над огнем импровизированную жаровню, досушивая траву. Затем ссыпал в ладонь сухую оранжевую пыль, настороженно понюхал.

— Нормально.

Он бросил в ладонь маленькую щепотку порошка, жадно вдохнул горьковатый дым, поплывший над тлеющими углями.

— Хороший сорт, капитан.

Я нагнулся к огню так, что даже глаза непроизвольно зажмурились от нестерпимого жара, и глубоко вдохнул.

Жар в груди... в легких... Холодная дрожь, проносящаяся по коже... Лавина звуков — слух обострился не меньше, чем на порядок. Потрескивание валежника в костре стало походить на пушечную канонаду, сонное дыхание Даньки едва не перекрывало его, бормотание Редрака слышалось совершенно отчетливо и ясно.

— Лучше всего мы делаем дурман, капитан... Наркотики, вина... Развлечения — это тот же дурман...

Дрожь схлынула, лишь в груди продолжал гореть огонь. Зато сознание затянула пьянящая дымка эйфории.

— Еще мы умеем делать оружие, Редрак... И убивать...

— Это тот же дурман... те же развлечения, капитан... Ничем не лучше и не хуже секса... или трэба...

— Редрак... — Меня отчаянно потянуло на откровенность. Проклятая слабость моих пьянок! Неискоренимая слабость. И не важно, чем вызвано опьянение — бутылкой «Пшеничной» на молодежной тусовке или инопланетным наркотиком с неприятным названием трэб.

— Слушай, Редрак... Ты помнишь, что говорил Ланс в рубке перед эвакуацией с корабля...

— Бред, капитан...

— Нет, Редрак. Послушай, они выходят на связь со мной в третий раз... И лишь недавно я понял, кто стоит за ширмой, кто в роли кукловода...

Я рассказывал Редраку все. Начиная с первого появления Голоса, когда они использовали Эрнадо. И про диалог с пэлийцем, и про услышанный в полубреду разговор Храмов...

Сизый дым плыл над костром. Мы с Редраком, раскрасневшиеся, с вьющимися от огня волосами, склонялись над пламенем. Наркотик принялся за нас всерьез — предметы вокруг изгибались, теряли четкие очертания. Как там это по-медицинскому... метаморфопсия, кажется...

— Серж... — Редрак сыпанул в огонь последнюю горсть порошка. — Если против тебя действительно Сеятели... Храмы... то драться бесполезно. Они способны стереть в пыль все планеты в галактике... Ты даже не муха перед слоном... ты вирус.

— Вирус может прикончить любого слона, — с радостью поймал я Редрака на слове. Глупое умение из детских времен, когда удачно «проехать на метле» значило — победить.

— Сергей... Да брось ты храбриться... Ты не тот вирус...

«Откуда он знает мое полное имя?»

Я напрягся, пытаясь скинуть дурман. И не смог. Заорал — в ушах заломило от крика. Обостренное восприятие — полезная вещь.

— Откуда ты знаешь мое полное имя?!

Редрак с недоумением посмотрел на меня. Пожал плечами.

— Данька говорил... Успокойтесь, капитан. Я не Сеятель, увы. И даже не их кукла. Но могу посоветовать лишь то же самое. Хватит гоняться за Рейдером. Если Сеятели... Храмы обещали, что они не найдут Землю — значит, так оно и есть. Их слову можно верить. Лучше возвращайтесь на Тар... к принцессе. И мальчишку с собой возьмите, я ведь вижу, как вы друг к другу привязались.

Редрак тоскливо взглянул на пустые ладони, словно надеялся найти там еще немного наркотика. И с наигранной усмешкой продолжил:

— Можете и для меня найти местечко при дворе... Или подарите гражданство Тара...

— Прекрасная идея, Ред... — впервые я позволил себе сократить его имя. — Ты что же, думаешь, что принцесса ждет меня?

— Разумеется.

— Может быть, ты еще скажешь, что я продолжаю ее любить?

— Конечно.

Я засмеялся злым, пьяным смехом. Данька зашевелился во сне и что-то жалобно пробормотал.

Я замолчал. Пьяная дурь стремительно выползала из сознания. Голова слегка побаливала, но к мыслям вернулась ясность.

— Трэб действует очень кратковременно, — упавшим голосом сказал Редрак. — И быстро выводится из организма... Черт, и надышались же мы...

Кивнув, я с тревогой посмотрел на Даньку. Надеюсь, мальчишку наркотические испарения не достали...

— В вашем рассказе, капитан, — официальным тоном заявил Редрак, — есть три ключевых момента. Они способны объяснить все. Первое: почему вас не трогают Храмы; второе: почему они так беспокоятся о Даньке; третье: почему вас не трогают... напрямую... сектанты.

— На последний вопрос ответ имеется.

Редрак кивнул. Глухо произнес:

— Я догадываюсь. Если Эрнадо с Лансом уцелели, то это вызовет проблемы.

— Да.

Костер догорал, потрескивали сучья. По-прежнему нестерпимо громко: трэб еще продолжал действовать. А далеко в небе родился слабый гул. Прямоточный двигатель, идущий на форсаже. Спящий Трофей дернул ушами, приподнял голову.

— Слышишь, Ред?

— Это Эрнадо с Лансом.

— Наверняка. — Я потянулся к Даньке и похлопал его по плечу. — Просыпайся, малыш, за нами пришли.

Глава 29

ПСИХОКОД (ЧАСТЬ 2)

Шлюпкой управлял Эрнадо. Конечно, если можно назвать управлением неспешное кружение над скалами в пределах прямой видимости от металлической рухляди, возле которой догорал наш костерок.

— Мы наблюдали за Клэном до последней минуты, — хмуро рассказывал Ланс. — Он сумел пристыковаться к Рейдеру... и, видимо, проник внутрь. Что там произошло дальше — одним Сеятелям ведомо...

— А дальше Клэн... то есть Алер-Ил уничтожил двадцать с лишним членов экипажа Рейдера, — зло ответил я. — В одиночку! Если бы мы оказались с ним рядом, то могли бы победить.

— Откуда тебе это известно?

— От Сеятелей.

Эрнадо, не отрываясь от пульта, тихо сказал:

— Сейчас я готов поверить даже в это...

— Поверить придется во многое, Сержант...

Эрнадо бросил на меня быстрый, настороженный взгляд:

— Договаривай, Серж!

— Женщина, которая руководит сектой — императрица планеты Тар.

Ланс побелел не хуже, чем Клэн в момент отражения психоатаки. Обиженно, как обманутый мальчишка, сказал:

— Ты шутишь, Серж... принц...

— Нет. Если вы будете продолжать бой с Рейдером, то окажетесь изменниками.

— Императрица — это еще не верховная власть, — нарочито твердо, словно убеждая самого себя, сказал Эрнадо. — Ты и принцесса, конечно, выше императрицы, ушедшей в добровольное изгнание.

— Эрнадо, как звали императора? Рели?

— Релиан Тар, — скорее прошептал, чем сказал, Эрнадо. — Император Релиан Тар...

— Он... под руководством императрицы... управляет сектой Потомков Сеятелей.

Было тихо, очень тихо. Лишь едва слышно гудел в корме двигатель шлюпки, да пущенным в темпе «аллегро модерато» метрономом колотилось сердце прижавшегося ко мне Даньки.

— Если вы идете с принцем, то сражаетесь против императора. Если идете против принца, то сражаетесь против формально законной власти. Я думаю, что самое лучшее для вас, ребята, это остаться в стороне. Вернуться на Тар... Думаю, император вас не осудит. Даже императрица не рискует идти против меня напрямую.

— Теперь понятно, почему нам подкинули именно Даньку, — с неожиданной улыбкой сказал Эрнадо. — Заманивать тебя на землю было бы логичнее посредством подброшенной девицы. Красавицы и умницы по земным меркам...

— Конечно. Но какие родители рискнут признать, что на свете существует девушка прекраснее их дочери?

— Не так уж они и ошибаются, — глухо сказал Ланс.

Ясно. Еще одна раскрытая карта в колоде противника. Ненавижу пасьянсы, но люблю игру «в дурачка». Особенно в переводного. Пусть на руках у меня лишь шестерки и прочие мелкие карты, но я сумею обратить их против врага.

— Решайте, ребята, — попросил я. — Сегодня же я отправляюсь покупать корабль на деньги Клэ... Алер-Ила. Рейдер погибнет — или исчезну я.

Данька, деливший со мной широкое кресло спасательной шлюпки, прошептал:

— Сережка, у меня в кармане парализатор. Если что... я выстрелю рассеянным лучом.

Я молча сжал его ладошку. Господи... Великие Сеятели...

Неужели мы действительно лучше всего умеем воевать?

— Данька, убери свою хлопушку, — попросил Эрнадо. — Я не земляк Сержа... но я шел на верную смерть, когда он спасал принцессу. Прежде чем причинить ему зло, я убью себя.

— Что ты собираешься делать, Сержант?

— То, что ты говоришь, Серж, это лишь догадки... вымыслы. На данный момент ты — принц планеты Тар. Я подчиняюсь тебе.

— Я тоже, — тихо сказал Ланс.

— Тогда направление на главный космопорт Схедмона. Корабль боевого класса мы можем купить лишь там.

Я не верю в судьбу. Я верю в случай. И если наш путь к Схедмону пролегал над Храмом Сеятелей — это не больше, чем случайность.

Когда перед нами возник зеркально-черный шар Храма, Эрнадо пришлось поднять шлюпку выше. Данька с нечленораздельным звуком приник к экрану.

Впервые Храм Сеятелей всегда завораживает. Даже темной ночью, когда он похож на сгусток тьмы, утыканной искорками звезд. Зеркальные и черные квадраты чередуются у Храма без всякой видимой закономерности. Но когда смотришь на тьму, более густую, чем межзвездный космос, и отражение далеких звезд, запутавшихся в зеркальных пластинах Храма, где-то в глубине памяти возникает странное чувство. Дежа вю — уже виденное... Я знал этот Храм давным-давно, с самого рождения... Я помнил его наследственной памятью миллионов предков — пусть на Земле и нет Храма.

— Я хочу его увидеть, — прошептал Данька. — Сергей?..

Мои колебания длились не больше секунды. Меня подхватило то странное наитие, что порой решает судьбу человека. Или судьбу планеты...

— Эрнадо, рядом с Храмом есть здание музея...

— Вижу.

— Садись на его площадку.

— Музей должен работать круглосуточно, — любезно сообщил Ланс. — Но время ли сейчас для экскурсий?

Я не стал отвечать. Шлюпка опускалась на бетонный круг посадочного поля — рядом с шарообразным зданием, уменьшенной копией Храма. Вот только с рукой, поддерживающей здание, строители не справились: в свете посадочных огней явно угадывались прозрачные, почти невидимые колонны, держащие на себе музей.

Из здания торопливо вышел мужчина в серебристо-черном костюме. Приветливо взмахнул рукой, направляясь к нам.

— Тоже фанатик, — предположил Данька.

— Сомневаюсь. — Редрак распахнул люк шлюпки, выпрыгнул на бетон. — Обычно в таких музеях служат самые отъявленные скептики...

Эрнадо явно не торопился выбираться из-за пульта. Обвел взглядом окрестности, пристально посмотрел на шар Настоящего Храма, чернеющий на горизонте. Спросил:

— Серж, а стоит ли нам останавливаться так близко от Храма? Если твои догадки верны и Се... Храмы препятствуют твоим планам, то это благоприятная возможность для очередной неприятности.

— Не ты ли говорил, что для Храмов не существует расстояний?

Эрнадо со вздохом выбрался из-под сомнительной защиты шлюпки.

— У нас есть охранная грамота, — неожиданно успокоил его Ланс. — Данька для Храмов почему-то абсолютно неприкасаем. Даже больше, чем принц. Они так и норовят вернуть его на Землю.

Охранная грамота?

Я посмотрел на Даньку.

Полтора метра роста и неполных сорок килограммов веса. Любопытный взгляд из-под мягких, давно не стриженных волос.

Неужели мы действительно используем мальчишку в качестве «заложника»? Пусть даже и неосознанно...

— Рад приветствовать новых гостей Храма! — Голос подбежавшего служителя был вполне искренним. — Я горд, что именно мне выпала честь рассказать вам о...

Я не слушал его отрепетированную речь. Я смотрел на Даньку. И размышлял о том, что в следующей охоте за Рейдером он участвовать не будет. Хотя бы потому, что в очередной раз и техника Сеятелей может дать сбой. А еще по той причине, что нельзя воевать, прячась за спину мальчишки.

Мы неторопливо вошли в музей. Немного необычный — здесь не было фотографий или видеоэкранов. Одни картины и скульптуры, изображающие Храм то вполне реалистично, то в духе самого завзятого абстракционизма...

...Но куда же отправить пацана? На Землю? Пока Рейдер носится в пространстве, я не поверю успокоительным речам Храмов. На Тар? К принцессе... Мне стало не по себе. Подарочек. Вперемежку с суховатыми поздравлениями и официальными документами по торжественным датам. Дорогая жена, пока ты не выбрала подходящий момент для развода — поприглядывай за моим юным другом. Он тоже с планеты Земля. Той самой, которую твои мама с папой хотят уничтожить...

И все же в этом что-то было. В этой просьбе принцесса не откажет...

Так же, как и в любой другой, честно говоря...

— А это один из лучших циклов Дориа Сеи, нашего выдающегося живописца, — с восторгом объяснял служитель. — Храм отображен на двенадцати полотнах, с максимальной точностью передающих зеркально-черный узор поверхности. Ни один другой художник...

Картины действительно были великолепными. Огромные — два на два метра каждое полотно, написанные удивительно яркими, живыми красками. Чисто символический, прозрачно-голубой фон неба — и на нем блестяще-черные шары Храмов. Точнее, Храма — одного, но с разных сторон.

Пускай Храмы и не давали себя сфотографировать, но такие картины немногим уступали фотографиям...

— Зачем нам эта экскурсия? — снова спросил Ланс.

Я пожал плечами. Прощальный подарок Даньке. Короткая разрядка перед бюрократической суетой схедмонского космопорта. Минутная блажь принца.

Данька прошелся по залу. Похлопал ладонью по макету Храма — метровому шару радужно-пестрой расцветки. Бросил мимоходом:

— Глобус размазанный...

У меня закололо в груди. Бред, сумасшествие...

— Ланс, вели гиду тихо посидеть в сторонке. — Я сам не узнал своего голоса. Так не говорил даже вернувшийся из частей спецназа Серж — претендент на власть в районе. Так не обращался с Шоррэем Менхэмом наглый и самоуверенный Лорд с планеты Земля. Я никогда не умел приказывать по-настоящему!

— Редрак, Эрнадо, охраняйте входы. Данька, за мной...

Я подбежал к терминалу компьютера — стандартной детали обстановки, такой же уместной в музейных комнатах, как и в каюте «Терры». Откинул белую панель периферийных устройств на рифленом боку процессорного блока. Достал прозрачную пластину оптического датчика. Провел рукой по сенсору включения. Экран осветился — слава Сеятелям, компьютер был готов работать с кем угодно, в его программу не входил контроль пользователя.

— Режим работы — оптический и звуковой! — Я почти кричал, я захлебывался словами, задыхался от неожиданной догадки. — Ввод информации для главной программы — с выносного оптического детектора. Источник информации — двенадцать картин художника Дориа Сеи, показ каждой будет предваряться звуковой командой «Снять изображение». Процесс работы: синтез из двенадцати изображений шарообразного объекта его голографической модели. Особые указания: необходимо добиться максимально возможной точности в распределении черных и зеркальных участков на поверхности шара. Вывод информации в голографическом режиме под звуковым контролем. Задание ясно?

— Задание принято, — мягким женским голосом отозвался компьютер. Ни тени эмоций по поводу нестандартности задачи — слишком простая модель. Но это и к лучшему.

Я направил оптический датчик на первую из картин. Сказал:

— Снять изображение...

— Ребята, что вы задумали? — подал голос служитель, усаженный Лансом в одно из мягких кресел для посетителей. — Похищение?

— Нет, — мягко ответил я, переходя к следующей картине. — Снять изображение...

— Ну тогда перестаньте держать меня под прицелом! Хулиганство с компьютером — это мелочь, а вот нападение на...

— Данька, если он продолжит разговоры, усыпи его часика на два-три... Снять изображение!

Наступила тишина. Я обошел весь длинный ряд картин. Зачем-то вернулся к компьютеру. Приказал:

— Начать синтез изображения.

— Работа ведется, — ласково сообщила машина. — Просьба подождать двенадцать секунд... одиннадцать...

— Принц, надеюсь, ты понимаешь, что творишь, — негромко сказал Эрнадо. — Храм — это святыня. С ним не шутят... и с его музеем тоже.

— Три… два… один… синтез произведен. Приближение к оригиналу — девяносто два процента. Для более качественного синтеза необходимо фотографическое или иное документальное изображение.

— Выдать картинку, — невольно дрогнувшим голосом велел я.

Над компьютерным терминалом повисла черно-зеркальная копия Храма. Полуметровый шарик из тьмы и блеска. Словно повинуясь наитию, а может быть, просто восприняв фон картин, компьютер окружил изображение голубоватой дымкой. Глобус размытый…

— Масштаб стандартный. Необходима ли коррекция?

— Нет. Необходимо… вращение.

На этот раз машина меня не поняла.

— Прошу уточнения.

— Храм… То есть шар должен вращаться вокруг условной оси, проведенной в вертикальном направлении… за ось можно принять опорную колонну, изображенную на картинах.

— Скорость вращения?

Я пожал плечами. Откуда мне знать? Глупости творятся по наитию… а не по четкому расчету.

— Один оборот в секунду. И ускорение на один оборот каждые две секунды вплоть до команды «Стоп».

Шарик начал вращаться. Зеркально-черные пятна замельтешили перед глазами. Эрнадо с Лансом смотрели за происходящим издали, Редрак подошел ближе. Плененный экскурсовод вытянул шею, наблюдая за происходящим. Шар крутился все быстрее. Черные кляксы и зеркальные полосы стали сливаться в странный, неожиданно плавный и размашистый узор.

— Глобус, — тихо и растерянно сказал Данька.

Для него во всей Вселенной существовал лишь один глобус — планеты, которая называлась Землей.

Немного нечеткая, смазанная, черно-белая, словно с экрана дрянного старого телевизора, перед нами вращалась Земля. Черные контуры материков и точки островов, зеркально-белые глади морей. Обесцвеченная копия моей планеты, парящая в нежно-голубом тумане. Движение шара словно замедлялось — и карта обретала точность. Потом «глобус» дрогнул и начал раскручиваться в обратную сторону. Эффект стробоскопа. Свойство несовершенного человеческого зрения. Все это, смешанное вместе.

Нелепый черно-зеркальный узор, таящий в себе облик Земли.

— Стоп, — приказал я.

— Скорость вращения — двадцать пять оборотов в секунду, — без всякой просьбы сообщил компьютер.

— Оставить двадцать четыре.

— Выполнено.

Глобус вновь обрел четкость.

Я обернулся — за моей спиной стояли Ланс и Эрнадо, Редрак и Данька, позабытый всеми смотритель музея…

— Разрешите представить вам истинный облик Храма Сеятелей, — с веселой злостью сказал я. — А одновременно — глобус планеты Земля.

— Зачем… зачем Сеятелям копировать проклятый мир… планету, которой нет? — деревянным голосом спросил смотритель. — Именно на нашей планете, на Схедмоне… Позор…

— Успокойся, дружок, — снова ловя себя на непривычном пренебрежении, сказал я. — На всех планетах Храмы хранят один и тот же образ. Сеятели копировали свой родной мир. Землю.

Ланс издал всхлипывающий звук. Помотал головой, спросил с неожиданной и пугающей робостью:

— Принц… Сеятели жили раньше на вашей планете? Потому и закрыли ее… от всякого сброда?

Меня передернуло, как от удара током. Откуда он, этот страх, это самоуничижение перед Сеятелями?

— Я думаю, что истина куда сложнее, — задумчиво сказал Эрнадо.

Кивнув, я мысленно поблагодарил его за маску спокойствия. И сказал, повышая голос, хотя и знал — нужды в этом нет:

— Истину вам сейчас объяснят.

— Кто? — глупо спросил Ланс.

— Ты. Или Эрнадо… или Редрак, или наш любезный гид. Тот, кого Храмы используют в качестве ширмы.

Эрнадо передернулся, а Ланс отступил на шаг. Они оба знали, каково чувствовать себя марионеткой.

— Я жду ответа! — Я обвел взглядом окружающих. — Вы не оставляете меня без контроля, вы знаете, что я жив. Так отвечайте же!

— По-моему, они спрятались, — предположил Данька. — Или им стало стыдно.

Все невольно улыбнулись. Ланс и Эрнадо расслабились. Редрак осторожно потрепал Даньку по голове. Сказал:

— Молодец... Хорошая версия. Добрая...

...Поразительно, но лишенный психокода Редрак стал куда дружелюбнее. Словно из-под смытой слащавой акварели проступил рисунок пером — простой, строгий, но гармоничный...

— Они не устыдятся. — Я поморщился, вспоминая холодный, безэмоциональный диалог Храмов. — Они этого не умеют. Просто... случай не предусмотрен программой.

— И что ты предложишь, Сергей? — Эрнадо явно демонстрировал мне свою поддержку.

— Прогулку к Храму. Похоже, вреда нам не причинят... Второй закон урезан наполовину, но без первого Сеятели не могли обойтись.

— О чем ты, Серж?

— О трех мудрых законах, Эрнадо... Мне кажется, что строители Храмов их неплохо знали. Но вначале...

Я неторопливо оглядел друзей. Кивнул служителю музея, совершенно деморализованному...

— У вас есть снотворное? Или обойдетесь алкоголем? В качестве альтернативы — парализатор.

Мне показалось, что служитель даже обрадовался.

— Парализатор не поможет, музей имеет генераторы поля, — с некоторой гордостью ответил он. — Но... я согласен на алкоголь. Бутылка в шкафчике, в соседней комнате...

Редрак принес почти полную литровую бутыль с подозрительно зеленой жидкостью и яркой этикеткой. На ходу откупорил пробку, глотнул, удовлетворенно улыбнулся:

— Ореховая настойка... градусов сорок, не меньше... Выпьешь половину?

Меня передернуло. Но служитель безропотно присосался к бутылке. Отдышавшись, приложился вновь.

— Надежный и гуманный пиратский метод, — почти весело сказал Редрак. Данька заерзал и достал из кармана маленькую плитку в поблескивающей фольге. Местный эквивалент шоколада. Протянул служителю:

— Возьмите...

Служитель, давясь, жевал шоколад. Глаза у него почти мгновенно помутнели.

— Продолжим...

Я взглянул на Ланса. Он явно не оправился после воздействия Сеятелей...

— У тебя будет особое задание. Очень важное.

Парень пристально посмотрел на меня, явно соображая, сколько правды в словах...

— Храмы и те, кто за ними стоит, не должны считать, что мы прикрываемся Данькой. Ланс, ты возьмешь мальчишку и доставишь его в космопорт...

— Предатель! — растерянно и беспомощно выкрикнул Данька.

— Там ты вызовешь планету Тар. Моя просьба к принцессе — пусть мальчик некоторое время побудет под ее опекой... и твоим личным наблюдением.

— Последнее обязательно? — хмуро спросил Ланс.

— Нет, — поколебавшись, ответил я. — Не обязательно, но если мы не вернемся, а сектанты будут уничтожены, принцесса должна вернуть мальчика на Землю. С охраной и мотивированной легендой длительного отсутствия. Ясно?

— Предатель... — вяло повторил Данька. И вдруг внезапно отвердевшим голосом спросил:

— А ты не собираешься вернуться на Землю?

— Нет... — начал я. И остановился, пораженный странным тоном вопроса.

Данька покачал головой. И сказал полурастерянно-полуудивленно:

— Знаешь, Сергей, а теперь я должен тебя убить.

Глава 30

МАЭСТРО

Я увидел, как рука Эрнадо скользнула к бластеру на поясе — и остановилась. Нейтрализующее поле... А Данька держал в руке вибронож — оружие, пробивающее человека навылет даже при слабом броске. От него надежно спасал включенный боевой костюм. Но, увы, мой не был включен.

Ланс сделал плавное движение к Даньке. Он стоял у него за спиной, и для прыжка не хватало нескольких метров. Умение убивать голыми руками — обязательный курс офицерского училища на Таре.

— Всем стоять, — тихо произнес я. — Ни одного движения. Даньку не трогать.

Мальчишка слегка раскачивался, не отрывая от меня чужого, полусонного и одновременно цепкого взгляда.

— Он под психокодом, — пробормотал Редрак. — Это уже не мальчишка, а машина смерти. Я предупреждал...

— Даниил, с тобой все в порядке? — тихо спросил я.

Мальчишка мигнул. Взгляд стал чуть осмысленнее.

— Ты понимаешь, что происходит? — продолжал я. — Тебе был дан гипнотический приказ убить меня в случае опасности для секты. Ты подчиняешься? Тогда может погибнуть Земля.

— Я вспоминаю...— внятным голосом ответил Данька. — Как меня похитили...и давали приказ...убить тебя, когда возникнет опасность, а меня попытаются удалить...

— И ты подчиняешься, — с ненаигранным любопытством спросил я. Прыжок с падением и ударом по руке...Перелом предплечья гарантирован. Ничего, у детей кости срастаются быстро.

— Нет! — В голосе Даньки послышалось явное удивление. — Что я, придурок слабовольный? Сергей, а у сектантов за главную — императрица Тара! Она не может приказать тебя убить, представляешь!

Он опустил виброноже.

— Принц, осторожно! — Редрак вытащил из ножен плоскостной меч. — Психокод непреодолим! Он играет!

Я молча пошел вперед. Шаг, еще один. Взял руку Даньки с зажатым в ней оружием. Приставил клинок виброножа к груди. Мальчишка с испугом смотрел на меня.

— Ты будешь отправлен на Тар, а затем — на Землю, — отчетливо, выделяя каждое слово, произнес я. — Сектанты будут уничтожены. Я гарантирую это.

На глазах у Даньки блеснули слезы.

— Предатель, — жалобно повторил мальчишка. — Мы проигрывали вместе, а побеждать будешь один.

Он опустил руку с ножом. Отвернулся. Отчетливо прозвучал шумный выдох Редрака. И его растерянный голос:

— Но психокод невозможно снять... Тем более преодолеть.

Я обнял Даньку за плечи. Он напрягся, но вырываться не стал. И спросил:

— Редрак, Эрнадо, вы в этом специалисты...Психокодирование разработано на основе методики Сеятелей? И их ментальных усилителей?

— Да, — уверенно произнес Эрнадо. — Первые опыты...

— Неважно... Запомните: оружие Сеятелей всегда выбирает себе врагов и друзей.

— Точнее, оно не работает против хозяев...— заплетающимся языком пробормотал забытый всеми служитель музея. Блаженно улыбаясь, он привстал с мягкого кресла, развел руками и рухнул обратно. На этот раз, похоже, до утра...

Я окинул друзей быстрым взглядом. Страх, страх, страх... Безотчетный, растерянный ужас в глазах. Древний грек, столкнувшись с богом войны Аресом, выглядел бы почти так же.

— Я отменяю приказ, — с нарастающей яростью выкрикнул я. — Мы идем к Храму все вместе. Данька, мы вместе до конца. Ясно?

— Есть, капитан, — с восторгом сказал мальчишка. Пожалуй, лишь он не понял произошедшего.

Он был таким же, как на Таре, Клэне или любой другой кислородной планете. Схедмонский Храм Сеятелей, километровый шар из зеркальных и черных пластин, неуязвимый, древний, как сама планета. Святыня, внушающая ужас еще первобытным племенам, Дворец Бога по средневековым верованиям, наследие цивилизации — основательницы современной, едва ли не единственной в галактике религии. У его стен молились и проклинали врагов, зеркальные квадраты обшивки отражали льющуюся кровь человеческих жертвоприношений и цветы в руках новобрачных. По Храму кидали камни и стреляли из крупнокалиберных пушек, на него возлагали разноцветные гирлянды и смазывали благовониями.

И тысячи лет Храм хранил тайну своего узора — тайну, «лежащую на поверхности» в буквальном смысле слова. Глобус, огромная модель и крошечная копия Земли.

Планеты, которой нет.

Мы подошли к основанию Храма — тонкому, вылитому из металла в форме человеческой руки столбу. Раскрытая ладонь, которой он заканчивался, легко поддерживала километровый шар.

Никто не проронил ни слова. Молча шел впереди Эрнадо; опасливо поглядывал под ноги, словно вспоминая паутинные мины вокруг Тарского Храма, Ланс; прихрамывал сильнее обычного Редрак, едва поспевающий за нами. Мы с Данькой шли в середине. И с каждым шагом Данька все сильнее жался ко мне.

— Я думаю, что это лучше сделать тебе, — сказал я мальчишке, когда мы оказались возле опорной колонны. Громадный шар давил на нас невидимым прессом, абсолютно неподвижный, он, казалось, раскачивался над головами, готовый упасть в любое мгновение.

— Что? — робко спросил Данька.

— Приложи ладонь к столбу и попроси... то есть прикажи, поднять нас вовнутрь. В зал информатория.

— Он послушается?

— Да.

Данька вздохнул и провел ладошкой по металлической колонне. Тихо сказал:

— Поднимите нас наверх, в информационный зал. Пожалуйста.

Секунду ничего не происходило. Я вдруг осознал с пугающей ясностью, что все мои надежды и предположения — полный вздор. Храм не послушается Даньку и вряд ли выполнит мои требования. Мало ли по каким причинам Храмы боятся причинить нам вред. Да и «глобус», сложившийся из вращающегося Храма, еще ничего не доказывает... Сектанты прорвутся к Земле, и кварковая бомба упадет на крышу моего родного дома. И будет облако серой пыли на месте третьей от Солнца планеты...

Нас бросило вверх мягким, но сильным рывком. Мы прошли сквозь непроницаемые стены Храма, словно сквозь туман. И вновь знакомое влажное дыхание прорезаемых насквозь стен. Облако желтого света, заботливо укутывающее нас.

Храм подчинился приказу Даньки. Мальчишки с планеты, которой нет.

...Мы стояли в зале, огромном даже по меркам Храма. Продолговатое помещение с черными стенами, светящиеся полоски на стенах. Каждая линия, мерцающая неярким оранжевым светом, несла в себе информацию об одной из населенных людьми планет. Где-то здесь были и координаты Земли — планеты, добраться до которой могли лишь туннели прямой гиперпространственной связи. Проклятой планеты, к которой не могли летать звездолеты, планеты, выброшенной из русла галактической цивилизации. Раньше меня заинтересовали бы эти цифры, длинные столбцы расчетов, несущие в себе лишь абстрактные «пятимерные» координаты, не дающие представления ни о направлении, ни о дальности.

Теперь это было безразлично.

Я оглянулся — мы оказались здесь все вместе. И Данька, и Ланс, и Эрнадо с Редраком, и даже сидящий у их ног Трофей. Но именно меня неумолимый «лифт» вынес во главу делегации.

— Я человек с Земли, — тихо сказал я, и эхо подхватило мои слова, грохотом разнося их по залу. — Я житель планеты, которой нет. Тот, кто случайно попал в этот мир. Тот, кто требует подчинения.

— Я подчиняюсь... — Голос шел отовсюду, он стекал с потолка, он вырывался из стен, горячими гейзерами бил из стен. Бесплотный, безликий... Голос Храма. Голос, обрекший меня на смерть.

— Я требую общего подчинения! — закричал я. — Всех Храмов! Всех миров! Хватит игры! Я разгадал вас и получил право отдавать приказы!

Тишина.

И странное, незнакомое ощущение: словно мягкая, упругая пленка обтягивает тело. Впрочем, нет, не совсем незнакомое — темпоральная граната Сеятелей после применения оставляла похожий эффект. И такой же равнодушный голос:

— Ситуация нестандартна, возникает конфликт цели и ограничений. Указаний в программах логических структур не имеется. Произведена темпоральная инкапсуляция человека с Земли...

Вокруг меня сгустилась темнота.

— ...и активация эмоциональной матрицы.

Я попытался вырваться из упругого плена и не смог. Все мои движения давали не больше эффекта, чем барахтанье мухи в кастрюле киселя.

— Человек с планеты Земля, ты обладаешь иммунитетом и правом на тактическое управление системой Храмов. Но претензии на стратегическое руководство выходят за рамки разрешенного. Тебе дается возможность беседы с создателем Храмов, после чего будет принято решение о твоей судьбе.

Черная пелена беспамятства затянула мозг.

Я сидел в кресле — удобном и мягком, обтянутом песочного цвета велюром. Мебель в комнате, судя по цвету, была из черного дерева, пол и стены закрывали огромные рыжевато-коричневые ковры. Как и во внешнем облике Храма, здесь доминировали два цвета. И даже огонь в сложенном из черного мрамора камине был желтовато-оранжевым, рыжим, без всякой примеси голубоватой белизны высоких температур или багрово-красных отсветов угасающего пламени. Середина. Во всем — и даже в цветах.

— Это называется местом для принятия решений.

Кресло моего собеседника стояло напротив. Узенький черный столик между нами был заставлен яркими маленькими бутылочками, фруктами и конфетами в хрустальных вазах, изящными фужерами и бокалами. В сторонке уютно пристроилась массивная зажигалка, коробочка с длинными толстыми сигарами и несколько пачек сигарет.

Внешность «Создателя Храмов» тоже была достаточно колоритной. Высокий, очень худой, с роскошной гривой медно-рыжих волос, в тонких, интеллигентных очках, чуть старомодном костюме. Лицо немного неправильное, несущее следы какой-то сложной смеси национальностей, но симпатичное и открытое. И удивительно умные, доброжелательные... ласковые, что ли, глаза.

— Никогда не думал, что в Храме есть такие помещения... и смотрители, — пытаясь скрыть за иронией растерянность, сказал я.

Мужчина виновато развел руками.

— Увы... К сожалению, Сергей, такого помещения в Храме нет. Не предусмотрено. Я спорил с проектировщиками и строителями, но они решили, что обойтись иллюзией гораздо проще.

Я легонько качнулся в кресле, чувствуя его мягкую упругость, потянулся к вазе, взял розоватый, налитый соком персик. Неплохие иллюзии...

— И запах, и цвет, и вкус — все вполне реалистично, — заверил меня мужчина с легкой улыбкой. — Не говоря уже об осязании... Вы можете выпить и почувствуете опьянение. А можете выкурить сигарету, не опасаясь за свое здоровье. Мы можем беседовать сколько угодно долго — времени вокруг нас не существует. Ваши друзья даже не заметят отсутствия предводителя.

— Почему вы не пригласили сюда Даньку? — поинтересовался я, разглядывая этикетки бутылок. — Он ведь тоже землянин. Сеятель.

— Для Храмов любой землянин — повелитель. Но для меня Даниил в первую очередь ребенок. А у нас будет серьезный разговор, Сергей. Взрослый... Кстати, и о мальчике предстоит поговорить отдельно.

Я кивнул, молча соглашаясь. Извлек из «коллекции» бутылку с «Мускатом белым Красного Камня», открыл ее — пробка поддалась мгновенно. Иллюзорная пробка в несуществующей бутылке с ненастоящим вином.

— О, я вижу, вы знаток хороших вин. — Мужчина протянул мне свой бокал. — Несмотря на свою фантомную природу, я люблю этот сорт.

Мигнув, я едва не расплескал вино. Спросил, тщетно пытаясь сохранить голос спокойным:

— Вы... тоже ненастоящий?

— Конечно! Мираж, морок, голографическая картинка. — Мой собеседник сделал маленький глоток вина и блаженно улыбнулся. — И в то же время точная копия, слепок с реально существующего человека. Сеятеля, если вам будет угодно.

Привидение, смакующее несуществующее вино... Забавно.

— Храм назвал вас создателем. Это верно?

— Нет! Что вы! — мужчина так энергично замотал головой, протестуя против незаслуженной славы, что вино в его бокале расплескалось. — Я лишь создатель теории... общей методологии подхода к Храмовой системе формирования цивилизаций. К строительству самих зданий, их технической основе я не имею ни малейшего отношения!

— Идеолог значит куда больше исполнителя, — парировал я. — Законодатель гораздо важнее палача...

— Зачем же такие сравнения! — с искренним возмущением спросил мужчина.

Я сделал маленький глоток вина. Взглянул на свет камина через стеклянный тюльпан бокала. Маслянистые разводы на стенках подтвердили вкусовые ощущения — вино было крепким. И непередаваемо вкусным. Дьявол... первый раз в жизни пью хорошее вино. И то не по-настоящему!

— Извините, — тихо сказал я. — Сравнение неудачно, согласен. Вы больше напоминаете музыканта, чем законодателя или... В общем, я буду звать вас Маэстро.

— Как угодно. — Фантом явно обиделся.

— Просто обстановка вокруг напоминает дешевый боевик, — пояснил я. — Ласковые беседы с обильным угощением обычно предшествовали допросу третьей степени.

— Исключено, — с жаром произнес Маэстро. — Пытки и убийства... тем более для землян... для нас исключены!

«Тем более для землян...». Забавно. Оговорка или осторожный ввод информации? Я потянулся к сигаретным пачкам, выбрал более знакомую. «Житан» — самый крепкий из знакомых мне сортов табака.

— Вы человек крайностей, Сергей, — задумчиво сказал Маэстро. — Самое знаменитое вино и самый крепкий табак. Если любить, то принцессу, если ненавидеть, то целую цивилизацию.

— Характер, Маэстро, мерзкий характер... Скажите, что было раньше?

— Курица или яйцо? — пошутил Маэстро.

— Вы или я.

Маэстро вздохнул и тоже взял себе сигарету. Щелкнул зажигалкой, протянул ее мне, затем прикурил сам.

— Вы, Сергей. Вы. Вполне возможно, что я ваш потомок. Архивные исследования, весьма затрудненные вашей незначительностью в земной истории, показали, что за короткий срок жизни, перед исчезновением, вы оставили немало детей.

Я нервно затянулся, вогнав в легкие полсигареты. Голова закружилась сильнее, чем после бокала знаменитого вина.

— Не знал об этом, Маэстро...

— Три случая документированы генными пробами, остальные спорны... Вам нужны имена?

— Нет. Пожалуйста, не надо. Это будет похуже «третьей степени».

— Как угодно... Что ж, приступим к деловым переговорам?

Я молча кивнул и затушил сигарету в нарезанном дольками ананасе. Маэстро поморщился.

— Это ведь декорация... иллюзия... — добродушно объяснил я свой поступок. — Начинайте.

— Вначале предыстория... или, скорее, послеистория, для вас. В конце двадцать первого века человечество начало свою звездную экспансию. Она опиралась на разработанный группой ученых принцип гиперпространственных переходов — то, что ваши друзья называют «полетом по прямой», «гиперпрыжком с опорой на три маяка» и туннельным гиперпереходом. По экономическим причинам земляне использовали два первых способа — туннельный гиперпереход дорог даже для нас. В две тысячи сто тридцать втором году от рождества Христова...

Я невольно ухмыльнулся торжественности, с которой была произнесена фраза. Маэстро истолковал это по-своему.

— Вы христианин? По мусульманскому летоисчислению шел...

— Я вообще атеист.

— В две тысячи сто тридцать втором году, — сухо повторил Маэстро, — Земля столкнулась... с определенными проблемами. Другого выхода из ситуации, кроме изменения методики колонизации, не оказалось. Вместо экспансии в пространство Земля применила колонизацию во времени. В далеком прошлом, когда Земля еще была заселена первыми примитивными организмами, была основана База Проекта «Х». Она производила одну-единственную продукцию — Гиперпространственные Маяки, снабженные устройствами распространения жизненных спор. Автоматические корабли разносили их по всей галактике и даже за ее пределы. Каждый корабль доставлял на место семь маяков, после чего самоуничтожался. А маяки, создав вокруг себя жизнь с главенствующей гуманоидной цивилизацией, стали ее богами, Храмами. Как и было задумано.

— Выходит, я нахожусь в прошлом Земли? — тихо спросил я. — На Земле сейчас мезозой или крестовые походы?

— Что вы, Сергей. На Земле конец двадцатого века. Развитие цивилизаций-сателлитов заняло немало времени. Вы находитесь в своем настоящем... а я, точнее, мой информационный модуль — в своем прошлом. Путешествия во времени — интересная штука, но вы им не подвергались.

— А темпоральные гранаты?

— Это мелочь... Маломощное устройство для чисто экспериментальных целей. Она и переносит-то не физические объекты, а информационную составляющую личности.

— С кем вы воевали в прошлом? — Во мне вдруг проснулся полуабстрактный интерес, видимо, вызванный упоминанием темпоральных гранат. Уничижительная характеристика этому «абсолютному оружию» наверняка была рассчитана на мое моральное подавление.

— Ни с кем! — Маэстро рассмеялся. — Сергей, разрушенные корабли и выжженные планеты, потушенные звезды... Все это бутафория, инсценировка! Вместе с духовным влиянием Храмов легенды о Сеятелях формировали необходимый тип цивилизаций...

— Необходимый для чего? — резко спросил я. Маэстро замолчал. Я потянулся к «Житану», закурил еще одну сигарету. Сказал:

— Простите мне маленькую слабость, Маэстро? На созданных вами планетах нет табака. А трэб и остальные стимуляторы меня не воодушевляют...

— Зато они не вредны для организма, — наставительно сказал Маэстро. — Воин должен беречь свое здоровье...

Он замолчал, словно сообразив, что проболтался... Или... подбросил мне очередную порцию информации?

— Для чего Земля перешла к колонизации прошлого? — Я поймал взгляд Маэстро. Ласковый, умный, лживый взгляд. — Какие цели у тысяч обитаемых планет? Почему Земля на положении планеты-изгоя? Зачем Храмы несут на себе изображение Земли?

— Я отвечу на все вопросы, кроме первого, — быстро сказал Маэстро. — Он не важен... для вас.

— Ну-ну. — Я устроился в кресле поудобнее. Я наслаждался иллюзорным вином и сигаретами, несуществующим уютом обстановки. И настоящим, умным и сильным врагом.

— На Землю не могут прилетать инопланетные корабли, поскольку этого не было в нашей истории. Правильно, Сергей?

— Один пират побывал...

— Да. Купил плутоний, заплатив партией синтетических брильянтов огромной величины... И потихоньку смылся. Анахронизмов нет.

— Согласен. — Я потянулся за бутылкой с «Мускатом» и обнаружил, что она вновь полна. Волшебное вино земных сказок.

— Но галактические цивилизации обязаны знать о Земле, помнить ее как странную легенду, сочинять всевозможные гипотезы. И все для того, чтобы однажды, через много лет, когда Храмы на всех планетах станут вращаться вокруг своей оси и снимут свою видеоблокаду, когда триллионы изумленных людей увидят в символах своей религии изображение планеты-изгоя...

— Я понял. Они сольются с Землей и ее немногочисленными «настоящими» колониями в единую цивилизацию. И Земля будет главенствовать в небывалой империи.

— По праву планеты-основательницы! Жизнь во Вселенной — редкость. Мы подарили галактике миллионы форм жизни.

— По праву планеты, поставившей во всех обитаемых мирах мины замедленного действия. Храмы развили цивилизации, но сейчас они сдерживают их рост. И все для того, чтобы в момент «слияния» Земля была сильнее. Ни одна из планет не в силах пробить защиту Храма. И их жители догадываются — в любое мгновение Храм способен уничтожить планету. Превратить ее в плазму... или включить устройство кваркового распада.

Маэстро задумчиво смотрел на меня. Взгляд был по-прежнему добрым... и лицо спокойным. Умное, всепрощающее привидение.

— Не вам, друг мой, решать будущее земной цивилизации. И даже не мне. Но, я думаю, вы все же патриот родной планеты?

— Я был патриотом очень многих планет... — насмешливо ответил я. — Вы знаете историю моей страны?

— Знаю, Сергей. Что ж, разговор о глобальном у нас явно не получился. Поговорим о вашей судьбе.

Его тон заставил меня насторожиться. Не люблю, когда говорят о моей судьбе. Слишком уж много было в юности «судьбоносцев», любителей заботливых разговоров.

— Поговорим, Маэстро.

— Как вы думаете, Сергей, ваше везение было случайно?

Глава 31

ПРАВО ЧЕЛОВЕКА

— Случаи, когда земляне из прошлого — моего прошлого, попадали на планеты Храмов, неоднократны, — скучноватым лекторским тоном рассказывал Маэстро. — Иногда они возвращались обратно, если их похитители выделяли энергию на обратный гипертуннель. Чаще — доживали свой век на той или иной планете. Обычно в роли шутов, диковинок, бесприютных малограмотных бродяг. Изредка — добиваясь значительного положения в обществе. Храмы наблюдают за ними, фиксируют происходящее, но не вмешиваются. Если человек попал с Земли в космическую цивилизацию — значит, это факт земной истории. Многие таинственные исчезновения, будоражившие криминалистов и уфологов, связаны именно с этим. . .

— Свою долю в исчезновения внесли и пэлийцы, — зло сказал я.

— К сожалению, Сергей. . . Но и эти вампиры — наши потомки, наши дети. Даже они нужны галактической империи. Но речь не о ваших врагах, а о вас самом.

— Я весь внимание, Маэстро.

— Вы оказались редким случаем, Сергей. Ваше появление на Таре в качестве ритуального жениха принцессы было абсолютно случайно. Однако, интересы стабильности требовали сохранения императорской власти на Таре и уничтожения Шоррэя Менхэма. Поэтому вам оказали помощь. Вначале высадив вблизи убежища Эрнадо и направив именно к нему. Затем мелкими вмешательствами в психику Сержанта императорских войск. Например, он «узнал» обручальное кольцо на вашей руке. Феноменальная память, верно? Вы не задавали себе вопроса, как он опознал в вас Лорда?

— Мне было не до того. . .

— В этом и был расчет. Сам Эрнадо считает, что его «озарило». Потом были мелкие реплики, которые раззадорили вас и вынудили придумать новый вид плоскостного оружия. А Эрнадо изготовил его с невозможной в полевых условиях скоростью.

— Я придумывал тоже под вашим влиянием?

Маэстро покачал головой. Твердо сказал:

— Психика и жизнь любого землянина неприкосновенны. Это закон для Храмов. Другое дело, что в интересах защиты Земли и ее планов Храмы способны влиять на окружение землян. Но даже в этих случаях Храмы подчиняются прямым приказам, тем более мотивированным. Этим вы воспользовались, проникая в Схедмонский Храм.

— Маэстро, два вопроса. . . Эрнадо пришел мне на помощь в момент проникновения в императорский дворец под влиянием Храмов?

— Нет. Это было его решение. Но в противном случае Эрнадо прикрывал бы вас помимо своей воли. Храм Тара был готов на вмешательство.

— А моя победа над Менхэмом? На него воздействовали? Замедлили реакцию или внушили ложный выпад?

— Замедлили удар в поединке на базе ВВС Тара. Иначе Лорд не успел бы активировать гранату. А вот в Храме победа была честной, вы победили его сами. . . Впрочем, подвиг, а иначе его не назовешь, был ненужным. Вам стоило лишь приказать, Сергей. Храм не обязан защищать жизнь отдельного землянина. Но повиноваться приказу его он должен. Менхэм мгновенно был бы уничтожен.

. . . Я вспомнил Храм Тара. Шоррэя, умирающего на черном полу дуэльного зала под багровым светом плазменного светильника. И его шепот: «Я понял твою тайну, но слишком поздно. Нельзя было драться с тобой. . . здесь».

— Он понял связь между Землей и Храмами, Маэстро. Но уже перед самой смертью.

Маэстро довольно кивнул.

— Именно поэтому его требовалось уничтожить. Сверхлюди — это нечто выходящее за рамки целесообразного.

Я не стал спорить. Наверняка у нас были разные понятия целесообразного — но сочувствия к сверхчеловеку Шоррэю я не испытывал. А вот уважения к нему прибавилось. Он оказался тем, кто пошел наперекор Сеятелям-землянам. Пусть даже и не знал об этом.

— Дальнейшее ваше поведение, Сергей, не отличалось разумностью. Вы могли завоевать любовь принцессы... и остались бы в памяти многих цивилизаций как выходец с проклятой планеты, доказавший свое превосходство над обычными людьми. В будущем это послужило бы легкому принятию истины на всех планетах.

Но вы стали искать Землю. Дорогу к ней в обычном пространстве. Мотивы ясны... Но Землю вы найти не сможете.

— Почему? — с яростью спросил я.

— Прошлое уже свершилось, Сергей. Ты не нашел пути, а секта... — Маэстро насмешливо улыбнулся, — не смогла ее уничтожить. Иначе не возникло бы цивилизации будущего, великой цивилизации, покорившей время, создавшей Храмы и тысячи союзных планет...

Маэстро ронял крупицы информации словно скряга, раздающий медяками милостыню перед церковью. Но мне, кажется, хватало и этих крох...

— Маэстро, вы так уверены в своих знаниях о природе времени?

Он удивленным жестом поднял брови.

— А если секта Потомков не уничтожила Землю лишь потому, что их уничтожит мой корабль, мой экипаж? А вдруг визит на Землю на современном корабле пусть даже и пройдет незамеченным, но даст толчок к развитию науки?

Маэстро укоряюще замотал головой.

— Сергей, вы подтягиваете факты... Все будет как было. Сектанты никогда не найдут Землю. А через гипертуннель на Землю не переправить оружия сильнее лучевого бластера. Их кварковая бомба, пройдя через туннельный гиперпереход, станет не опаснее хлопушки. Мы приняли меры безопасности.

— Но они ищут ее по трем опорным маякам! — с отчаянием выкрикнул я. — Остановите же их!

— Сергей, я не знаю, что произойдет с сектантами. Но Землю они не найдет, поверьте. Возможно, их арестует клэнийский патруль, более удачливый, чем предыдущий. Или реакторы пойдут вразнос... Сектанты обречены. Давайте обсудим вашу судьбу.

— Вы уполномочены ее решать? — с иронией спросил я.

— Нет, Боже упаси... Мы с вами — земляне. Оба имеем право на управление Храмами. И, надеюсь, не будем им пользоваться. В конце концов я знаю гораздо больше основных законов, логику поведения Храмов. И могу обернуть ситуацию против вас. Но очень не хочу этого.

Он боялся. Боялся меня — отсталого недоучки с его точки зрения. Так трусил бы пентагоновский стратег, узнав, что красная кнопка российских ядерных сил оказалась в руках крепостного помещика девятнадцатого века, неведомым образом занесенного в век двадцатый...

— И что вы предлагаете, Маэстро?

— Возвращайтесь на Тар, к принцессе. У вас все будет нормально, Сергей. Уверяю вас... А вот Даниила надо немедленно вернуть на Землю. Дело в том, что он личность в земной истории заметная... в некоторых аспектах. В общем, исчезнуть он никуда не может. Мы вернем его на Землю к моменту исчезновения, так что никто не узнает про его приключения. Но надо поспешить — мальчик растет. Через несколько месяцев облик придется корректировать... омолаживать перед возвращением. А это нежелательно.

— В чем же проблема? — зло спросил я. — Проглядели похищение пацана, полагаясь на свой принцип «неизменности времени»! Не обращали внимания на исчезновения других людей! А теперь боитесь вернуть мальчишку домой? Возвращайте! И я вернусь на Тар... после того, как найду Рейдер.

Упоминание о Рейдере Маэстро пропустил мимо ушей. Поморщился, налил себе какого-то вина, картинно согрел бокал ладонями... Времени у него действительно было много. Бесконечно.

— Понимаете, Сергей... Мальчик — землянин. Сеятель, если пользоваться терминологией местных жителей и Храмов. Удерживай его кто-нибудь насильно... Я отдал бы приказ о возврате не раздумывая. Но сейчас он сам хочет остаться в галактике. С вами и вашим пестрым экипажем возникает конфликт, понимаете, Сергей? Не для нас с вами, мы взрослые, серьезные люди и понимаем, что подросток не может принимать самостоятельных решений. Но у Храмов нет понятия ребенка. У них есть лишь две градации — земляне и неземляне. Если я решу конфликт силовым путем, подавляя волю мальчика и обосновывая для Храмов необходимость его возврата на Землю, это окажет неприятный эффект на логические схемы Храмов. Зачем нам нестабильность в работе самых сложных кибернетических систем галактики? Вдруг они решат, что тоже вправе диктовать свою волю людям... землянам.

— А что я могу сделать?

— Уговорить мальчика, это было бы идеально. Если он сам решит отправиться на Землю, Храмы воспримут его решение спокойно.

— А если уговоры не помогут?

— Ну... тогда мы можем отдать приказ о возврате Даниила на Землю вдвоем. Это Храмы тоже поймут. Принцип коллективного решения...

— Ясно.

Мы замолчали. Маэстро почти робко сказал:

— Вы тоже склонялись к возврату мальчика...

— Конечно...

— Ну а вы сами теперь, после раскрытия вами тайны Храмов, можете широко пользоваться их помощью. Не афишируя, однако... Живите, наслаждайтесь тысячами непохожих миров, создавайте славу Тару. Создавайте галактическую империю... Черт возьми, это верно! Сергей, вы сможете сплотить все обитаемые миры, еще больше укрепить их единство. И появление Земли-сверхпланеты, правительницы и основательницы, они примут куда спокойнее! Сергей, да у вас же великое будущее! Мы еще раз... много раз встретимся в таких кабинетах за дружеской беседой. И вы узнаете постепенно все цели колонизации из прошлого. Поймете, почему ваши потомки пошли на столь сложный путь. Сергей, вы наш по крови, по духу, по силе! История — забавная штука, она выбрала сложный путь для появления вождя у будущих бойцов...

— Бойцов с чем? — резко спросил я.

Маэстро осекся.

— Что за причина остановила звездную экспансию землян? Кто был этой причиной? Отвечайте!

Лицо Маэстро посуровело. Он тихо, но грозно произнес:

— Для начинающих не бывает ответов. Только приказы. Ясно?

— Нет!

Не знаю, что заставило меня пойти наперекор словам Маэстро. Наперекор своему собственному народу — Сеятелям, землянам — будущего и прошлого. Ведь все их предложения были логичны, справедливы и добры...

Может быть, то, что моя Земля, мое настоящее, оставалось сейчас под угрозой сектантов?

— Маэстро, важнее всего для меня сейчас остановить Белый Рейдер. Мальчишка после этого вернется домой, а я... подумаю о своем будущем.

— Дался вам этот Рейдер! — Маэстро вскинул голову и сурово спросил: — Данные о местонахождении боевого корабля особого класса, известного как Белый Рейдер и принадлежащего секте Потомков Сеятелей!

— В настоящий момент Рейдер выходит из гиперпрыжка в районе планеты Плутон, — бодро ответил механический голос. — Уточнить координаты?

Мы с Маэстро молча взглянули друг на друга. И доброты во взглядах уже не было.

— Вы подстроили это! — осуждающе сказал Маэстро. — Ваши планы по сведению личных счетов получили обоснование! Довольно!

— Идиот! Я сам не знаю координат Земли.

Вскочив из-за стола, я ударом руки сбил на пол десятки бутылочек и вазочек, хрустальных побрякушек и перезревших фруктов. Лужицы разлитых вин мгновенно впитались в ковер, но в воздухе остался легкий сладковатый аромат.

— Вы же землянин, Маэстро! Я издеваюсь над вами, веду себя, как хулиган. Но вы же землянин! Наша планета в опасности. Ваша теория времени недоработана, вы просто боитесь признать это! Сектанты могут уничтожить наш мир!

Он колебался лишь секунду. Точнее, делал вид, что колеблется — призраки принимают решения быстро.

— Мы не будем вмешиваться. Сектанты не сбросят бомбу на Землю. Не волнуйтесь.

Я мог его понять. Если бы машину времени изобрели в двадцатом веке и какой-нибудь бедняга, участник войны против Наполеона, принялся расписывать ужасы падения Москвы и грядущего порабощения мира, ему сказали бы то же самое: «Не волнуйтесь. Мир никто не завоюет...»

Они не будут вмешиваться даже в прошлое своей собственной планеты — мои потомки и враги, запустившие колоссальную военную машину, но не желающие объяснять причину этого...

— Пока что — мое слово против вашего, — тихо сказал я. — Слышите, Маэстро? Вы — фантом, но Храм воспринимает вас как реального человека, Сеятеля. Так?

— Так, — голос ударил отовсюду. Стены, пол, потолок, столик с остатками напитков резонировали, как огромные мембраны. Нам отвечал Храм.

— Я землянин из двадцатого века, — понимая всю излишность своих слов, представился я. — Вы, Храмы, пытались меня убить. Преграждали дорогу мелкими неприятностями…

— Храм не способен на прямое убийство Сеятеля, — с достоинством отозвался бесполый голос.

— А косвенное? Бросить землянина возле готовой взорваться шлюпки — это в рамках законов?

— Таким был реальный ход событий, не вмешайся мы в психику клэнийца…

— Ладно, оставим старое… Сейчас, когда я в Храме, когда я понимаю вас и ваши цели — я так же авторитетен, как Маэстро?

— Да. — Голос последовал с некоторой запинкой. — В определении Сеятеля нет указания на даты рождения…

— И в этом моя ошибка, — хмуро сказал Маэстро. — Но слишком уж невероятно было предположить… А, к черту!

— Я требую выделить мне корабль, способный осуществить мгновенный гиперпереход к Земле.

— Запретный курс, — отреагировал Храм. Маэстро улыбнулся.

— Земля в опасности. Она превыше всего! — крикнул я наугад.

— Постулат номер один, — спокойно подтвердил Храм. — Корабль расконсервируется.

— Отмена приказа, — твердо произнес Маэстро. — Опасности нет.

— Логическая нестыковка, — с какой-то едва заметной иронией сказал Храм. — Твое слово, Стас, против слова Сергея. Аргументируйте свои заявления.

— Корабль сектантов предполагает сбросить на Землю кварковую бомбу. Остановить кварковый распад невозможно.

— Аргумент принят, отвечает первому закону. Корабль расконсервирован.

— Сектанты в любом случае не доберутся до Земли, — упрямо заявил Маэстро. — Включи блоки исторической памяти, есть ли в них свидетельства о появлении сектантского корабля в конце двадцатого века?

— Аргумент принят. Перехват сектантов опасен и нецелесообразен. Корабль консервируется.

— Сергея с планеты Земля закапсулировать в хронокапсуле. — Маэстро явно готовился развить успех. — Его спутников выкинь на поверхность планеты.

— Всех не могу. — Теперь уже насмешка ощущалась явно. — Воздействие на землянина Даниила недопустимо. Капсуляция принца Сергея также не нужна. Он не проявляет агрессивности.

— Храм! — Я стиснул зубы, напрягся, готовясь к последней схватке. — Насколько разработана теория времени? Возможно ли, что существующая реальность погибнет и будет заменена другой — без планеты Земля и с Храмами, возникшими неизвестно откуда?

— Некоторые теории допускают такое, — осторожно сообщил Храм.

— Ты должен защищать Землю, — тихо, но убедительно произнес я. — Даже если один шанс из миллиарда допускает ее гибель, ты обязан встать на мою сторону.

— Да, — не совсем уверенно ответил Храм.

— Земля двадцатого века должна быть в неведении о галактической цивилизации! — яростно сказал Маэстро по имени Стас. — Не подчиняйся ему! Просчитай реальность правоты тех теорий, которые допускают гибель Земли.

— Четыре с половиной процента, — сообщил Храм.

— Это достаточно много, — упрямо сказал я.

— Согласен. — Храм явно переходил на мою сторону. — Стас, вы признаете правоту своего предка землянина?

— Нет, — твердо сказал Маэстро. — Опасность того, что земляне заметят космический корабль в небе своей планеты, слишком велика. Оба варианта выходят за рамки законов.

Он явно что-то замыслил. Странно, почему судьба вновь приводит меня в Храм для решающей схватки? Только теперь наверняка бой будет не на мечах.

— Я могу вызвать эмоциональные матрицы других Храмов для нашего спора? — поинтересовался вдруг Стас.

— Нет, — принял решение Храм. — Человек с Земли по имени Сергей действует в рамках своей логики во имя той же цели, что и ты. Вызов эмоциональных матриц равносилен подавлению личности Сергея коллективным мышлением, в то время, как его неправота не доказана.

Секунду длилась тишина. Затем голос Храма объявил:

— Вам предлагается ментальный поединок. Проигравший помещается в темпоральную капсулу и находится там до распоряжения его победителя. Вы согласны с условиями?

Я кивнул. Возражать не было никакого смысла — если я предложу бой на плоскостных мечах — фантом найдет массу аргументов против… А возможно, что он прекрасно владеет любым видом оружия…

— Я готов к ментальному поединку, — сухо сказал Маэстро-Стас. Он поправил одежду, снял и положил на столик свои очки. Он готовился так, словно нам предстояла заурядная драка... Я ощутил тревогу и провел рукой по оружию: бластер, дисковый пистолет, плоскостной меч.

— Оружие в этом поединке не поможет, — радушно сообщил Стас. — Только то, что сумеешь создать сам... Начали!

И снова нас окружил влажный холодный туман. Мы неслись в то место, которое Храм выбрал для ментального поединка.

Глава 32

РАЗУМ И ЧУВСТВА

Жирная болотная грязь доходила мне до щиколоток. Было довольно холодно, дул легкий ветерок, но прохлады он не приносил. В небе раскаленным угольком тлело маленькое умирающее солнце.

Где-то вдали чернела полоска далекого леса.

Это и есть «ментальный» поединок? Выбросить нас с Маэстро в безжизненное место и наблюдать, кто первым прикончит противника? А что это, собственно, за планета? Гиперперехода я не ощутил. В мире, где даже хранитель Храма не имеет физического тела и место для поединка должно быть необычным... Иллюзорным...

Я осмотрел свой костюм, оружие. У меня забрали все — и плоскостной меч, и бластер с плоскостным пистолетом. Даже маленький парализатор однократного действия, тонкая металлическая палочка, которую я всегда ношу во внутреннем кармане. Исчезла и такая необходимая вещь, как вибронож. Батареи боевого костюма оказались полностью разряженными. Режим защиты не работал — с этим я еще мог смириться. Но не функционирующая аптечка — это уже слишком...

Я прекратил бесполезный поиск несуществующего снаряжения и осмотрелся. Ничего необычного не оказалось... Голая, ровная степь — почти такая же, как в Казахстане. Далекий лес тоже выглядел вполне заурядно. Темная точка парящей над лесом птицы вносила какой-то живой мотив в безлюдный край.

Точка приближалась. Вначале я понял, что очень большая птица. Затем, что это флаер или боевой катер: птица отсвечивала то буро-голубоватым, то серебристо-блестящим.

Потом я понял, кто летит ко мне.

Тело дракона достигало метров десяти-пятнадцати в длину. Под брюхом чудовища, белесым и с виду незащищенным, были сложены две или три пары коротких широких лап. Крылья, обтянутые бугристой серой кожей, казались слишком маленькими для такой махины. И как он ухитряется держаться в воздухе?

Дракон дернулся, изо всех сил топорща крылышки. И начал падать, судорожно колотя крыльями по воздуху.

Так вот в чем суть ментального поединка! Бой логики, разума, хладнокровия!

Крылья дракона торопливо росли — но это помогло ему лишь замедлить падение, перейти в планирование. Я злорадно усмехнулся. И почувствовал, как тело охватывает приятная легкость. На иллюзорной планете уменьшилась сила тяжести...

Дракон вновь летел уверенно, сильными взмахами крыльев поднимая небольшой ветерок. На покрытой костяными пластинами морде отчетливо выделялись два больших фасеточных глаза. Под ними, усеянная длинными острыми зубами, раскрывалась широкая пасть...

Я негромко присвистнул, подзывая своего коня. Вскочил в седло. Тяжелые доспехи, которыми успело обрасти тело, уже казались привычными. А меч, не плоскостной, а обычный, из напоминающего бронзу сплава, словно прирос к руке.

Дракон громко рассмеялся человеческим голосом, голосом Маэстро.

— Стандартный дебют ментальных поединков, не так ли, Сергей? Но бронзовый меч слишком тяжел, ты не сможешь держать его так свободно...

Меч в руках налился тяжестью.

— Он не бронзовый, — торопливо выкрикнул я. — Это сплав титана и бериллия.

Меч вновь стал легким.

Дракон выставил толстые когтистые лапы, опираясь на землю. Взмахнул исполинскими крыльями — ураган едва не снес меня с места. И дохнул огнем из раскрытой пасти.

Спрыгнув с коня, я увернулся от струи ревущего темного пламени. И с радостью осознал ошибку противника: пламя возникло в драконе не за границей острых клыков, а в пасти, в нежно-розовой мягкой глубине драконьего тела...

Рев, который издает дракон, обжегшись собственной огнеметной смесью, можно сравнить только с гулом взлетающей ракеты. Я зажал уши, сильно жалея, что не могу одновременно заткнуть и нос. Сожженная заживо лошадь источала невыносимое зловоние...

Правую ногу я при падении слегка подвернул и теперь торопливо ковылял подальше от чудовища. Но ему, видимо, тоже было несладко: раскачивая огромной головой, дракон выкашливал сгустки кроваво-черной слизи. Потом прошипел — голос был едва узнаваем:

— В этих условиях мы почти равны... Сменим рамки?

Наверное, я зря согласился. Чудовище уже умирало — моя мысль о том, что дракон обожжет себя изнутри, оказалась вполне логичной. Маэстро об этом не подумал... Но я кивнул, соглашаясь на смену ментального поединка.

На этот раз местность выглядела совсем по-другому. Заросшая низким, по пояс, кустарником равнина. И две бетонные дорожки-тропинки, тянущиеся параллельно друг другу. В темно-синем небе не было ни облачка, и огромное белое солнце обрушивало на нас нестерпимый зной.

Я стоял у начала одной дорожки. Маэстро — у другой. Между нами было три метра колючего кустарника.

— Я мог предложить поединок на космических крейсерах, или подводную охоту, или трехмерный вариант реверси, — с некоторым снисхождением пояснил Маэстро. — Но ты поступил благородно и я выбрал поединок, дающий тебе шанс. Бег. Дистанция — десять километров. Тот из нас, кто первым придет к финишу, будет победителем ментального боя.

— Какой еще ментальный бой! — разозлился я. — Это проверка мышц и тренированности! Кстати, соревнование в беге с фантомом — это игра на поражение.

— Не пугайся. — Маэстро развел руками. — Я имею сейчас те же физические характеристики, что и в настоящем теле. А ментальные способности... Они понадобятся. Побежали?

Я кивнул. Выхода не было. Дурацкий бег в иллюзорном, несуществующем мире решал сейчас мою судьбу и судьбу Земли.

Сухо треснул выстрел. Самый обычный выстрел стартового пистолета. И Маэстро рванулся вперед. Нелепый в строгом темном костюме и лакированных ботинках, но удивительно быстрый на старте...

Я побежал следом, на ходу обрабатывая свою внешность. Вначале ноги — легкие, упругие кроссовки. Долой тяжелые ботинки боевого костюма! Затем — темно-вишневый костюм фирмы «Пума»... Стоп, я перегреюсь... Костюм стал белым.

Мы бежали почти рядом друг с другом, и я никак не мог понять, действительно ли равны наши силы, или Маэстро издевается надо мной.

— Сергей, прекратим поединок! Он расстраивает логическую структуру Храмов. Они могут прийти к выводу, что их создатели не являются эталонами, — Маэстро выпалил фразу, не переводя дыхания, — что служить им не обязательно!

Я молчал. Я берег дыхание, ведь я не был иллюзорным фантомом, способным произносить лекции на марафонских дистанциях...

Маэстро тяжело задышал и начал отставать. Я опять поймал его на логической ошибке. Он должен был действовать в рамках реальных человеческих сил, иначе следовало наказание. Ментальный поединок. Мир вокруг нас — подобен туману. И наше сознание способно его изменять...

Дорожка под моими ногами стала более шероховатой — ровно настолько, чтобы обеспечить наилучшее сцепление с подошвой кроссовок... Ветер стал дуть в спину, постепенно усиливаясь. Свинцовые пластины облаков прикрыли меня от палящего зноя...

Догоняющий меня Маэстро расхохотался. В свинцовых облаках зазмеились белые разряды молний, на дорогу упали косые струи ливня. Забавно — его дорожка оставалась абсолютно сухой. Ладно. Уши заложило от громового раската. В тропинку, по которой бежал Маэстро, ударила ослепительная молния. Маэстро прыгнул в кусты, уворачиваясь от падения в маленький стеклянисто-зеленый кратер, курящийся тяжелым дымком. Раздался крик боли — кустарник был очень колючим. Через мгновение молнии принялись лупить по моей дорожке. Но — слишком поздно. Вдоль нее бесконечным строем выросли сорокаметровой высоты сосны. Молнии лупили в их верхушки, те вспыхивали, и вдоль дороги полыхали смолистым желтым огнем зеленые деревянные свечи.

Маэстро опять догнал меня. Хрипло, надрывая голос, выкрикнул:

— Может быть, прекратим погодные эксперименты? Играем по-честному? А, Сергей? Приводим все к норме?

Я молча кивнул, предоставляя Маэстро возможность самому приводить в порядок фантомный мир. Тучи рассеялись, солнце вновь обрушило на нас огненный пресс, деревья вдоль дороги расплылись клочьями зеленого тумана.

Остался лишь бег — бесконечные бетонные ленты. И мы с Маэстро, штурмующие несуществующее расстояние.

Один раз, вырвавшись чуть вперед, Маэстро прошептал, а точнее, просипел:

— Я тоже страдаю от жары... и устал. Все честно.

Почему-то я верил ему — далекому потомку моих современников. Он не соглашался с моими целями, он не желал разговаривать на равных... Но играл по-честному. Файр плэй... Зачем же вы закрутили чудовищную карусель смерти, мои далекие потомки, так любящие честную игру?

Я потерял представление о времени. Остались лишь шероховатый бетон под ногами и шумное дыхание бегущего рядом Маэстро. Остались горячий воздух, расплавленным свинцом втекающий в легкие, и нарастающее головокружение. И что-то вроде белой стены в конце дороги — с темными силуэтами на ее фоне.

Я узнал всех. Эрнадо — основной инструмент Сеятелей для воздействия на меня... Но, черт возьми, ведь на смертельно опасный и отвлекающий маневр он пошел сам! Ланс, дважды спасенный мной при освобождении принцессы... И даже не подозревающий, чем он мне обязан! Да, он шпионил, докладывал принцессе о полете «Терры». Но ведь Тар — его родина, а принцесса — тайная, недостижимая любовь. Редрак, пират и пьяница, шулер и вор... Человек, вытаскивающий меня из готовой взорваться шлюпки даже после снятия психокода!

Их взгляды торопили. Но я продолжал искать среди них мальчишеский силуэт. И найдя Данькино лицо, едва заметно улыбнулся. Я добегу первым. Я обязан — во имя тебя и всех остальных землян. Мальчишек и девчонок, стариков и молодых парочек, священников и убийц, гениев и дебилов, подлецов и бескорыстных меценатов, накачанных атлетов и хилых очкариков... Я буду первым.

... Но свинцовая тяжесть, скопившаяся в голове, уже расплавилась и медленно стекала в ноги. Я упаду... Или дойду последние метры пешком. Слишком мало тренировок. Слишком много травм...

Маэстро обогнал меня метров на пять... На нем давно уже не было строгого костюма. Короткие шорты и белая футболка, на ногах старые, разношенные кеды... Интересно, откуда он выдрал такой спортивный костюм? Футболист пятидесятых годов... Но под простенькой белой майкой, на худой «интеллигентской» спине перекатывались тугие комки мышц, а голые ноги бугрились накачанной мускулатурой. Если это его реальный облик, то мои потомки не выродятся в хилые и сверхинтеллектуальные создания...

Он продолжал обгонять меня. Разрыв все увеличивался, и свинцовая тяжесть из ног расплавленными каплями стекала на дорогу. Когда упадет последняя капля, я лягу рядом. Потому что последнее, что еще держит меня на ногах — это усталость...

Фигуры у белой стены расступились, и я увидел Клэна — Алер-Ила с планеты Клэн. Его боевой комбинезон покрывали черные пятна гари, в нескольких местах зияли сквозные пробоины. Лицо походило на месиво из крови и лохмотьев мышц. Один глаз вытек, другой прикрывало серое месиво «липучки». Вначале, выходит, его пытались взять в плен? Приклеить к стенам коридора мгновенно твердеющим пластиком... Глупая затея, клэнийцы не сдаются в плен.

«Приветствую, капитан», — произнесли неподвижные губы Алер-Ила. «Приветствую, тактик, — мысленно произнес я. — Разреши называть тебя Клэном — я привык к этому имени». Подобие лица изобразило улыбку: «Хорошо, капитан». «Ты хорошо дрался, Клэн». «Нет, капитан. Плохо. Я не смог прорваться к арсеналу и активировать кварковую бомбу. Вам придется сражаться за Землю без меня». «Ты добыл прощение своей семье, Клэн?» Изуродованная фигура начала таять. «Не знаю, капитан. Решит совет семей. Я надеюсь... Я погиб в бою... Уничтожьте Рейдер, капитан. Вы умеете любить свою планету — спасите её». «Но для этого надо добежать... первым...» «Бегите. Это мир иллюзий, капитан. Это электронные импульсы в логических цепях компьютера. И если Храм позволяет видеть вас — значит он уже признал хозяина. Бегите, капитан. Не думайте об усталости, бегите...»

Я рванулся вперед. Больше не было бетонной дорожки и белой стены в конце ее. Была скорость — и крик, кажется, Данькин — «Сергей!» А потом влажный туман окутал тело. И бесплотный голос сообщил:

— Ментальный поединок завершен, вы проявили большую уверенность в своих силах и настойчивость в преодолении препятствий. Вы получаете право на управление тактикой Храмов в пределах основной задачи.

Мы с Маэстро вновь оказались в месте для принятия решений. Стол вновь был изысканно сервирован. Единственное отличие оказалось в том, что Маэстро сидел неестественно прямо, абсолютно неподвижно, словно вплавленный в кусок льда. В какой-то степени так и было.

— Предыдущий смотритель Храмов темпорально закапсулирован, — любезно сообщил Храм. — Задайте время капсуляции.

— Две секунды, — буркнул я.

Маэстро шевельнулся, поправил очки. Вздохнул:

— Как ни странно, Сергей, но вы победили в нашем маленьком споре. Словно вас подстегнула какая-то сила... перед самым финишем.

— У меня много друзей, Маэстро. Которые очень хотели моей победы. А вы были один... со всеми знаниями о логике работы Храмов. Вы сражались за свою научную гипотезу, а я — за нашу с вами планету.

— Она и так в безопасности, — устало сказал Маэстро.

— Не уверен. Храм, где сейчас находится Белый Рейдер?

— Он удаляется от планеты Земля на максимальной скорости. В настоящий момент...

— Где была произведена посадка? — заорал я. — Вы придурок, Маэстро Стас! Рейдер оставил на Земле кварковую бомбу!

— Корабль, именуемый Белым Рейдером, совершил посадку в режиме оптико-электронной невидимости в предгорьях Тянь-Шаня. Координаты посадки...

— Корабль, Храм! Немедленно корабль! Я должен быть на Земле в районе высадки Рейдера со всем своим экипажем.

— Как поступить...

— Закапсулировать до особых распоряжений! — Полуоткрывшийся рот Маэстро замер, словно окаменел.

Влажные объятия силовых полей потянули меня сквозь стены Храма. Но я уже не пугался этих невесомых влажных касаний. Это были машины моей расы, земные автоматы...

И бой, в который я вступаю, ведется и ради них. Ради тысяч Храмов, которые породили во Вселенной жизнь. Ради Клэна и Ланса, Эрнадо и... принцессы.

Ради Земли.

Глава 33

ЛЮБОВЬ И СМЕРТЬ

Корабль Сеятелей походил на галактические корабли не больше, чем каменные топоры неандертальцев на плоскостные мечи. Мы висели в мерцающем голубом тумане — бесконечно далеко и непередаваемо близко друг от друга. Я, Данька, Редрак, Эрнадо, Ланс... Не было тут ни кресел, ни пультов.

Лишь светящийся туман, похожий на иллюзорную действительность ментального поединка...

— Вы правы, Сеятель, — ласковым шепотом втекали в сознание слова. Чьи? Корабля? Храма? — Вы находитесь в пассажирском модуле стандартного храмового корабля типа «Гонец». Блок ментального приема и выдачи информации позволяет осуществлять пилотирование с максимальной эффективностью и минимальными затратами полезной площади. Обстановка рубки управления может быть...

Я даже не успел пожелать. Я лишь успел понять смысл слов.

Туман потемнел, раздвигаясь, превращаясь в стены боевой рубки «Терры». Вокруг на привычных местах стояли кресла членов экипажа. Эрнадо с Лансом нервно озирались. Редрак судорожно цеплялся за подлокотники кресла. Увидев меня, он закричал:

— Что происходит, Серж?

— А я все слышал! — радостно завопил Данька. — И понял!

В этом мы убедились мгновенно.

...Шторм разыгрался не на шутку, и корабль бросало с борта на борт. Сквозь серую пелену туч проглядывало маленькое желтое солнце — Солнце Земли. Потоки пенной воды захлестывали деревянную палубу. Пытаясь удержать равновесие, я цеплялся за огромный резной штурвал, перед которым в огромной медной бадье болталась компасная стрелка. По палубе проковылял Редрак в пестром пиратском костюме, с негнущейся... деревянной ногой! За поясом у него торчал старинный пистолет с длинным полуметровым дулом.

— Данька! — заорал я.

— Я здесь, капитан! — Мальчишка вынырнул из-за спины в чем-то невообразимо экзотичном, кожано-джинсово-вельветовом. Пистолетов и ножей у него за поясом было не меньше пяти-шести. Видимо, так, в его представлении, одевались юнги на корсарских фрегатах.

— Прекрати! — напрягаясь, скомандовал я. — Начитался Сабатини и Жюля Верна? Нам не до игрушек!

Иллюзорный океан и корабль померкли, расплылись в голубоватый туман. С Даньки пластами слезла костюмная шелуха, он остался в полетном комбинезоне. Обиженно сказал, небрежно зависнув перед моим лицом:

— Но ведь так интереснее! Ввод и вывод информации могут быть любыми!

«А может, Маэстро был прав насчет Даньки?» Я вздохнул, с ужасом представляя себе еще один ментальный поединок.

— Данька, мы полетим так, как решу я. Понятно?!

Он молча кивнул.

— Рубка «Терры»! — скомандовал я. И оказался в командирском кресле нашего давно превратившегося в металлолом корабля.

Редрак оторопело помотал головой — его лицо было мокрым, а на шее болтался пестрый пиратский платок. Нагнулся, подозрительно осматривая свою ногу. И спросил:

— Капитан, что следующее в программе? Верхом по космосу?

— Все в порядке, — как можно увереннее сказал я. — Это корабль Сеятелей... и он подчиняется лишь мне. Но к нему надо привыкнуть. Ход максимален?

— На экранах сплошная чушь, — полурастерянно сообщил Эрнадо. — Все индикаторы...

Перекрывая его слова, в голове зазвучал голос, не слышимый ни для кого... кроме, пожалуй, Даньки.

— Сеятель, ход максимален. Съем информации ведется из вашей памяти. Цель полета — Земля, место посадки Белого Рейдера. Сообщаю, что появление корабля в прошлом Земли допускается лишь в исключительных случаях...

«То, что происходит, не является исключительным?» — молча спросил я.

«Мотивация убедительна, иначе в подчинении было бы отказано».

Да, корабли Сеятелей, как и их оружие, были с норовом...

— Мы должны оказаться на Земле раньше Белого Рейдера.

«Невозможно».

Не контролируя себя, я заговорил вслух. И мой экипаж теперь таращился на своего капитана-Сеятеля, спорящего с пустотой...

— Почему? Ты ведь можешь перемещаться во времени, я знаю! Подчиняйся! Земле угрожает опасность! Ты должен перехватить Рейдер до его посадки на планету!

«Сеятель...— То ли мне почудилось, то ли в искусственном голосе корабля дрогнула грустная доброта Маэстро. Чужая, враждебная доброта...— Есть законы, которые нельзя изменить. Есть главный поток времени — тот, который привел к созданию Храмов, темпоральных генераторов, всей современной цивилизации... В этом потоке времени темпоральные изменения невозможны... запретны... А есть и побочные линии, в которых Лорд с планеты Земля побеждает или проигрывает схватки, женится на принцессе... или убивает ее родителей. В этих потоках времени изменения возможны... в определенных границах...»

— Значит, Рейдер сядет на Землю?

«Уже сел и стартовал. Использовался режим невидимости, корабль не был демаскирован. Реакции кваркового распада в месте посадки не наблюдается».

— Это ничего не значит. Сектанты могли оставить бомбу замедленного действия... или с дистанционным управлением... Быстрее!

«Мы идем по прямому гиперпространственному туннелю, Сеятель. На создание его уходит вся энергия Храмов этого сектора. Более быстрое перемещение невозможно. Мы будем на месте, откуда стартовал Рейдер, через семь минут».

По коже прошел холодный озноб. Через семь минут я вернусь на родную планету. На Землю.

Я приду, чтобы спасти свой мир или умереть вместе с ним. Маэстро может быть сколь угодно уверен в безвредности сектантов, исходя из «свершенности» прошлого. Я так не считаю и не могу считать.

Сеятели оказались вовсе не всемогущими волшебниками из детской сказки. Они скорее напоминали Великого Гудвина из Изумрудного Города — ловкого фокусника и обманщика.

Но на моих глазах не было ни розовых, ни зеленых очков.

Если будущее меняет свое прошлое, то почему бы прошлому не поработать над настоящим?

— Ребята, сейчас мы окажемся на Земле, — громко сказал я. — На планете Сеятелей... думаю, уже все поняли это. Рейдер все-таки совершил на ней посадку, и нам придется поработать мусорщиками.

— Обезвредить кварковую бомбу? — тихо спросил Эрнадо.

Я кивнул.

— Это невозможно... Разве что нам поможет твой корабль. Он способен затормозить субатомный распад?

«Нет, — равнодушно и спокойно отозвалось в голове. — Кварковые процессы распада необратимы. Можно использовать темпоральный прыжок, но на Земле это запрещено».

«Спасибо!» — зло поблагодарил я.

«Пожалуйста, Сеятель. До высадки на Землю — три минуты. Гиперпереход будет выполнен с выходом в пределах атмосферы. Предполагаемое расстояние до грунта — два метра. Рекомендую гравитационное десантирование с поддержанием непрерывной мысленной связи».

«Обеспечь максимальную близость к месту, откуда стартовал Рейдер».

«Хорошо, Сеятель. Защитные противорадиационные костюмы будут надеты на всех членов экипажа».

Мы стояли по колено в снегу. Грязноватом, подтаявшем снегу горного склона, обращенного к северу...

Странно, совсем забыл, какое сейчас на Земле время года. Оказывается, весна.

Солнце вполсилы грело с бледного неба, затканного редкими полосами облаков. На противоположном южном склоне снег растаял полностью, там было месиво липкой черной грязи и желто-серой прошлогодней травы.

А посередине, в долине между двумя холмами, темнело ровное, сухое, словно проутюженное пятно земли. Светлая, глинистая, знакомая лишь редким туристам да еще более редким пастухам земля тяньшаньских предгорий. Посередине сухого пятна открыто, без всякой маскировки, стоял полупрозрачный двухметровый куб. Переплетение трубок, шариков, цилиндров, проводов, втиснутое в корпус из мутной пластмассы.

Кварковая бомба.

Собственно говоря, это устройство и бомбой-то назвать было нельзя. Настоящие военные бомбы имели системы защиты и наведения, двигатели и термозащиту... Это были миниатюрные космические корабли одноразового использования. А то, что стояло сейчас перед нами, непередаваемо чужеродное на грязном склоне горы, было лишь миной.

Но задачу это не упрощало.

Кварковая бомба взрывается в тот миг, когда ее собирают на заводе. Все остальное ее существование — это замедление неизбежного процесса кваркового распада, сведение лавинообразного уничтожения атомов к медленному, ритмичному, постепенному уничтожению десяти граммов медной пыли — лучшего активатора взрыва. И если просто выстрелить в бомбу, уничтожая ее механизмы, то неотвратимый процесс атомного распада начнется с полной силой. Единственный метод избавиться от кварковой бомбы — «выбросить» ее в глубокий вакуум. На расстоянии двух-трех световых лет от ближайшей звезды, планеты или туманности. Кварковый распад иногда способен перебрасываться с планеты на планету с крошечными метеоритами, частицами пыли, молекулами ионизированного газа...

Я обернулся — инстинктивно, словно ища поддержки. За мной стояли друзья. Эрнадо, Редрак, Ланс, Данька... У пояса каждого из них охватывала гибкая металлическая лента, испускающая слабое мерцание. Обещанный противорадиационный костюм Сеятелей?

А над нами, смехотворный в своей узнаваемости, «летающей тарелкой» висел стандартный храмовый корабль типа «Гонец». Двадцатиметровый диаметр. Две сложенные друг с другом суповые миски. Машина, способная преодолевать миллионы световых лет расстояния, управлять темпоральным полем, сражаться с армадами звездолетов...

— Это твой истинный облик?

«Да. Он функционален. Принять другой?»

«Не надо. Ты видишь бомбу?»

«Да. В ней включен механизм активации. Через пятнадцать минут тридцать секунд земного времени начнется распад».

«Что ты можешь сделать? Имеется в виду уничтожение бомбы».

«Задание принято. Исполнение невозможно».

«Поясни».

«Техники, создавшие эту бомбу, предусмотрели все возможные виды воздействия. Системы защиты произведут немедленную активацию кваркового распада при попытке внешнего воздействия. Детекторы фиксируют полную готовность устройства к активации».

«А темпоральное вмешательство? Уничтожить бомбу в прошлом!»

«Вмешательство в пределах Земли и основного потока истории запрещено. Темпоральный генератор блокирован. Простите».

Это совсем человеческое извинение выбило меня из колеи. На помощь корабля Сеятелей я больше рассчитывать не мог. А на помощь... Белого Рейдера?

Создатели бомбы должны были предусмотреть предохранители. Они и сейчас, наверное, могут остановить взрыв.

Если доказать им, что Земля — планета Сеятелей. Родина их богов... Но возможно ли доказать христианину, что Сатана — это лишь еще один облик Бога? Четвертый член троицы... Возможно ли за десять минут переспорить фанатиков, без колебания отдающих жизнь во имя своей веры?

Нет. Никогда. Веру не сломить фактами.

Я поднял руку, словно загораживаясь от прозрачного куба кварковой мины. Словно мог этим жестом вычеркнуть ее из реальности... И увидел на своем пальце кольцо. Желтый обруч с кристаллом-энергоносителем. Гипертуннель, который всегда со мной. Обручальное кольцо принцессы. Творение современных мастеров, стремящихся перещеголять самих Сеятелей.

А ведь этот гипертуннель может работать в любую сторону.

Я поискал взглядом что-нибудь твердое. Бластер, меч, защитный пояс... Нагнувшись, я подобрал маленький грязный камешек. Обломок древнего гранита, которому скоро предстоит превратиться в кварковую «пыль».

«Ты можешь обеспечить связь с рубкой Рейдера?» — молча спросил я корабль.

«Да. С кем именно? В рубке восемь человек, из них...»

«Выдай на экраны изображения всех нас и...»

«Простите, Сеятель, но на их экранах присутствует данное изображение. В устройстве кваркового распада имеются телекамеры и гиперпередатчик».

Вот оно что... Идиот. Мог и сам догадаться...

«Какова реакция на наше появление? У императрицы и императора планеты Тар?»

«Они обрадованы и смущены. Их беспокоит факт моего появления. Я отвечаю стандартным изображениям корабля Сеятелей».

«Приготовься дать нам изображение рубки Рейдера».

Я коротко размахнулся и ударил камнем по своей сжатой в кулак ладони. По золотому обручальному кольцу. По «алмазу», хранящему в себе энергию мегатонных ядерных бомб.

Кристаллик вспыхнул, словно кусочек магния. Яркий белый свет заставил меня отвести глаза.

— Тебя можно полюбить? — тихо спросил я.

Все звуки отошли куда-то вдаль. Шаги Даньки, бродившего вокруг «летающей тарелки», тихий разговор Ланса с Эрнадо. Меня как бы накрыло мягким ватным колпаком.

— Это ты... принц?

— Да, принцесса. Тебя можно полюбить?

Тишина. Что сейчас на твоей планете, на Таре? День или ночь? Чем ты занималась, принцесса — примеряла новое платье или решала вопросы межпланетной торговли? Ты одна или с подругой, с толпой советников и охраны... с другом? Я не буду задавать лишних вопросов. Только один. Тебя можно полюбить? Ты еще помнишь своего случайного спасителя и формального мужа?

— Да, Сергей. Наверное, можно.

— Ты вспомнила меня?

Слабый смех. И встречный вопрос:

— Ты же узнал о докладах Ланса... Верно?

— Мало ли докладов тебе поступает...

— Но эти я читала, Сергей.

— Ты придешь, если я попрошу?

Снова пауза. Похоже, я заставил ее удивиться.

— Я ожидала обратного...

— Нет, принцесса. Я не стремлюсь сейчас на Тар.

— Ты нашел свою планету, Сергей? Землю?

Что-то в ее голосе заставило сжаться мое сердце. Странно, я могу еще радоваться эмоциям...

— Да, принцесса. Я зову тебя на Землю. На планету, которая погибнет через несколько минут. В двадцати метрах от меня стоит кварковая бомба с выключенными замедлителями.

— Ты сумасшедший, Сергей! У тебя есть корабль?

— Да.

— Стартуй, попытайся улететь! Немедленно!

— Это мой мир, принцесса. Ты придешь?

И вновь тишина. И бледное лицо Ланса, стоящего в двух шагах и слушающего наш диалог.

— Ты хочешь, чтобы я увидела твой мир, Сергей? Успела на нем побывать?

— И это тоже.

Ланс дернулся ко мне и пошатнулся, отброшенный невидимой силой. Закричал:

— Не надо, не смейте, принцесса!

Я едва услышал ее голос.

— Разбей камень в кольце. Я приду... Попытайся найти меня, я возьму устройство дальней связи. Планеты не гибнут мгновенно, даже от кварковой бомбы.

«Покажи нам рубку Рейдера», — беззвучно скомандовал я. И увидел, как на склоне, за кубом бомбы, вспыхнуло огромное, как экран в кинотеатре, изображение.

Огромное помещение, похожее на радиотехнический завод после пожара... или визита смертника-клэнийца. Собранные «на живую нитку» пульты, люди, сидящие в креслах и стоящие вокруг. Императрица. Император. Группа пэлийцев.

— Принцесса, я не зову тебя умереть с моим миром или увидеть его смерть. Кварковая бомба поставлена сектантами...

— Ланс сообщал о них.

— Но тогда мы не знали, что руководители секты — император и императрица Тара. Твои родители, принцесса.

Кто-то из сидящих в рубке Рейдера склонился над пультом — и в полупрозрачном кубе открылась узкая амбразура. В мою сторону ударил тонкий белый луч. Метрах в пяти от нас он бесследно таял в воздухе.

«Самостоятельно предпринял защитные меры, — сообщил корабль. — Сеятель, до активации кварковой бомбы три с половиной минуты. Напоминаю, что вы обязаны защитить Землю. В ее истории не было кварковых взрывов. . . »

Меня едва не охватил нервный смех. Трезвость вернулась после слов принцессы — ее голос был тверд, как сталь.

— Принц, вы уверены в своих словах?

— Да. Если ты будешь на Земле, они должны. . . могут остановить. . .

— Разбей кристалл!

Я вновь ударил подобранным на земле камнем по кольцу. Кристалл полыхнул повторной вспышкой и покрылся сетью тонких, как паутина, трещин. Радужная волна пробежала по кольцу — и ушла куда-то в глубь металла.

— Нет!!! — Это кричала императрица. Пожилая женщина в рубке Белого Рейдера, не подозревающая, что каждый ее жест и любое слово доступны врагам.

Рядом со мной полыхнуло радужное сияние. Разноцветный туман закружился в воздухе, едва ощутимо повеяло холодом.

«Самостоятельно принял решение скорректировать точку выхода из гипертуннеля, — вежливо сообщил корабль. — Дополнительное психологическое воздействие. . . »

Цветной туман исчез. И вместе с ним — ощущение «колпака», прикрывающего меня все время разговора через кольцо.

Передо мной стояла принцесса.

Она была почти обнаженной. Но, странное дело, это казалось абсолютно естественным. Короткая золотистая туника простотой не уступала древнегреческой одежде. Ноги были босы, и принцесса поморщилась, ощутив касание мокрого снега. Хорошо, что наркотический эффект гипертуннеля не дает ей почувствовать холод в полной мере. . .

Принцесса смотрела мне в глаза. Вначале слепо, в расширенных зрачках еще стояли отблески иного мира. . . Затем — знакомо приветливо и чуть насмешливо. Так смотрят на хорошего, хотя и неудачливого приятеля.

— Привет, Сергей. . .

— Здравствуй, принцесса, — как автомат ответил я.

Она взмахнула головой — мокрые волосы плеснули тяжелой темной волной.

— Ты очень удачно — я только что из ванны.

В другое время меня заставило бы улыбнуться это совпадение. А может быть, и насторожиться. . .

— Принцесса, — торопливо, запинаясь, сказал Ланс. — Встаньте на это. . .

Он бросил под ноги принцессы свою куртку. Девушка кивнула небрежно, едва заметно — так благодарят за пробитый в автобусе абонемент. Ступила на чистую тонкую ткань. Обернулась и замерла, глядя на «киноэкран».

«До начала кваркового распада — одна минута, — с услужливостью хорошо воспитанного дебила сообщил корабль. — Сеятель, вы обязаны предотвратить нарушение хода истории Земли».

Принцесса подняла руку. То ли приветствуя родителей, то ли просто обращая на себя внимание. Как будто бы ее появление можно было не заметить. . .

— Привет! Мам, ты совсем не изменилась. . .

Только теперь люди в рубке Рейдера поняли, что за ними наблюдают.

Императрица встала из кресла. И я увидел, как мгновенно напряглись, насторожились люди вокруг нее. . .

— Терри, девочка моя. . . Ты. . . вы должны немедленно покинуть планету. Она обречена. Воспользуйтесь этим кораблем, что бы он из себя ни представлял.

— Нет, мама, — почти весело ответила принцесса. — Это ведь и моя планета. Планета моего мужа.

Я не почувствовал ни малейшего удивления, услышав настоящее имя принцессы. И не потому, что не мог уже ничего ощущать, кроме страха — безумного страха за себя, принцессу, Землю, свой экипаж. . . Просто совпадения и случайности плели свою кружевную сеть, недоступную даже Сеятелям. Терри — Терра. Земля.

— Взрыв невозможно остановить, девочка. . . — так же спокойно и твердо сказала императрица. —

Остались секунды...

— Мам! — Голос принцессы сорвался на крик. И я вдруг понял, что она на грани истерики. — Никогда в жизни ты не делала необратимых поступков! Я слишком хорошо тебя знаю, мама! Ты можешь остановить взрыв!

— Нет!

— Тогда ты убьешь нас, — тихо сказала принцесса. И начала медленно оседать на землю. К ней метнулся Ланс, но я успел подхватить принцессу первым, плечом отжав парнишку. Я держал ее на руках, чувствуя, как холодна кожа, и заглядывал в лицо.

Глаза были открыты. Она вовсе не теряла сознания.

— Я не боюсь... но слишком уж резко... — прошептала принцесса.

Подняв голову, я взглянул на кварковую бомбу. Успею ли я заметить тот миг, когда мир вокруг начнет рассыпаться в атомарную пыль? Почувствую ли что-нибудь?

— Остановить распад! — закричала императрица. И в ту же секунду в рубке Рейдера началось нечто невообразимое.

Глава 34

НЕИЗБЕЖНОСТЬ

Возможно, большинство экипажа Рейдера составляли фанатики-сектанты, подчиненные в данный момент одной идее — уничтожить Землю. Но императрица действительно не делала необратимых поступков. Среди собравшихся в рубке большинство составляли люди, преданные лично ей. И тот, кто контролировал кварковую бомбу, исполнил приказ.

Я видел, как это происходило. Аскетичный, неприметный мужчина, сидящий в стороне от главных пультов, вздрогнул, словно получил гипнотический приказ. Возможно, так оно и было... Одним резким движением он приложил правую ладонь к белой детекторной панели на пульте. И тут же обмяк, мгновенно утратив живые очертания — в него выстрелили из деструктора.

«Механизм кварковой бомбы воспринял гиперпространственный сигнал, — проинформировал меня корабль. — Сигнал хаотичен, немодулирован, не поддается никакому анализу. Полагаю, что контрольным кодом остановки бомбы являлся дактилоскопический узор на правой руке убитого сектанта».

Секундная пауза, а на экране, словно в сцене из крутого боевика, идет оживленная перестрелка. Деструкторы, лазеры, дисковые пистолеты... Какой-то фанатик, кажется, снял с плеча тяжелый полевой дезинтегратор... И мгновенно упал, прошитый очередью плоскостных дисков. Потом вспышки прекратились — в рубке включили нейтрализующее поле.

«Кварковая бомба остановлена. Механизмы защиты отключены. Приступаю к созданию локального гипертуннеля... — сухо, как бы по обязанности, сообщил корабль. И вдруг добавил: — До начала процесса кваркового распада осталось две с половиной секунды».

Я понял, что через несколько секунд набитый смертоносными механизмами куб навсегда исчезнет с Земли. Остановленный, отключенный от предохранителей, он будет легко уничтожен кораблем Сеятелей — выброшен через гипертуннель куда-нибудь в пустынный район космоса. А возможно, и на безжизненную планету, которую вскоре должна будет посетить экспедиция одной из галактических цивилизаций. Обнаружив в никем не изученном районе зону атомарной пыли — явный след применения кварковой бомбы, люди убедятся — здесь побывали Сеятели. Миф надо поддерживать. А двух зайцев всегда удобнее убить одним выстрелом...

«Благодарю за совет, Сеятель, — вежливо сказал корабль. — Бомба будет использована для создания легенды о битве Сеятелей в районе пульсара Р-2».

Канал мысленной связи работал вполне надежно. Даже надежнее, чем мне хотелось бы. Теперь Сеятели воспользуются моей идеей...

Черт возьми, какие еще Сеятели? Я сам Сеятель! Земляне, осуществившие грандиозный план колонизации прошлого — мои предки. Они ближе мне — по крови, по духу, по происхождению, чем все галактические цивилизации, вместе взятые! Почему я так упорно отделяю себя от Сеятелей?

Может быть, потому, что на сотканном из воздуха экране сейчас заканчивается кровавая бойня. И то, что убивают друг друга мои враги, ничуть не облегчает мне совесть.

Принцесса выскользнула из моих объятий и теперь, тесно прижавшись к плечу, смотрела на экран, где под ударами плоскостных мечей падали последние фанатики. Команда ее родителей побеждала. Император и императрица стояли под охраной двух широкоплечих, лимонно-желтых пэлийцев. Еще несколько сектантов — людей и пэлийцев — добивали двоих зажатых в угол «ортодоксов». Один из них, хрипло выкрикивающий ругательства, вдруг произнес:

— Последнего слова, братья!

Нападавшие на него сектанты замерли. Императрица медленно, словно через силу, кивнула головой.

— Мы не уничтожили проклятую планету — по приказу своей властительницы. Мы забыли, что ее власть — тень от власти Сеятелей. Она найдет оправдания — и вы поверите. Но все случилось из-за ее дочери и пришельца с проклятой планеты. Предсказание гласило о великом искушении — оно случилось.

Мы оказались ниже своей доли. Отныне мир обречен...

Коротким, почти незаметным взмахом плоскостного меча говоривший распорол себе шею. После секундной паузы то же сделал его товарищ. Меня затошнило. Харакири все-таки гораздо элегантнее.

Императрица устало глядела с экрана.

— Вы по-прежнему следите за нами? — Вопрос прозвучал утверждающе. — Мы вас не видим... уже...

Я взглянул на склон — и увидел, что бомба исчезла. Корабль Сеятелей совершил переброску ее через гипертуннель настолько тихо и незаметно, что это прошло мимо сознания.

«Дай им изображение на экраны».

«Хорошо, Сеятель. Как поступить с Рейдером? Он на орбите Плутона. Его можно уничтожить очень чисто».

«Не сметь! Ты можешь... вернуть их на Землю?»

«Весь корабль?»

«Да. Или весь экипаж»

«Локальный гипертуннель... на пределе мощности...»

Корабль Сеятелей, казалось, впал в замешательство.

«Желательно использование корабля боевого типа...»

«Ты можешь?»

«На пределе возможностей. Главная трудность в обеспечении маскировки Рейдера. Над этим районом пролетает до шести спутников одномоментно. Постановка оптико-электронного поля...»

«Ты можешь?»

«Используя все ресурсы. Это необходимо, Сеятель?»

«Да. Для того, чтобы не повторилась сегодняшняя опасность»

«Мотивированно. Рейдер будет посажен на прежнее место через две с половиной минуты. Объясните им бесполезность сопротивления»

«Ладно. Работай...»

Я посмотрел в огромный экран, начавший вдруг уменьшаться и тускнеть. «Гонец» действительно использовал все ресурсы.

— Мы видим вас, прикажите отключить двигатели своего корабля и задействовать системы посадки. Через две минуты Рейдер будет посажен рядом с нами.

На едва различимых лицах мелькнуло недоверие. До меня донеслось:

— Невозможно технически... До Земли...

— Вас перебросит через гипертуннель корабль Сеятелей, — оборвал я. — Для него мало невозможного.

Экран растаял. Я не услышал ответной реакции.

Интересно, а почему я потребовал вернуть Рейдер на Землю? Для того, чтобы доказать сектантам, что они едва не уничтожили планету своих Богов, имелось множество других возможностей. Зачем я начал осуществлять самый сложный план, вместо того, чтобы триумфально войти в рубку Рейдера, взяв его на абордаж крошечным корабликом Сеятелей?

И странный холодок пробежал у меня по телу. Дикая, нелепая мысль...

То, что я делал, было предрешено. Неизбежно. Говоря словами Сеятелей, я попал в основной поток времени. И вновь превращался в марионетку, вынужденную делать лишь то, что позволяют упругие невидимые нити... Откуда взялось это чувство? Не знаю. Когда меня «несло» в потоке случившегося после использования темпоральной гранаты, это воспринималось как упругая, сковывающая движения — но преодолимая пленка. Я был волен переиграть происходящее. Сейчас же не было никакой «пленки», никакой скованной заданности. Делай что хочешь, борись, побеждай, проигрывай... Но странное и страшное чувство неизбежности охватило меня. Я должен был «доставить» принцессу на Землю, чтобы остановить сектантов. Я должен посадить Рейдер на Землю, чтобы... Черт возьми, но ведь можно и отменить приказ!

«Локальный гипертуннель создан. Рейдер транспортируется к Земле. Временно отключаюсь», — отчетливо прозвучало в сознании.

Неизбежность? Но какая? Неизбежность чего?

Я посмотрел на принцессу. И тихо сказал:

— У тебя очень красивое имя. Я не буду придумывать тебе другого, Терри...

Девушка едва заметно улыбнулась:

— По нашим обычаям это означает, что ты даешь мне полную свободу поступков. Вплоть до...

Она замолчала. И твердо закончила:

— Я постараюсь не злоупотреблять этим. Но характер у меня мерзкий, ты сам знаешь.

Я кивнул. Так ты и вправду хочешь быть моей, принцесса? Еще не узнав, кто я и почему повинуется мне странный маленький кораблик, висящий над подтаявшим снегом?

Друзья стояли в стороне. Все вместе, тихо, ничего не спрашивая, ничего не предлагая. Происходящее подавило их, они смирились с ролью статистов...

Все, кроме Даньки.

— А вы принцесса с планеты Тар, верно? — бесцеремонно влез он. — Слушайте, Сергей вам доказал все, что нужно, или еще нет?

Терри засмеялась.

— А что он должен был мне доказать? Ты Данька, я не ошибаюсь? Ланс очень точно тебя описал...

Данька покраснел и отступил назад. Но теперь уже в разговор вступили все.

— Приветствую вас на Земле, принцесса, — незнакомым голосом произнес Эрнадо. — Рад видеть вас счастливой и торжествующей...

— Оставь это. — Принцесса не собиралась выдерживать длинное церемониальное приветствие. — Я тоже рада тебя видеть, Эрнадо. И тебя, Ланс. Твои доклады мне очень помогали... Сергей, надеюсь, Лансу не слишком попало за шпионаж?

Я пожал плечами.

— Высшую меру решили не применять, Терри...

Неизбежность. Основной поток истории. Я снова в ловушке? Снова в роли марионетки? Но чего же ждет от меня судьба-режиссер на этот раз? Что подсказывают незримые суфлеры-обстоятельства? Как я могу испортить свою роль?

И почему я так хочу это сделать?

— А ты, конечно, Редрак Шолтри? Бывший пират?

Терри продолжала знакомиться с моим экипажем...

— Да, принцесса. Правда, на данный момент я работаю пилотом у... вашего мужа. Работал...

В голосе Редрака я уловил отчетливое сомнение по поводу того, нужен ли Сеятелю пилот. Но принцесса этого не заметила...

— А где Клэн? Мне всегда нравилась их планета...

Наступила неловкая тишина. Потом Эрнадо сухо сказал:

— Алер-Ил с планеты Клэн погиб, пытаясь уничтожить Белый Рейдер одиночным штурмом.

Терри молча кивнула, принимая информацию к сведению. Все-таки она была принцессой. Повернувшись ко мне, она, мгновенно меняя тон, спросила:

— Сергей, что мы будем делать с сектантами? Ты достал корабль Сеятелей, верно? Что, если убедить их в том, что Земля находится под особым покровительством...

— Принцесса, — не слишком дипломатично, но с явным удовольствием прервал ее Данька. — Земля — это и есть планета Сеятелей! Через тысячу лет земляне решат заселить всю галактику людьми и организуют экспедицию в прошлое. Там настроят Храмов, заселят все планеты, придумают легенды о себе. И спрячутся до времени. Так что сектантов обманывать не надо. Рассказать им правду — они повесятся.

— Это правда, Сергей?

Я пожал плечами.

— В общих чертах... Думаю, твои родители могут с чистой совестью оставить дела секты.

— Ты — Сеятель?

— Да. Точнее, их предок...

Я не успел объяснить тонкости родословной. В небе над нами глухо хлопнуло, мелькнуло секундное радужное сияние. Потом небо посерело — «Гонец» поставил защитный экран, прячущий нас от американских, российских, китайских и прочих спутников... А под серым, пепельно-траурным балдахином неба опускался на нас конус Белого Рейдера.

Назвать его Белым отныне мог только закоренелый оптимист. Огромный корпус крейсера был серовато-черным, обугленным, изрытым вмятинами и пробоинами. Лишь кое-где проглядывали остатки белой противолазерной брони, давшей когда-то кораблю название.

Рейдер опускался медленно и неспешно, как разваренная чаинка в стакане, как набрякший от дождя бурый лист на осеннюю аллею.

— Мы неплохо поработали, — с удивлением сказал Редрак. — Я ожидал увидеть их в лучшем состоянии... Великие Сеятели, они еще решились на поиск в таком состоянии!

Решились. И нашли Землю с первого же захода. Судьба. Неизбежность, будь она проклята! Чего ты хочешь от меня теперь?

— Какой он здоровый, — дрогнувшим голосом сказал Данька. — Мы сможем с ним справиться, если что... А, Сергей?

Он подался ко мне и быстро, инстинктивно нащупал руку. Ему нужно было сейчас касание взрослой ладони, чтобы вновь обрести уверенность, почувствовать себя человеком — а не муравьем под исполинским серым сапогом.

— Все нормально, Данька, — сказал я. — Не бойся. Наш кораблик способен превратить эту развалину в кучу металлолома за полсекунды. Не бойся.

— Я и не боюсь...

Автоматика Рейдера все же была задействована на посадку. Императрица Тара продолжала держать в руках рвущиеся ниточки управления кораблем. Из основания Рейдера беззвучно выдвинулись широкие опоры — семь или восемь, я не успел сосчитать. Дюзы были безжизненно холодны. Рейдер опускался, поддерживаемый силовым полем «Гонца».

«Надо провести краткий курс гипновнушения... Чтобы сектанты легче восприняли информацию о Земле. Ясно?»

Ответа не было. И, наверное, не могло быть. «Использую все ресурсы. Временно отключаюсь», — предупреждал меня корабль.

Что ж, будем справляться сами...

Опоры коснулись земли, тысячетонной массой вдавливаясь в размокший грунт. Ничего, под тонким слоем глины гранитные пласты...

Я вдруг почувствовал, что до сих пор сжимаю в руке камешек — тот самый, которым разбивал кристалл кольца. Досадливо поморщился, размахнулся, чтобы выкинуть его... и остолбенел. В руке переливался мутноватым блеском крупный неотшлифованный алмаз. Или, скорее, полуотшлифованный — какие-то грани угадывались. Камешек был не меньше, чем на тысячу карат...

Принцесса перехватила мой взгляд. Поморщилась.

— Ты разбил энергокристалл этим камешком?

— Да... Но он не был таким... изящным.

— Побочный эффект гипертуннеля. Видимо, был избыток энергии, и его погасили синтезом алмаза.

Забавно. Я получил сдачу с гиперперехода.

В основании Рейдера открылись люки, и из них медленно, опасливо стали выходить люди. Некоторые поспешно поднимали руки вверх или складывали их за головой, другие бросали на землю оружие.

— Стрелять не советую, — фальшиво-уверенно крикнул я. — Вы под контролем корабля Сеятелей.

К нам медленно, как бы через силу, направлялись трое. Императрица. Рели Тар — император. И смуглый пожилой мужчина, видимо один из руководителей секты.

На лицах Ланса и Эрнадо появилось странное выражение. Так смотрят воспитанные дети на своих родителей, поступивших неправильно, непоправимо ошибочно... Но все равно остающихся родителями.

А вот Терри смотрела на императорскую чету почти с ненавистью. Странная привилегия принцесс — не воспринимать родителей как отца с матерью. В тех случаях, когда это нужно, разумеется...

— Папа!

Почему-то она обратилась именно к отцу. Для меня, например, в странной императорской чете главную роль прочно играла императрица...

Релиан Тар подошел к дочери. Императрица с третьим руководителем секты осталась позади. Голос принцессы звенел от ярости:

— Вы не понимаете, что совершили! Земля — планета Сеятелей! Ты учил меня, что никогда...

Мы отвлеклись. Мы все смотрели на эту смесь семейной ссоры и династического спора. Нам было интересно.

Только Данька, насмотревшийся семейных ссор на Земле, поглядывал по сторонам.

Я много раз вспоминал произошедшее. Я снова и снова прокручивал события в памяти. И раз за разом воспроизводил видеозапись внешних детекторов «Гонца».

Наверное, я действительно не виноват.

Неизбежность...

Третий руководитель секты, покорно шедший рядом с императрицей, остановился. И достал из-за пояса виброནож. Звуковые детекторы уловили его шепот: «Великое искушение...»

— Сергей! — закричал Данька, бросаясь ко мне.

Не верю, не хочу верить, что он понимал, на что идет. Скорее всего, просто хотел оттолкнуть меня. Так в его любимых боевиках отбрасывают друга с линии выстрела мужественные американские полицейские...

Виброкнож — подлое оружие. Вначале, когда он касается тела, мелко вибрирующее лезвие раздвигает ткани, вспарывает кожу и мышцы. Потом, когда нож входит в тело до рукояти, амплитуда вибрации меняется. Резонанс — ткани вокруг клинка превращаются в молекулярное месиво. Клеточные оболочки лопаются, нити ДНК разрываются на кислоту и белковые основания. . .

Нож попал Даньке в голову. Иначе он вошел бы мне в сердце.

Срастить распоротую сердечную мышцу — это так просто для медицины Сеятелей!

Мальчишка начал беззвучно падать. Но коснуться земли своей родной планеты не успел.

Беззвучный, неслышимый грохот навалился на нас. Силуэт Рейдера заколебался, как изгибаемая сильной рукой фотография. Голубая вспышка охватила метнувшего виброкнож сектанта — и он замер, не успев выхватить из ножен меч. «Гонец» переместился ближе к нам, в распахнувшемся на долю секунды люке исчезло неподвижное, словно окаменевшее, тело Даньки. Гравилуч всосал его в корабль, как пылинку.

«Попытка убийства Сеятеля!»

Я увидел, как попадали в снег сектанты — и понял, что на этот раз мысленную речь корабля слышу не только я.

Императрица вскинула руки, зажимая уши. Бесполезно. Этот голос возникал в глубине сознания. И в нем было слишком много чисто машинной терминологии и предельно животного, панического страха, чтобы можно было усомниться в словах. Тем более человеку, многие годы возвеличивающему Сеятелей. Одинокой и несчастной женщине, придумавшей себе Богов.

И увидевшей, как сподвижник и друг убивает юного Бога.

«Попытка убийства Сеятеля! Вмешательство в основной поток истории!» — гремел беззвучный крик рабски послушной машины.

«Успокойся! Информацию! Какова тяжесть ранения?»

«Уничтожено семь с половиной процентов мозговых нейронов височной, теменной и затылочной области. Поражены подкорковые структуры — стриа палладиум. . . »

«Ты можешь его вылечить?»

«Пострадали структуры, ответственные за оперативную и долговременную память. Восстановление информации невозможно. После курса реанимационных мероприятий неизбежна амнезия».

Я не удивлялся. И не пугался. И даже горя не было. Неизбежное. Игрушка в руках судьбы. Данька, глупый пацан, который так радовался своим «звездным каникулам». . .

«Амнезия коснется периода после похищения мальчика с Земли? Он забудет пребывание в космосе?»

«Да. Догадка верна, Сеятель»

«Это не догадка, электронный кретин! Сообщи, какую роль играет Даниил в земной истории?»

«Сообщаю: Даниил является одним из самых известных художников начала двадцать первого века. Он — основатель стиля, получившего название “цветазм”. Основные даты жизни и творчества. . . »

«Стой. Хватит. В биографии мальчика есть упоминание о периоде долгого отсутствия вне дома в возрасте. . . »

«Понято. В возрасте двенадцати лет мальчик убежал из дома, после чего был найден с явлениями полной амнезии на период отсутствия».

«И ты знал об этом раньше?»

«Да».

Неизбежность. Мальчик должен был забыть о том, что побывал в космосе. Но никто во Вселенной — ни Храмы, ни их хранитель Маэстро не могли вмешаться в его память. Он был землянином, Сеятелем, Богом. И другие Боги не смели лишать его памяти.

Тогда и заработала неизбежность.

Я заставил Рейдер приземлиться лишь для того, чтобы последний из затаившихся фанатиков метнул в меня нож. И Данька бросился наперерез. И все следящие системы «Гонца» отвлеклись созданием «завесы невидимости» вокруг Рейдера. Ни один автомат Сеятелей, даже подкрепленный идеей исторической необходимости, не посмел бы оставить без защиты мальчика-землянина.

Он действительно должен был перегрузиться.

«“Гонец”! Примени возврат во времени! Предотврати ранение. . . »

«Запрещены временные возвраты в пределах основного исторического потока».

«Данька. . . мальчик будет здоров?»

«Да».

«Амнезия коснется лишь пребывания в космосе?»

«На девяносто пять процентов».

Как он любит проценты и цифры, электронный придурок…

«Сеятель! Информация к сведению — мой псевдоразум не использует электронных элементов и не отвечает уровню кретинизма или придурковатости. Он просто отличен от человеческого и узкоэмоционален».

«Ясно. Можешь считать, что я извинился…балбес».

«Сектанта, ранившего мальчика, уничтожить? Тип смерти?»

Я вздрогнул, выходя из оцепенения ментального диалога. С момента ранения Даньки не прошло и пары секунд. Когда язык не мешается между зубами, общаться можно очень быстро…

«Нет! Отдай его мне! Сними с него паралич».

Сектант вновь пришел в движение, вытянул из ножен меч. Двинулся ко мне. Ах, дурак, дурак…

— Мне плевать, во что ты веришь, — прошипел я, отпихивая кого-то с пути — кажется, это была теща. — Но ты ранил ребенка и убил в нем моего друга. И я убью тебя так, что мне самому станет страшно.

Глава 35

ПЛАНЕТА, КОТОРАЯ БУДЕТ

Маэстро поправил очки. Нацедил себе какого-то вина, залпом выпил. Он упорно избегал смотреть мне в глаза.

— В таких случаях лучше помогает спирт, — сухо сказал я. — Коктейль «Ностальгия»...

Маэстро выудил из бутылочек маленький прозрачный графин. Поморщился, глядя на бесцветную, несущую временное забвение, жидкость. Пробормотал:

— А почему бы и нет...

Жидкость просочилась сквозь хрустальные стенки графинчика и всосалась Маэстро в ладонь.

— Не люблю вкус спирта... и запах, — чуть виновато объяснил он. — Пусть уж сразу в кровь...

— Фокусник. Не переборщи с дозой.

Маэстро опьянел на глазах. Ухмыльнулся, сказал:

— Ерунда, принц... Разреши тебя так называть? В документах и отчетах ты проходишь под этим псевдонимом... Все вокруг нас так иллюзорно. И ты можешь вытворять подобные штуки... как и отрезветь в долю секунды. Только пожелай... Принц, почему вы отпустили остальных сектантов?

Теперь уже я отвел глаза. Маэстро только что просмотрел видеоматериалы «Гонца».

— Сектантам хватило и одного убитого. Остальные до конца своей жизни сохранят страх перед Землей — планетой Сеятелей.

— Да уж. Голыми руками...

— Замолчи!

— Странно, — задумчиво сказал Маэстро. — Я стал бояться тебя, принц. Хоть я и привидение, но...

— Маэстро! — Я оборвал его философствования. — Хватит об этом. Рейдер сожжен. Сектанты отправлены на свою планету — с приказом замаливать грехи пятьсот пятьдесят лет...

— Этим они и занимаются в настоящем. Но я никогда не интересовался причиной. Маленькая курьезная секта...

— Маэстро! Я сделал для Земли все, что мог. Я спас ее. Вы скажете, что это было неизбежно, даже наш поединок потому и был проигран вами... Все потому, что в главном потоке истории было свершившимся фактом — принц планеты Тар победил сектантов. Ладно. Не будем заниматься софистикой. Но, наверное, я имею право на награду?

— Какую? — На лице Маэстро блуждала пьяная улыбка.

— Расскажите мне о настоящем. О времени, в котором вы живете. Настоящий вы, а не ваш эмоциональный модуль. О том времени, в котором Земля вошла в галактическую цивилизацию. И, конечно, причину.

Маэстро мгновенно протрезвел.

— Какую причину?

— Зачем понадобилась колонизация прошлого. С чем вы столкнулись, потомки? Что вас напугало?

— Вот даже как... Сергей, знание о будущем иногда весьма тяжело. Вам же будет проще не знать всего.

— Говорите, Маэстро. Я могу затребовать информацию от Храма. Но приятнее узнать все от человека.

Я закурил. Маэстро разглядывал меня, продолжая колебаться. Потом кивнул.

— Хорошо, Сергей. Живите с грузом, если вам так больше нравится.

— Нравится.

Жгучий дым сладкой отравой протек по гортани. Я не отрывал от Маэстро внимательного взгляда. Кого-то он мне напоминал. Потомок...

— В две тысячи сто тридцать втором году звездолет «Тулуза» впервые в истории Земли произвел контакт с инопланетной цивилизацией, — официальным, жестяным голосом заговорил Маэстро. — Земля встретила чужих. Иную расу. Другое племя.

Он словно не находил слов, путаясь в синонимах и повторяясь. Но я чувствовал — за этой тавтологией скрывается нечто большее. Отсутствие определения...

— Как вы их называете, Стас?

Маэстро взглянул на меня с благодарностью.

— Фанги. Это самоназвание, они используют звуковую речь... Мы встретили фангов...

Он замолчал, уставившись в празднично накрытый стол. Словно его вновь охватило опьянение...

— Прошел год, прежде чем люди поняли ситуацию. Мы или они. Кто-то должен был уйти. Люди и фанги не могут сосуществовать в одной Вселенной.

— Почему?

— Они чужие... Они... фанги. Сергей, не считайте людей будущего расистами. Этот термин подходит лучше всего. Но мы не расисты. Вы знаете ц-трэсов? Цивилизация пернатых гуманоидов... Они будут полностью уравновешены в правах с людьми и жителями колонизированных планет. Мы можем и будем с ними сотрудничать.

— А с фангами — нет? Они настолько не похожи?

— Они вполне гуманоидны... Они ближе к нам биологически, чем многие наши потомки. Те же клэнийцы — разве они похожи на людей? А обитатели Пэла?

— Ну а фанги? — Я выпустил в потолок струю дыма, прикурил новую сигарету от старой. — Они людоеды? Садисты-завоеватели? Откладывают яйца в человеческих желудках? Развлекаются стрельбой по живым мишеням... в роли которых дети от трех до семи лет?

— Сергей, понятие бульварной литературы и фильмов ужасов сохранилось и в наши дни.

Я поморщился. Меня осадили. И за дело.

— Фанги — это существа с нечеловеческой логикой.

— И только-то?

— Вам мало, принц?

— Объясните, Маэстро. В чем суть этой логики?

— Сергей, избавьте меня от таких лекций. Я — фантом, но эмоции у меня человеческие. Возьмите в библиотеке Храма пленки или книги о фангах. Их немало. Но основное, что вы усвоите, фанги — существа, которых невозможно понять и принять.

Я молча курил, размышляя. Что за чушь? Цивилизация, которую нельзя понять и надо уничтожить — из-за другой логики поведения. Я прочитал в свое время немало фантастики, и нигде не утверждалось такой чуши. Наоборот, если верить писателям — а мне после ожившей «космической оперы» хотелось им верить — взаимопонимание возможно со всеми. С теми, кто дышит аммиаком и хлором, похож на паука или бронтозавра... А если уж представить цивилизацию с манией завоевания, врожденной кровожадностью... Читал я и про это. Но объяснить их поведение можно с помощью обычной логики. Разве что непостижимые Странники у братьев Стругацких...

Потому и непостижимые, что никак не описаны. Когда писатель или сценарист выдумывал экзотическую цивилизацию, он лишь брал одну из сторон человеческой. Кровожадный хищник из фильма — просто инопланетный охотник, ни в грош не ставящий остальных людей. Другие абсолютно нечеловеческие герои — это лишь сверхосторожные, слишком сентиментальные, излишне гордые или предельно жестокие люди.

Думая о братьях по разуму, мы всегда ожидали встретить людей. В любом обличье — от колонии мыслящих насекомых до разумных кристаллов или плесени. Но их поведение должно укладываться в наши рамки, или...

Что ж, варианты возможны. Цивилизация, слишком уж несхожая с человеческой, может, в нашем понимании, не захотеть общения... У одного неплохого писателя разумные кристаллы написали на себе светящимися буквами: «Уходите, вы нам мешаете». И вежливые земляне улетели.

А если инопланетянин со «своей логикой» попросит землян уйти с Земли? Очень убедительно попросит...

— Ваши интересы столкнулись? — резко спросил я Маэстро.

— Да... в какой-то мере. Мы поняли, что обречены на войну. Тридцать миллиардов людей на двенадцати обитаемых планетах... Против триллионов фангов. У нас не было шансов...

— И вы решили создать армию?

— Да. Наша галактика была не исследована ни людьми, ни фангами. И мы решили произвести десант в прошлое. Проект «Х». Все области космоса, кроме ближайших к Земле, будут засеяны семенами жизни. Храмы воспитают из гуманоидных цивилизаций воинов... и поклонников Сеятелей — цивилизации-основательницы. И когда через сутки после высадки десанта в прошлое мы провели тайную вылазку на ближайшую планету, где должен был быть Храм, там оказалась развитая и очень боевитая цивилизация людей. Кстати, это был Схедмон... Теперь, в настоящем две тысячи сто тридцать третьем году, нам надо лишь активировать механизм Храмов, и триллионы людей, прирожденных бойцов, придут на помощь Земле.

— Вы уверены?

— А вы нет? Все чтут Сеятелей... тем более, что Храмы повинуются нам. Мы не собираемся принуждать кого-либо к войне против фангов, Сергей. Все, кто узнает про их цивилизацию, сам сделает свой выбор.

Я засмеялся.

— Маэстро, бросьте... Вы создали тысячи планет-крепостей, тысячи народов-армий. Всему на свете они предпочитают войну. И очень огорчены отсутствием достойного врага. Когда появятся Сеятели и укажут на чужаков-фангов — восторгам не будет предела! Все ринутся в бой...

— Сергей, когда вы ознакомитесь с материалами о фангах...

— Маэстро! Я верю... готов поверить, что люди и фанги не уживутся в одной Вселенной. Но факт в том, что вы, мои умные и добрые потомки, приготовили себе огромный запас пушечного мяса! — Стаса передернуло. — В наше время это называлось именно так. И логика ваша вполне человеческая. Может быть, фанг вас и не поймет, я же понимаю прекрасно. До меня даже доходит тот факт, что Храмы приостановили развитие всех планет примерно на одном уровне. Чтобы они не обогнали матушку-Землю и не стали опаснее фангов!

— С чего вы это взяли?

— Маэстро...

— Ну ладно. Вы правы, принц. Колонии не должны обгонять Землю в развитии — хотя бы до момента уничтожения фангов. Это заложено в план «Х».

Мы замолчали. Я вдруг осознал, что ухитряюсь курить одну и ту же сигарету пятнадцать минут. Иллюзорный мирок... Храм улавливает мои скрытые желания — и выполняет их. А ну-ка, бокал вина, плыви в мою ладонь...

Холодный хрусталь ткнулся в пальцы. Я сделал глоток.

— Откуда они, фанги?

— Из карликовой галактики, спутника нашей галактики. Раньше она имела номер и название, сейчас ее называют просто фанг-система.

— Они переселяются оттуда? Ищут жизненного пространства?

— Это человеческие термины. Они просто контактируют. К счастью, мы успели предотвратить их широкое проникновение в нашу галактику. Нам повезло, что мы живем «на окраине» и перехватили первые же корабли фангов.

— А не проще ли слетать в их галактику сейчас? И уничтожить, пока фанги не стали развитой цивилизацией?

Маэстро улыбнулся.

— Сергей! Они стали развитой цивилизацией! Это в основном потоке истории. Это уже случилось. Не забывайте — мы с вами сейчас в прошлом.

— Не забываю, Маэстро. Кстати, об этом нам и придется поговорить. Насколько я понимаю, мой след в истории Земли отсутствует?

— Да. Вы не вернулись на Землю... разве что инкогнито. А это идея! В другом государстве, под чужим именем, неприметно...

Я захохотал.

— Маэстро! Вам так не терпится сплавить меня подальше? Избавиться от конкурента по управлению Храмами? Неприметная жизнь не по мне.

Похоже, Стас обиделся.

— Я лишь предложил вариант... Вдруг вы хотите вернуться на родину? Вашего следа в истории нет. Вы исчезли навсегда. Видимо, остались жить в галактике. На Таре или другой планете...

— В прошлом...

— В прошлом.

Маэстро насторожился.

— Сейчас я объясню, что собираюсь сделать, — вежливо сообщил я. — Храм выделит мне малый боевой корабль типа «Корсар». Я погружусь в него с женой и друзьями. И улечу в будущее. То есть — в ваше настоящее. В тысяча сто тридцать третий год.

— Это безумие! — Маэстро вскочил. — Только там вас не хватало!

— Да? А Храмы считают, что я могу принести пользу для Земли в будущем. Они согласны осуществить временной переход.

— Храмы преувеличивают вашу роль в подавлении сектантов...

— Тебя бы туда, под бок кварковой бомбе! Привидение! У тебя умирали друзья?

— Да, — очень спокойно сказал Маэстро. — А у вас никто не погиб. Разве что Клэн... Даниил ведь жив-здоров.

— Это уже не тот Данька, что был в моем экипаже! Тот — погиб. Потому что должен был забыть свои приключения. Хватит с меня жизни в прошлом. Мы уходим в настоящее.

Секунду мне казалось, что Маэстро бросится на меня. Или предложит новый ментальный поединок. Но он неожиданно успокоился.

— Я не буду спорить, принц. Берите «Корсар». Но учтите, вам не удастся проявить свои таланты раньше тридцать третьего года. Вас не было в истории! Корабль вынесет вас к моменту Единения, к 11 апреля две тысячи сто тридцать третьего года. На следующий день после того, как темпоральная экспедиция проекта «Х» ушла в прошлое.

— Ну и что?

— Вы попадете к моменту колоссального галактического «стресса». Планеты узнают о Земле — родине Сеятелей. И о фангах, угрожающих всем людям. Вы окажетесь в мире накануне войны.

Я пожал плечами. Спросил:

— А нынешнее положение в галактике вы считаете миром?

Маэстро вяло улыбнулся.

— Сергей... Вы не знаете фангов. Вы и представить себе не можете, на что похожа война с ними.

У меня вдруг отпало желание спорить.

— Ничего, Маэстро. Я не очень боюсь этой войны. К тому же, мне хочется взглянуть на фангов.

Лицо Маэстро искривилось. Словно я признался в копрофагии...

— Взгляните, принц... Но ведь истинная причина другая? Вы хотите уйти от заданности своих поступков. От детерминизма.

— Да.

— Сергей, это будет ложным уходом... Старая философская проблема о свободе воли решена. Мы несвободны. Нас несет основным потоком истории — и все, что нам дано, это барахтаться более или менее энергично. Даже в настоящем, которое для вас является будущим, вы обречены делать то, что потребует от вас ход истории. Свободы воли нет.

— Свобода воли, Маэстро, это отсутствие человека, знающего твои поступки наперед. Вот и все.

Я встал — словно из этого помещения можно было уйти обычным путем. Поинтересовался:

— Мне нужно отдать Храму приказ о вашей «раскапсуляции»?

— Не обязательно. Когда вы улетите, я вновь стану для Храмов Создателем и единственным высшим контролером. Посижу здесь немного... и отключусь. Усну. До следующей плановой проверки или очередной нештатной ситуации.

— А скоро плановая проверка?

— Через десять лет. Когда позади тысячелетия, полторы сотни лет с пятнадцатью пробуждениями уже не гнетут так, как вначале.

Мы смотрели друг на друга, словно осознав, что это последняя наша встреча — в уютном иллюзорном мирке Храма.

— Все-таки мы оба земляне, — тихо сказал я. — Счастливого дежурства.

— Счастливого будущего, — так же тихо сказал Маэстро. — Удачи, принц.

Он протянул мне руку, и я не колеблясь пожал ее. Рука была теплой и твердой. Нормальная, сильная мужская рука. Маэстро оказался привидением самой высшей пробы. Теперь оставалось лишь пожелать и оказаться в ангаре Храма, где рядом с зеркальным шаром — боевым кораблем типа «Корсар» — стояли друзья. Эрнадо, Ланс, Редрак. Повизгивающий, грустный, лишенный хозяина Трофей. И принцесса планеты Тар — Терри. Моя жена.

За те два дня, что мы провели на Земле, я успел обвенчаться с ней в православной церкви. Сам не знаю, почему. Как не знаю и того, что заставило ее согласиться и на венчание, и на вечеринку с моими обалдевшими друзьями в маленьком городском кафе, и на вечер в лучшем номере самой дорогой гостиницы Алма-Аты. Очень удобно, что синтезаторы «Гонца» умели производить образцы старинных денег.

Может быть, она действительно меня любит? Принцесса Терри с планеты Тар…

Что-то упорно мешало мне уйти в свое свободное и загадочное будущее, из несуществующего уюта, где останется размышлять о случившемся Маэстро. Неизбежность? Едва ли…

— Стас, — неожиданно для себя спросил я. — Данька…Даниил, с ним все было нормально?

— Да. Вы же доставили его прямо к порогу дома. И даже проследили, кто открыл дверь — родители или бандиты с ножами. С ним все в порядке.

— Я не о том. Стас, он был счастлив?

Наступила пауза. Стас пожал плечами:

— Он был известным…великим художником.

— В двадцатом веке были известные художники Илья Глазунов…

— Я же о великих.

— И Марк Шагал.

Маэстро задумчиво смотрел на меня.

— Сергей, он стал великим художником. Тут уже не подходят обычные понятия счастья.

— Понятно.

— Возьмите в библиотеке кассету с его работами. Там есть и несколько биографий, весьма любопытных.

— Спасибо. Я и не подумал. Я возьму кассету с картинами — этого хватит. Маэстро, а он рисовал…космос?

Ловким движением Стас извлек из кармана пиджака нечто вроде яркой цветной открытки. Многослойное изображение? Нет, похоже, просто открытка, даже сделана из картона…

— Одна из немногих картин, где есть что-то космическое. Возможно, вам она скажет больше, чем мне.

Я не знаток живописи, но это был очень странный стиль. Если соединение сотен ярких, чистых тонов в одно цельное и гармоничное изображение и есть цветазм — то Данька придумал забавный стиль. Яркий и праздничный, как новогодняя игрушка. Тревожный и печальный, как ночное небо сквозь ветви дремучего леса.

А на картине был берег озера, освещенный странным разноцветным сиянием плывущих в небе лун — синих, оранжевых, красных, зеленых… Я не стал их считать — меня не интересовало, ошибся ли Данька. Потому что на песчаном берегу озера в разноцветном полумраке сидел, прижимая к коленкам похожее на собаку животное, прекрасно знакомый мне мальчишка. С мокрыми после купания волосами, запрокинутой к небу головой. Рядом с ним лежал на тонкой темно-бордовой, даже на взгляд теплой подстилке, молодой, атлетически сложенный парень.

Меня Данька приукрасил…кажется.

А все остальное было точным.

Здорово он ухитрился взглянуть на нас со стороны…

Я повертел открытку. И вдруг заметил, что за ажурным силуэтом леса встает призрачная серая тень. Огромный шар, не то накатывающийся, не то отступающий от лесного озера.

Великие Сеятели…

Девяносто пять процентов памяти о «каникулах в космосе» было уничтожено. Остальное должно было превратиться в мешанину похожих на сон видений, непонятных фраз, забытых переживаний…

Но что-то осталось.

Я вспомнил, как осторожно прислонил Даньку — вялого, заторможенного, погруженного в надежный наркотический сон, к стене подъезда, у двери его собственной квартиры. Ланс и Эрнадо с парализаторами застыли на лестничных пролетах. Я долго смотрел на Даньку — ни малейшего следа страшной раны. Медицинский блок «Гонца» постарался на славу. Но и ему не подвластна память…

— Может, так оно и лучше, а? — негромко спросил я. — Меньше переживаний и тоски. Травматическая амнезия. Родителям на радостях будет не до того. Главное — ты дома.

Я достал из кармана алмаз — «сдачу» с гиперперехода принцессы. Ехидно улыбнулся — если это неизбежность, то приятная. И опустил его Даньке в карманчик модной, купленной в магазине «Элита» в центре города рубашки. Виновато объяснил:

— На память… Трофея, увы, не могу…

Хотел потрепать Даньку по щеке — и остановил руку. Уже не стоит.

— Пока, Данька. На озере было здорово, правда?

Его глаза смотрели сонно и бездумно. Я надавил на кнопку звонка и метнулся вниз по лестнице. Вслед за мной бесшумной и едва видимой тенью — Эрнадо. На первом этаже он остановился, бросил короткий взгляд на экранчик видеодатчика — незаметной пылинки на Данькиной рубашке.

— Порядок. Мать ревет и колотит его по щеке... чтобы очнулся. Вроде, помогает.

Помогает...

Я оборвал поток воспоминаний — и вовремя. Комната для принятия решений растаяла, превратившись в грязную площадку земного подъезда. У смятых, искривленных пинками перил стоял Маэстро, крепко цепляясь за покрытый облупившейся краской поручень.

— С вашей ментальной силой трудно бороться, — прошептал он. — Смена интерьера в комнате даже не планировалась технически... Вы воздействовали на управляющие контуры Храма напрямую...

— Извините, — глухо сказал я. — Сейчас переделаю. Скажите, я могу взять эту открытку?

— Это фантом. Но можно заказать материальную копию... Вам что-то напомнила эта картина? Наша семейная реликвия, между прочим...

— Ваша?

— Даниил мой прямой предок, — с легкой гордостью сказал Стас.

Я даже не удивился. Просто кивнул.

— Напомнила. Пару старых и всем известных истин.

Мир вокруг начал таять — меня ждал ангар с боевым кораблем «Корсар», жена и друзья, лишившийся друга «котопес» и будущее, не скованное неизбежностью.

— Каких! — Возглас Маэстро на секунду остановил смену декораций. — Каких истин?

Я не ответил. Зачем? Память сильнее ножа, а дружба побеждает смерть. Эти слова станут фальшивыми и смешными, если их произнести вслух.

— У тебя были отличные каникулы, Данька! — выкрикнул я, пока транспортные механизмы Храма несли меня сквозь стены. Влажное, сырое касание силовых полей... — У тебя будет теперь вся Земля. Планета, которая есть!

Планета, которая будет.